
Наследие
ДМИТРИЯ
КАНТЕМИРА
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наследие *ДМИТРИЯ* *КАНТЕМИРА* И СОВРЕМЕННОСТЬ

Составители: *Х. Корбу, Л. Чобану*

Издательство «Картя Молдовеняскэ»
*Кишинев * 1976*

8МI+8РI
Н31

Н $\frac{70202-073}{М751(12)-76}$ 238—76

От составителей

В 1973 году научная и литературная общественность нашей страны широко отметила трехсотлетие со дня рождения выдающегося молдавского ученого-энциклопедиста, писателя-гуманиста, видного общественного деятеля и страстного поборника русско-молдавской дружбы Дмитрия Кантемира. К этому знаменательному юбилею был приурочен ряд крупных мероприятий. Состоялись научные конференции и симпозиумы, опубликованы многочисленные статьи и материалы, освещающие различные стороны многогранной и плодотворной деятельности Дмитрия Кантемира. В прочитанных докладах и сообщениях, в опубликованных на страницах центральной и республиканской печати материалах, статьях и исследованиях содержались новые, доселе неизвестные архивные факты, по-новому, с четких марксистско-ленинских позиций трактовались различные стороны научного и литературного наследия Д. Кантемира, его выдающийся вклад в развитие и укрепление дружественных связей между молдавским и русским народами.

В этой большой работе принимали активное участие видные ученые Москвы, Ленинграда, Казани,

Кишинева и других городов, известные писатели и общественные деятели.

В настоящую книгу включены лишь те статьи и материалы, которые, по мнению составителей, представляют наибольший научный интерес и которые в совокупности своей дают достаточно полное и цельное представление о жизненном и научно-литературном пути Дмитрия Кантемира.

П. К. ЛУЧИНСКИЙ

Дмитрий Кантемир — общественно-политический деятель, ученый, патриот

В летописи многовековой дружбы русского и молдавского народов особое место принадлежит Дмитрию Кантемиру — ученому-энциклопедисту, общественно-политическому деятелю Молдавского княжества и Российской империи, 300 лет со дня рождения которого исполнилось в 1973 году. Велика роль Д. Кантемира в развитии молдавской культуры конца XVII — начала XVIII в., в укреплении братских русско-молдавских отношений. Изучение его богатого наследия представляет большой интерес для правильного понимания хода развития философской, общественно-политической и научной мысли Молдавии того времени. Внимание, которое Д. Кантемир уделял вопросам истории России, а также его государственная деятельность как союзника и соратника Петра I раскрывают истинный характер русско-молдавских отношений конца XVII — начала XVIII в., которые неоднократно подвергались фальсификации в буржуазной историографии.

Дмитрий Кантемир родился 26 октября 1673 г. в селе Силиште Фэлчийского уезда, в семье будущего господаря Молдавии Константина Кантемира. В одном из своих ранних произведений он писал, что отец его происходил из людей «простых, низкого ранга»[1]. Мать Д. Кантемира — Анна Бантыш принадлежала к старинному роду мелких бояр[2].

Д. Кантемир получил прекрасное для своего времени образование. Его отец, господарь Молдавии (1685—1693),

---

[1] Д. Кантемир. История иероглификэ. Кишинэу, 1957, стр. 400.

[2] Родственники Анны Бантыш перешли в Россию вместе с Д. Кантемиром в 1711 г. и положили начало роду Бантыш-Каменских, представители которого стали видными учеными и государственными деятелями России (см. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 1. СПб., 1895, стр. 31—34).

которому, по всей вероятности, не единожды приходилось слышать укоры крупного боярства из-за того, что «не знал он грамоты и научился лишь расписываться»[3], проявил большую заботу об образовании детей. В качестве домашнего учителя своих сыновей он пригласил грека Иеремию Какавелу, под наблюдением которого Дмитрий изучал историю, теологию, классические, а также славянский и молдавский языки. Развитию способностей, стремлению к знаниям юного Кантемира способствовала и обстановка, которая царила в господарском дворце. Многие ближние бояре (например, братья Мирон и Величко Костины, И. Русет, К. Гаврилицэ, Хурмузаки и др.) были образованными людьми и ратовали за просвещение страны.

С 1688 года начинается период длительного пребывания Д. Кантемира в Константинополе, где он с перерывами находился 22 года — вначале в качестве заложника отца (Молдавия находилась в вассальной зависимости от Османской империи), затем — представителя старшего брата Антиоха во время его первого княжения в Молдавии (1695—1700). Будучи в Константинополе, Д. Кантемир вначале всецело посвящает себя учению. Он посещает Патриаршую школу — единственное высшее учебное заведение для православных в турецкой столице. Впоследствии Д. Кантемир в своей «Истории роста и упадка Оттоманской империи» весьма лестно отзывался о преподавателях Патриаршей школы. Здесь он приобщился к античной культуре, изучал историю, философию, литературу, древние языки, приобрел знания в области естествознания, искусств, теологии.

Несмотря на то, что в Патриаршей школе среди преподавателей было немало выпускников итальянских университетов, она все же осталась замкнутым религиозным учебным заведением. Многие ее преподаватели и выпускники являлись богословами. Все это, конечно, не могло не сказаться на мировоззрении юного Кантемира. Среди учителей и воспитанников школы (выходцев из порабощенных Османской империей стран) царили антитурецкие настроения, что также оказало большое влияние на формирование политических взглядов Кантемира.

---

[3] И. Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1969, стр. 136.

Во время пребывания в Константинополе пытливый княжич весьма усердно изучал культуру восточных народов. Он овладел турецким, арабским и персидским языками, что помогло ему стать одним из известных востоковедов своего времени. Кантемир поддерживал знакомство с турецкими учеными и государственными деятелями. Ему также были открыты двери иностранных посольств, благодаря чему он смог приобщиться к западноевропейской культуре. Контакты с образованными людьми и политическими деятелями Стамбула давали Д. Кантемиру возможность разбираться в политической жизни, приобретать опыт, ориентироваться в международной политике того времени. Особенный интерес проявил он к истории. Находясь в Константинополе, молодой ученый коллекционировал эпиграфические источники, редкие книги, рукописи, изучал византийские, арабские и турецкие хроники, исследовал развалины старых дворцов, собирал материалы по истории Оттоманской империи.

После смерти отца (1693) Д. Кантемир вовлекается в политическую борьбу, развернувшуюся в Молдавии. Он пристально следит за внутренней ее жизнью, поддерживая постоянные контакты с множеством лиц из Молдавии, будучи хорошо осведомлен о происходящих там событиях. В политической борьбе с крупным боярством и сторонниками валашского господаря К. Брынковяну Д. Кантемир дважды добивался престола для своего старшего брата Антиоха (1695—1700 и 1705—1707). Изучая по летописям Г. Уреке и М. Костина прошлое своей родины, он все более проникался идеей необходимости борьбы за ее освобождение. Увидев, насколько низко пали моральный дух и боеспособность турецкой армии, наблюдая поражения, которые она терпела в последней четверти XVII в., коррупцию государственного аппарата, Кантемир пришел к правильной мысли, что Османская империя вступила в период неуклонного упадка.

Одновременно он констатировал рост экономического и военно-политического могущества России и пришел к убеждению, что родина его, как и другие балканские страны, порабощенные Турцией, сможет обрести национальную независимость только с помощью русских. Он всецело разделял стремления балканских народов, тяготевших к России. «Тогда все христиане с надеждой и радостью уповали на москалей» (то есть на русских.—

П. Л.), — отмечал современник и соратник Кантемира, гетман молдавских войск летописец И. Некулче. Тяготение молдаван к России был вынужден признать и Николай Маврокордат, соперник Кантемира в борьбе за молдавский престол, заявивший великому визирю, что по прибытии в Молдавию он «нашел более половины бояр предавшимися москалям, схватил их и засадил в тюрьму»[4]. Последующие события свидетельствуют о том, что Кантемир стал убежденным борцом за сближение Молдавии с Россией. Находясь в турецкой столице, он установил тайные связи с русским послом в Османской империи П. А. Толстым, заложив тем самым основы будущего военно-политического союза с Россией, заключенного после восшествия Д. Кантемира на молдавский престол. Об этом он вспоминал в письме, адресованном Петру I в сентябре 1721 г.: «Будучи в Константинополе, верность, которую обещал превосходительнейшему г. Петру Андреевичу Толстому, не нарушил... А как прибыл в Молдавию, прежде и после пришествия величества вашего в нашу землю, ту же соблюдал верность...»[5]

В ноябре 1710 г. султан Ахмед III, после объявления войны России, по совету крымского хана, в спешном порядке, без принятых в таких случаях церемоний и денежных взносов, назначил Д. Кантемира господарем Молдавии. Султану казалось, что Кантемир является человеком, способным защитить в Молдавии интересы Османской империи. Став в декабре 1710 г. господарем, Д. Кантемир через своего поверенного в Константинополе «очень изворотливого» грека Яно[6] помог П. А. Толстому (заключенному в Семибашенный замок) вести тайную переписку с русским правительством. «Такой верностью и службой, — отмечал современник, — завоевал Думитрашко-водэ (Д. Кантемир. — *П. Л.*) огромную честь и любовь Петра Алексеевича, московского императора, ибо никто иной не осмеливался оказывать таких услуг, так как посол находился под строгой охраной»[7].

---

[4] И. Некулче. Указ. соч., стр. 235, 237.

[5] П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 374—375.

[6] И. Некулче. Указ. соч., стр. 237. После того как в Константинополе стало известно, что Кантемир перешел на сторону России, Яно был арестован и обезглавлен (И. Некулче. Указ. соч., стр. 247, 286).

[7] Там же, стр. 238.

Связав будущее Молдавии с Россией и учитывая ненависть молдавского народа к поработителям и его симпатии к русскому народу, Д. Кантемир после тайных переговоров 13 апреля 1711 г. заключил с Петром I в Луцке военно-политический договор, известный под названием «Диплома и пунктов»[8]. Согласно договору, Молдавия сохраняла государственную самостоятельность под покровительством России, которая обязывалась защищать ее от иноземных нашествий. В свою очередь, Кантемир присягнул на верность Петру I и обязался объединить свои войска с русской армией в совместной борьбе против турецкого султана. Реализация договора могла положить конец разрушительным турецким и татарским набегам на Молдавию. Кроме того, страна перестала бы быть ареной опустошительных войн между Османской империей и Польшей. Большое значение имела восьмая статья договора, которая предусматривала, что господарь «во всех доходах княжества сего никакой убавки и ущерба да не имел бы»[9]. Это означало, что Молдавия избавлялась от тяжелой дани, которую она выплачивала Оттоманской Порте.

Содержание договора отвечало интересам широких слоев населения Молдавии[10]. Его реализация избавила бы страну на 100 лет раньше, чем это случилось в действительности, от турецкого ига, способствовала бы ее экономическому, общественно-политическому и культурному развитию. Известно, что благосостояние Османской империи основывалось на грабеже подвластных ей народов. Как отмечали основоположники научного социализма, пребывание турок в Европе представляло серьезное препятствие для развития ресурсов, которыми обладает Балканский полуостров[11]. Россия, вступившая в начале XVIII в. на путь экономических и политических преобразований, была государством более передовым, нежели отсталая Османская империя. К тому же «русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета»[12]. Заключая договор с Петром I, Кантемир следовал

---

[8] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1. М., 1962, стр. 172—177 (далее — «Письма и бумаги...»).

[9] Там же, стр. 175.

[10] Этот тезис убедительно раскрыт в советской историографии. См., например, Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.

[11] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 6.

[12] Там же, стр. 32.

давно сложившейся традиции молдавско-русских союзнических отношений, поборниками которых являлись господари Стефан III, Петр Рареш, Георгий Стефан и русские государи — великий князь Иван III и цари Иван IV и Алексей Михайлович. Анализ содержания русско-молдавского трактата 1711 г. показывает несостоятельность утверждений националистической буржуазной историографии о том, что, заключая союзнический договор с Россией, Кантемир якобы не посчитался с высшими государственными интересами Молдавии в угоду личной выгоде, что союз его с Петром олицетворяет, дескать, взаимоотношения властелина с рабом, что царизм тем самым получил возможность вмешиваться во внутренние дела княжества и что политическая близорукость господаря привела его к клятвонарушению и предательству по отношению к султану.

В июне 1711 г., во исполнение заключенного договора, русская армия впервые вступила на молдавскую землю. Д. Кантемир видел свою мечту почти сбывшейся. Он первый из молдавских господарей поднял знамя борьбы за освобождение родины в союзе с русскими войсками. Когда 1 июня в Яссы прибыл отряд под командованием бригадира Кропотова (в составе отряда находился молдавский волонтерский полк А. Кигеча), Д. Кантемир открыто заявил о своем переходе на сторону России. Он обратился к населению Молдавии с манифестом, в котором, перечислив несчастья и беды, принесенные народу турецкими завоевателями, заявил, что Петр I начал войну, чтобы освободить христианские народы от турецкого рабства, и призывал жителей Молдавии объединиться с русскими и идти к Дунаю, чтобы противостоять туркам. Призыв господаря нашел широкий отклик среди молдавского населения. И. Некулче сообщает, что «начали приходить со всех сторон служилые и записываться в хоругви. И... стали записываться не только служилые, но и сапожники, портные, меховщики, лавочники. Дворовые бояр оставляли своих господ и спешили записываться в хоругви»[13].

Молдавский народ встречал русскую армию как освободительницу, выражая желание сражаться совместно с русскими войсками против турецких поработителей. В одном донесении офицера русской армии Петру I гово-

---

[13] И. Некулче. Указ. соч., стр. 249.

рилось: «волохи к нам беспрестанно приходят с великими доброжелательством и желанием и последние мужики служить желают»[14]. Когда войска фельдмаршала Б. П. Шереметьева переходили Днестр, местные жители оказывали им разнообразные услуги. «О приходе нашем обрадовались», — писал генерал-майор Вейсбах А. Д. Меньшикову в сентябре 1711 года[15]. На пути армии к Яссам «поднялись оргеевцы, сорочане и лапушняне и пошли вместе с ним (Б. П. Шереметьевым. — *П. Л.*) до перехода реки Прут»[16]. Все это свидетельствовало о том, что союз Д. Кантемира с Россией нашел положительный отклик в широких слоях молдавского народа.

Петр I высоко оценил переход Д. Кантемира на его сторону, уведомив об этом государственных деятелей России. Выражая личную признательность за решительный шаг, предпринятый молдавским господарем, Петр I 16 июня 1711 г. писал Д. Кантемиру: «...приятная была нам оная ведомость, что любезность ваша... обещание, которое вы по поставленному договору нам учинили, преизрядно исполнил: себя, оружие свое и войска к нам присоединил. Мы истинно оное приятным сердцем признаваем, и не токмо оное во всяком случае делом самим признаем, но и в том пребудем, что любезность ваша оныя надежды не лишитеся... но чаемой плод и пользу с потомством своим совершенно получать и иметь со всею землею своею будете»[17]. 24 июня Петр I прибыл в Яссы. Присутствовавший на приеме, устроенном Д. Кантемиром в честь Петра I и его приближенных, И. Некулче сообщает, что царь по-отечески обнимал господаря и целовал его «как отец сына своего»[18]. 30 июня Петр писал А. Д. Меньшикову, что в Яссах «зело возделенного приему нас от господаря волоского и прочих сей земли»[19] был устроен. Д. Кантемир произвел на Петра I впечатление способного государственного деятеля. «Оный государь человек зело разумный и в советах способный», — писал царь в своем журнале[20].

---

[14] См. «История Молдавской ССР», т. 1. Кишинев, 1965, стр. 309.

[15] «Собрание военно-исторических материалов», СПб., 1898. Вып. 12, № 52, стр. 277.

[16] И. Некулче. Указ. соч., стр. 247.

[17] «Письма и бумаги...», т. XI, вып. 1, стр. 292.

[18] И. Некулче. Указ. соч., стр. 253.

[19] «Письма и бумаги...», т. XI, вып. 1, стр. 305.

[20] «Походный журнал Петра I, 1711 года», СПб., 1854, стр. 49.

В битве при Станилештах Д. Кантемир командовал молдавскими войсками и лично принимал участие в сражении. Участник похода бригадир А. А. Яковлев в своих записках отмечает, что в момент, когда турецкие войска «учинили жесточайший напуск» (атаку.— *П. Л.*) на подразделения генерала Януса, «прислан был к нему на секурс (на помощь.— *П. Л.*) князь Кантемир с молдавцами, помощью которых он (Янус) неприятельскую конницу, состоявшую в 60 тыс. человек, через целых три часа удерживал и, прогнав оную, благополучно прибыл в лагерь при Станилештах»[21]. Во время мирных переговоров между турецким и русским командованием у Станилешт первым условием, которое выдвинул визирь, была выдача султану молдавского господаря. Петр I решительно отверг это домогательство. «Я лучше уступлю туркам все земли до Курска... — говорил он, — ибо остается надежда их отвоевать, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием. Потерянное оружием оружием возвращается, но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести то же, что не быть государем»[22].

После неудачи Прутского похода Петра I Д. Кантемир в сопровождении более 4 тысяч молдаван[23] отправился в Россию, обретя в ней вторую родину. Буржуазные авторы, как правило, в извращенном виде представляли его положение в России, утверждая, что, подавленный семейными заботами, бывший молдавский господарь вел замкнутый, уединенный образ жизни, был оторван от политической и культурной жизни страны. Большинство националистических буржуазных авторов умалчивали о благотворном влиянии передовой русской культуры на формирование мировоззрения Д. Кантемира, отрицали влияние петровских реформ на его общественно-политические и в значительной мере философские взгляды. И это говорилось о человеке, который проявлял огромный инте-

---

[21] Выписка из журнала Александра Андреяновича Яковлева, находившегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711 г., «Отечественные записки». 1824, ч. 19, № 51—53, стр. 18—19.

[22] Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. III. М., 1836, стр. 38.

[23] Т.-З. Байер История о жизни и делах молдавского господаря Константина Кантемира. М., 1783, стр. 364; П. П. Пекарский. Указ. соч., т. 1, стр. 570—571.

рес к России, занимал в ней высокие государственные посты, активно участвуя в ее политической жизни. «Именно условия России величайших преобразований петровской эпохи возымели определяющее воздействие на его творчество, придав ему соответствующую направленность и целеустремленность... Тесное переплетение научных потребностей петровской России, обуревавших Кантемира политических страстей и вынашиваемых им планов будили его мысль, питали творческую деятельность, воодушевляли на создание фундаментальных трудов, не потерявших и по сей день своего научно-познавательного значения»[24].

Д. Кантемир владел славянским языком, на котором писались и печатались в то время книги в Молдавии. В своем труде «Жизнь Константина Кантемира» он вспоминает, что в длинные зимние ночи переводил престарелому отцу церковные книги со славянского на язык страны. Знание славянского языка позволило ему впоследствии изучать в оригинале русские летописи, которые он упоминает в своей «Хронике стародавности». Будучи членом Сената и советником Петра I, ежедневно общаясь с русскими культурными и политическими деятелями, Д. Кантемир, несомненно, свободно владел русским языком. В. Г. Белинский писал: «Князь Дмитрий был человек умный... говорил по-турецки, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках»[25].

Буржуазные националистические историки отрицали также влияние русской культуры на творчество Д. Кантемира, для чего извращали картину российской действительности начала XVIII века. Они, например, считали, что Д. Кантемир, переселившись в Россию, попал в отсталую, малокультурную среду, что Россия времен Петра I находилась на более низком уровне культурного развития, чем Молдавия. По их словам, это была бескрайняя пустыня, где высокообразованному Кантемиру не с кем было обменяться хотя бы одной идеей. Эти историки всячески стремились противопоставить Петра I и Д. Канте-

---

[24] Е. Руссев. Славянский вклад в древнемолдавскую культуру. «Кодры», 1971, № 8, стр. 146.

[25] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 616.

мира, грешили они против истины и тогда, когда утверждали, что русская общественность относилась к молдавскому мыслителю враждебно, а его положение в России называли страданием.

В действительности Д. Кантемир и сопровождавшие его молдаване были окружены вниманием и заботой со стороны Петра I и его приближенных. По прибытии в Могилев в начале августа 1711 г. Петр I издал специальный указ, первый пункт которого гласил: «Его царское священное величество изволяет его князя Кантемира, бояр и прочих офицеров и волохов, которые ныне при нем, иметь в милости своей и титул светлейшего князя Российского содержати ему князю Дмитрию и наследникам его». Шесть пунктов указа предусматривали наделение прибывших в Россию молдаван землями и домами в Харьковской губернии[26]. Канцлер Г. И. Головкин в письме от 5 августа предписывал киевскому губернатору Д. М. Голицыну «принять и поступить с ним (Кантемиром. — *П. Л.*) любовно»[27]. В сентябре 1711 г., находясь за границей, царь приказывает Сенату приискать в Москве для Кантемира дом «по его достоинству», так как он «имеет жить своею фамилиею в нашем государстве»[28]. Кантемир получил имение с 1000 дворов крепостных крестьян в Орловской губернии, ему была назначена высокая государственная пенсия — 6 тыс. рублей в год[29]. Д. Кантемир постоянно переписывался с царем и другими государственными деятелями России, неизменно встречая с их стороны понимание и доброжелательность.

В начале XVIII в. в России выдвинулась целая плеяда талантливых, прогрессивных мыслителей, представителей «ученой дружины»: Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, А. М. Черкасский, И. Ю. Трубецкой, П. А. Толстой и др. Это были высокообразованные для своего времени люди, владевшие классическими и многими современными иностранными языками, знакомые с западноевропейской рационалистической философией, с гелиоцентрической теорией Коперника и Галилея, выступавшие против неве-

---

[26] «Полное собрание законов Российской империи», т. IV СПб., 1830, стр. 725—726.

[27] Т. З. Б а й е р. Указ. соч., стр. 364, прим. «в».

[28] «Письма и бумаги...», т. XI, вып. 2. М., 1964, стр. 154.

[29] И. И. Г о л и к о в. Деяния Петра Великого. т. V. М., 1888, стр. 124, 362.

жества и ратовавшие за более светский характер образования, защищавшие идеи «просвещенного» абсолютизма. В их лице Д. Кантемир обрел друзей и единомышленников. С Феофаном Прокоповичем и В. Н. Татищевым он был знаком со времени Прутского похода, в котором они принимали участие. Молдавский ученый знал труды Ф. Прокоповича и полемизировал с ним по вопросам воспитания и религии[30]. Русского дипломата П. А. Толстого Кантемир знал еще со времен его пребывания в Константинополе. Среди образованных людей, близких к Д. Кантемиру, был «один из лучших учеников Славяно-латинской академии» И. Ильинский[31], который был приглашен молдавским ученым в качестве наставника его детей по русскому языку. Кроме того, И. Ильинский был личным секретарем Д. Кантемира, он вел дневник, отражающий государственную деятельность и успехи его патрона в России[32]. Теплые отношения сложились у Д. Кантемира с кабинет-секретарем Петра I А. В. Макаровым и особенно с канцлером Г. И. Головкиным, с которыми его сближали общие интеллектуальные интересы[33].

Общение Д. Кантемира с передовыми мыслителями и политическими деятелями России, обстановка активного хозяйственного строительства и реформ, проводившихся тогда в России, оказали положительное влияние на развитие его научного мировоззрения, его философских и общественно-политических взглядов. В период пребывания в России Д. Кантемир как ученый стал известен в Западной Европе. В Петербурге он установил связь с приглашенными в Россию немецкими учеными, по рекомендации которых 11 июля 1714 г. был избран членом Берлинской Академии наук.

Годы жизни в России для Д. Кантемира были весьма плодотворными. Здесь он написал большинство своих работ, в том числе такие фундаментальные исторические труды, как «История роста и упадка Оттоманской импе-

---

[30] И. Извеков. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича. «Заря», 1870, август, отд. II, стр. 1—35.

[31] «История Академии наук СССР», т. 1. М.—Л., 1958, стр. 119.

[32] Д. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., ч. II. М., 1836, стр. 430.

[33] См. письмо князя Дмитрия Кантемира к графу Гавриилу Головкину. «Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских». Книга третья. М., 1909, стр. 25—27.

рии», «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии», а также «Хроника стародавности романо-молдо-влахов». Если в Константинополе Д. Кантемир был увлечен прежде всего философско-религиозной тематикой, то в России он занимался в основном историей. Написанные здесь работы выполнены на более высоком уровне, отличаются своей документированностью и более зрелыми научными концепциями, ярко выраженной политической целеустремленностью. В отличие от работ, написанных в Константинополе и предназначенных для узкого круга близких автору людей, труды, созданные в России, будучи обращены не только к соотечественникам, но и к образованным людям России и Западной Европы, преследовали определенные политические цели.

Все работы Кантемира, написанные в России, проникнуты вниманием к стране, ставшей для автора второй родиной. В «Описании Молдавии» он прибегает к социально-политическим сравнениям Молдавии и России, в «Истории Оттоманской империи» и «Хронике стародавности» упоминаются победы русского оружия в Северной войне; «Книга систима или состояние мухаммеданския религии» была написана по просьбе Петра I в связи с Персидским походом; в неопубликованной работе «Претемные места в катехизисе» нашли отражение проблемы, возникшие в России в связи с церковной реформой Петра I. Все это свидетельствует о том, что русская действительность первой четверти XVIII в. оказала сильное влияние на формирование Д. Кантемира как ученого.

Жизнь Д. Кантемира в России была весьма многогранной, мало похожей на поведение кабинетного ученого, каким тщилась представить его румынская буржуазная историография. Он много путешествовал по европейской части страны, изучал историю и язык ее народов. Женившись в начале 1720 г. на княжне А. Трубецкой, дочери генерала И. Ю. Трубецкого, Д. Кантемир еще больше сблизился с высшими сферами русского общества[34]. Его часто навещали Петр I, князь А. Д. Меньшиков, канцлер Г. И. Головкин, генерал-прокурор П. И. Ягужинский, адмирал Ф. М. Апраксин, П. А. Толстой, В. Н. Та-

[34] «Сборник императорского русского исторического общества», т. 40. СПб., 1884, стр. 337—338; т. 41. СПб., 1884, стр. 176.

тищев, генерал-майор Ф. Кантакузино и другие государственные деятели, с которыми у него установились дружественные отношения[35].

Д. Кантемир сам стал видным государственным деятелем России и принимал активное участие в осуществлении ее внутренней и внешней политики. Указом от 20 февраля 1721 г. он был назначен тайным советником и членом Сената[36]. Д. Кантемир активно участвовал в работе этого высшего правительственного учреждения; его подписи стоят на многих указах Сената, касающихся важных военных и гражданских дел[37]. Он вел обширную переписку с различными государственными деятелями[38]. Во время Персидского похода Д. Кантемир, как знаток восточных языков, не только возглавлял царскую канцелярию, но и принимал участие в работе военного совета, где обсуждались предстоящие военные действия[39], вел научные наблюдения. Свидетельством того, насколько высоко ценили Д. Кантемира в научных кругах России, является тот факт, что его называли одним из вероятных кандидатов на пост президента будущей Российской Академии наук[40]. Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что Д. Кантемир органически сжился с Россией, стал ее видным деятелем.

Занимая на своей второй родине весьма высокое положение, Д. Кантемир не забывал, однако, многострадальной Молдавии, поддерживал постоянную связь с ее политическими деятелями, которые обращались при его посредничестве за помощью к России. Он внимательно следил за событиями международной жизни, получал через верных ему лиц информацию из Константинополя о положении дел в Турции. Как указывалось выше, будучи в России, Д. Кантемир не прекращал своих научных изысканий. Он пишет «Книга систима или состояние му-

---

[35] «Журнал Ивана Ильинского». «Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. 72, СПб., 1903, стр. 296—303.

[36] Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. 1. М.—Л., 1945, стр. 239.

[37] «Журнал Ивана Ильинского», стр. 296—303; Н. А. Воскресенский. Указ. соч., стр. 155, 173, 176—177, 240—241, 242.

[38] «Журнал Ивана Ильинского», стр. 306—311.

[39] «Походный журнал Петра I., 1722 г.». СПб., 1913, стр. 52—53, 141, 147—148.

[40] «История Академии наук СССР», т. 1, стр. 36.

хаммеданския религии», разрабатывает свою «Хронику стародавности...» на молдавском языке, собирает материалы для второй ее части. Во время Персидского похода Д. Кантемир изучает природу и образ жизни народов Поволжья[41]. По прибытии на Кавказ он предпринял серию географических, этнографических, исторических и археологических исследований, задумав написать историю Дагестана[42].

Таким образом, Д. Кантемир обрел в России благоприятную культурную среду, соответствующую его социально-политическим взглядам, духовным запросам и способствовавшую дальнейшему росту его как ученого, государственного и общественного деятеля. Своей второй родине, которой он служил верой и правдой, Д. Кантемир пророчил ведущее место в развитии мировой цивилизации. «Приближаются времена... — писал он, — когда мать наук придет (в Россию. — *П. Л.*) и засияют более великие дела, нежели в трех предшествующих монархиях»[43].

Д. Кантемир был энциклопедически образованным человеком. Он оставил богатое наследие, отражающее разнообразие его научных интересов. Им были созданы труды по истории, философии, географии, логике, музыке. Свою научную деятельность он начал в Константинополе. Здесь были созданы первые его работы «Диван, или спор мудреца с миром, или тяжба души с телом» (опубликована в Яссах в 1698 г. на греческом и молдавском языках) и «Неописуемый образ науки» (1700 г., на латинском языке), написанные в духе православного богословия и античной философии, особенно стоической. Вместе с тем в них уже содержатся элементы рационализма и социальной критики. Восприняв библейскую легенду о сотворении мира и строении космоса, в «Неописуемом образе науки» Д. Кантемир делает попытку объяснить некоторые природные явления с позиции естественных наук, высказывая деистические идеи. В 1701 г. им была написана на латинском языке «Всеобщая сокращенная логика», представляющая собой краткий учебник, в котором он в

---

[41] Н. Н. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1951, стр. 305.

[42] Д. Турнов. Свет из России. Махачкала, 1956, стр. 2—30.

[43] Д. Кантемир. Монархии фисическое рассуждение. Рукопись АН СССР. Ленинград, № 1, 5—28, л. 27.

отличие от предшествующих своих работ признает роль разума в процессе познания, подчеркивает значение логики в процессе приобретения знаний. В эти же годы он пишет на турецком языке трактат о турецкой музыке, создает для нее ноты. Следует упомянуть, что он сам был хорошим исполнителем и позднее, будучи в Москве, изобрел музыкальный инструмент[44].

Из трудов константинопольского периода наибольшее значение имеет «Иероглифическая история», созданная Д. Кантемиром в 1704—1705 гг. на молдавском языке. В ней содержится подробный рассказ о борьбе за власть между боярскими группировками Молдавии и Валахии в 1703—1705 годах. В этой работе раскрывается борьба Кантемиров против мунтянского господаря К. Брынковяну, который вмешивался в дела Молдавии. Но Кантемир не ограничивается только описанием этой борьбы, «а пытается представить широкую картину политической и социальной жизни Молдавии и Мунтении начала XVIII столетия»[45]. Ценность этого труда состоит также и в том, что он отражает эволюцию мировоззрения Д. Кантемира, который высказывал здесь прогрессивные для того времени социально-политические идеи. Большое значение имеет также развитие его философских идей в сторону деизма и рационализма, а также элементов стихийного материализма. Аллегорической «Иероглифической историей» Д. Кантемир заложил основы молдавского романа.

Большинство своих трудов, в том числе фундаментальные исторические труды, Д. Кантемир написал в течение 12-летнего пребывания в России. В 1714 г., посетив по приглашению Петра I Петербург, Кантемир адресовал ему две небольшие работы — «Панегирик» и «Рассуждение о природе монархии», в которых нашла выражение идея освободительной миссии России на Балканах. В 1715—1716 гг. им было создано «Описание Молдавии», снабженное географической картой. В этом труде Д. Кантемир охарактеризовал климатические условия и природные богатства края, его экономическое, социально-политическое, административное и культурное положение на рубеже XVII—XVIII веков. «Описание» проникнуто горячим патриотизмом и ненавистью к турецким поработите-

[44] Д. Кантемир. Книга систима или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722, стр. 354.

[45] «История литературий молдовенешть», т. 1. Кишинэу, стр. 91.

лям. Оно было переведено на многие европейские языки, в том числе и на русский.

Европейскую известность принес Д. Кантемиру его труд «История роста и упадка Оттоманской империи», написанный в 1714—1716 гг. на латинском и переведенный на многие языки. Монография целое столетие служила основным информационным материалом о Турции. Ею пользовались Вольтер, Байрон, В. Гюго. «История Оттоманской империи» содержит также сведения о политической истории Молдавии, об освободительной войне украинского народа середины XVII в., о русско-турецких отношениях XVII — начала XVIII века. В эти же годы была создана на латинском языке «Жизнь Константина Кантемира», работа, посвященная Д. Кантемиром его отцу. Она содержит множество фактов из семейной жизни этого господаря, в том числе о положении Д. Кантемира в Константинополе.

В 1717 г. Д. Кантемиром была написана на латинском языке «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», им же переведенная затем на молдавский язык со значительными дополнениями. В ней освещается история Дунайских княжеств с древнейших времен до XIII века. Автор пытался выяснить происхождение восточно-романской народности. Задумав рассмотреть историю молдавского народа как часть всемирной истории, он уделяет также внимание соседним странам и народам, в частности древним славянам. Особой честью и обязанностью считал он для себя писать в «Хронике стародавности» и о Древнерусском государстве, которому посвятил отдельную главу. По количеству использованных источников и по их интерпретации этот труд дает наиболее полное представление о Д. Кантемире как историке, о методе его научного исследования.

В работе, созданной в 1720 г., «Претемные места в катехизисе» (на латинском языке) Д. Кантемир полемизировал по некоторым религиозным проблемам, волновавшим Россию в ходе петровских реформ, а также высказал ряд прогрессивных мыслей о воспитании подростков. В декабре 1722 г. была опубликована на русском языке упомянутая обширная работа Д. Кантемира о мусульманском мире, написанная автором на латинском языке («Книга систима или состояние мухаммеданския религии»).

В своих многочисленных трудах Д. Кантемир затрагивал различные философские проблемы. Находясь в целом на идеалистических позициях, он вместе с тем высказал ряд прогрессивных идей, свидетельствовавших о том, что ему были присущи и элементы стихийного материализма. Д. Кантемир признавал объективность мира, ставил вопрос о причинности и закономерности, о движении, об изменениях в природе и обществе, выражал уверенность в силе человеческого разума. В «Диване или споре мудреца с миром» он писал о человеке, что не рабом, а владыкой мира бог его поставил и поэтому он должен властвовать над миром. В области теории познания Д. Кантемир неоднократно подчеркивал роль ощущений и опыта. «Вся наука, — считал он, — из наставлений чувств исходит; все знают, что не слепой, а зрячий судит о цветах и слышащий, а не глухой, внемлет красоте и сладости мелодий»[46]. Придавая значение практике в процессе познания, мыслитель отмечал: «Опыт и испытание предмета достовернее могут быть, нежели все расчеты ума»[47].

Наиболее передовые для своего времени идеи содержатся в социально-политических взглядах Д. Кантемира. Будучи сторонником укрепления центральной власти, он сурово осуждал крамольное боярство, бичевал моральное разложение представителей олигархии Молдавии и Валахии, их узкие сословные интересы, алчность, коварство, невежество, политическую близорукость, казнокрадство и произвол. Крупные бояре не без умысла изображены им в «Иероглифической истории» в виде хищных зверей и птиц, наносящих «неизлечимые раны» и радующихся «невинному кровопролитию»[48]. Изобличая невежество бояр, домогавшихся высших государственных должностей и использовавших в этих целях свою знатность и родственные связи, он писал: «Едва изобразить можно, какие иногда уроды высших чинов достигают». Такие люди «не только в отправлении государственных дел вовсе не сведущи, но и без добронравия и приличного поведения»[49]. Столпы боярской олигархии, по убеждению Кантемира, лишены чувства патриотизма. Причину установления ту-

[46] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 38.
[47] Там же, стр. 52.
[48] Там же, стр. 30.
[49] Д. Кантемир. Историческое, географическое и политическое описание Молдавии. М., 1789, стр. 295.

рецкого ига в Молдавии он видел во вражде, раздиравшей различные группировки господствующего класса. Он бичевал спесь крупных бояр, считавших, что человеческое достоинство определяется знатным происхождением[50]. Отрицательное отношение к крупному боярству было продиктовано тем, что оно было главным препятствием на пути установления абсолютной власти, сторонником которой был Д. Кантемир.

В отличие от многих историков-современников он в своих трудах уделял внимание и народным массам. В лице крестьян он видел прежде всего производителей материальных благ. В «Иероглифической истории» крестьяне аллегорически изображены в облике пчел, трудом которых создается «общее достояние»[51]. Гуманист по образованию и воспитанию, Д. Кантемир сочувственно относился к крестьянам, выступал против их чрезмерной эксплуатации, произвола бояр и государственной власти по отношению к ним. Он считал «несправедливым закрепощение «свободных крестьян»[52], ибо видел в них силу, которая может поддержать его в борьбе как против иноземных поработителей, так отчасти и против боярской олигархии за укрепление центральной власти[53].

Однако было бы неправильно думать, что, осуждая крупное боярство и сочувствуя крестьянам, Д. Кантемир был противником феодального строя как такового. Разделение людей, с одной стороны, на «государей и сенаторов, сановников и распорядителей», а с другой — на «пахарей и мельников, привратников и ключников»[54] он считал естественным, разумным и справедливым, то есть оправдывал социальное неравенство со всеми вытекающими из него последствиями. Д. Кантемир не требовал освобождения крепостных крестьян. Более того, он полагал, что народные массы не способны к политической деятельности; привлечение широкого круга людей к управлению государством принесло бы, по его мнению, только ущерб. «В устах многих, — писал он, — мало

---

[50] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 59.
[51] Там же, стр. 164.
[52] Д. Кантемир. Дескриеря Молдовей, Кишинэу, 1957, стр. 170, 162.
[53] В. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956. стр. 66.
[54] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 66.

дельных советов бывает»; волю простого народа он сравнивал с «бегом необученной и разнузданной лошади»[55]. Симпатии Д. Кантемира были на стороне мелких и средних феодалов, в которых видел он главную опору сильной господарской власти.

Д. Кантемир был сторонником абсолютной наследственной монархии, которая в тех исторических условиях являлась «прогрессивным элементом.... была представительницей порядка в беспорядке»[56]. Власть монарха, по мнению Д. Кантемира, естественна и необходима. «Подобно тому, как многим конечностям нужна одна голова,— писал он, — так и многим толпам нужен здравый ум»[57]. Судьбы народов и государств Д. Кантемир связывал с моральными качествами возглавлявших их государей. В установлении абсолютной власти просвещенного монарха он видел путь к сохранению независимости и достижению наибольшего могущества страны. Эту мысль он иллюстрировал на примерах из истории Римской и Византийской империй, Молдавии времен княжения Стефана Великого и других стран. Наглядным образцом действенности сильной центральной власти служила ему Россия времен Петра I, в лице которого он видел идеал абсолютного просвещенного монарха[58]. Став господарем Молдавии, Кантемир стремился осуществить свои политические идеи на практике, о чем красноречиво свидетельствует содержание Луцкого договора 1711 года.

Д. Кантемир неустанно боролся мечом и пером за освобождение своей родины, интересы которой ставил превыше всего. Он отмечал в своей «Хронике стародавности», что «для защиты отечества не меньше надлежит трудиться и не меньше потеть, чем в собственных интересах, ибо борьба за родину считается более почетной». Борьбу за освобождение родины Д. Кантемир считал священным долгом. «Ради свободы и родины с честью умереть, — говорил он, — много полезнее и похвальнее, нежели жить долго и бесчестно»[59]. Свой долг как историка он видел в прославлении героического прошлого Молда-

---

[55] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 102.
[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.
[57] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 158.
[58] Д. Кантемир. Монархии фисическое рассуждение, л. 27, об.
[59] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 68.

вии, в воспитании ее народа на примерах былого величия, мужества и жертвенности во имя высоких идеалов. Он неоднократно вспоминал подвиги, совершенные молдаванами в борьбе против турецких и иных завоевателей. «Сколько раз и скольких магометов и скольких баязитов и скольких муратов, — с гордостью писал он в «Хронике стародавности», — на молдавских полях разбил (молдавский народ. — *П. Л.*) и тысяча тысяч турок поглотили волны Дуная, Сирета, Бырлада и Днестра».

Стремясь пробудить в молдавском народе чувство национального достоинства, Д. Кантемир, будучи трезвым политиком, ясно отдавал себе отчет в том, что его страна без посторонней помощи не в состоянии избавиться от иноземного ига. И такую помощь он ждал от России. Д. Кантемир стремился придать этой идее теоретическое обоснование. В послании Петру I «Рассуждение о природе монархии» он представлял исторический процесс как последовательную смену четырех монархий (восточной, южной, западной и северной), которые проходят через стадии возвышения и падения, согласно «законам природы». Под четвертой (северной) монархией он подразумевал Россию, которая начала возвышаться и с которой он связывал самые сокровенные надежды на освобождение родины от иноземного ига. Российская держава призвана, по его убеждению, положить конец «выродку», то есть Османской империи, возникшей незакономерно. «Придерживаясь господствовавшей в средние века точки зрения на ход истории как на последовательное чередование мировых монархий, Кантемир ...уделял большое внимание естественным факторам этого процесса и тем самым сделал значительный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками»[60].

Верой в освободительную миссию России на Балканах пронизаны и другие исторические труды Кантемира. В «Истории Оттоманской империи» и «Хронике стародавности» он неоднократно упоминает об успехах русского оружия в борьбе против турецких и иных завоевателей, с восторгом отзывается о взятии Азова, о победах русских войск над шведами при Лесной и Полтаве, мужество и храбрость которых он воочию видел в битве при Станилештах в 1711 г. и во время Персидского похода.

---

[60] «История философии в СССР», т. 1, М., 1968, стр. 457.

Д. Кантемира никогда не покидала мысль, что его страна добьется свободы с помощью России. В своих посланиях Петру I он призывал царя, чтобы тот не оставлял молдавского народа, проявившего верность России, на произвол турок, татар и австрийцев и не дал его княжеству погибнуть.

Д. Кантемир отстаивал прогрессивную мысль о том, что все народы по природе своей наделены одинаковыми умственными способностями и ни один из них не имеет преимущества перед другим. Он с уважением относился к достижениям всех народов, независимо от их происхождения, древности или численности. В своих работах ученый «выдвинул мысль, что народы осваивают культуру, заимствуя одни у других»[61].

Молдаване справедливо видели в России свою единственную освободительницу. Вот почему они неоднократно обращались с призывами принять их в российское подданство; вот почему тепло встречали русскую армию, несколько раз вступавшую в XVIII — начале XIX в. на молдавскую землю; вот почему принимали активное участие в победоносных русско-турецких войнах, сражаясь бок о бок с русскими солдатами против общего врага — Оттоманской империи.

Заветные мечты Д. Кантемира осуществились в начале XIX века. С помощью России молдавский народ добился долгожданной свободы, на что пророчески уповал Д. Кантемир. Как государственный деятель, упорно боровшийся за освобождение Молдавии от иноземного владычества, как ученый, своими трудами прославивший родину далеко за ее пределами, как поборник дружбы и союза между молдавским и русским народами, Д. Кантемир заслуженно занял видное место в истории обоих народов, в культуру которых внес столь весомый вклад.

---

[61] «Дин история гындирий сочиал-политиче ши филозофиче ын Молдова». Кишинэу, 1970, стр. 100.

АНДРЕЙ ЛУПАН

Победа Инорога

Трехсотлетие Дмитрия Кантемира является событием поистине исторического значения в развитии молдавской культуры. Личность этого великого просветителя, более всякого иного из первых наставников нашей словесности, подходит для того, чтобы измерить духовное содержание нашего сегодняшнего дня в свете минувших веков. Натура цельная, глубоко творческая, Кантемир с ранней молодости выбирает дорогу трудной ответственности, активного деяния, направляя свои искания в русло общечеловеческой мысли и мудрости. Хочется подчеркнуть весомость данного факта: он не изучает вещи отвлеченно, в духе времени, но мобилизует себя на поиск их сути, просвещает свой дух, готовя его к делам великим и неотложным. Его знаниям суждено было стать жизнедвижущим фактором, с ними связаны его трудные решения.

Обладатель яркого, целеустремленного ума, подобный тем великим личностям, какие выдвигали эпохи и народы в переломные времена своей истории, он, подобно им, явился как бы для того, чтобы ломать преграды и открывать пути в будущее.

В большинстве стран великие обновления готовились исподволь, из поколения в поколение, движимые нередко силой долго накапливающихся факторов. У крупных подвижников мыслителей появлялись ученики, приходили все новые просветители, философы, писатели и художники, призванные обновлять дух нации, а на исторических перепутьях появлялись во всеоружии выдающиеся государственные мужи.

У нас же, в дебрях векового застоя, родился этот «бейзаде» Дмитрий, внук бедного рэзеша, по воле судьбы ставший княжеским отпрыском и заложником Оттоманской Порты, а затем, дважды, — господарем Молдовы: в

первый раз — на несколько часов, во второй — на несколько месяцев.

Как заложник, отвечавший головой за верность султану брата своего на молдавском престоле, он долгие годы провел в размышлениях о собственном назначении и о судьбе своей родины, порабощенной турками. Его раздумья, надо полагать, были довольно драматичными. История сохранила для нас документальные свидетельства разгула жестокости захватчиков, разорений, причиняемых народу. Особые издевательства и страдания из-за непосильных поборов и боярского произвола выпали на долю молдавских селян.

Понятия гражданского права, социальной справедливости да и просто человеческого достоинства почти не существовало. Всюду царили обскурантистские нравы, которые впоследствии были обобщены одним жестоким словом — фанариот. За долгие годы стамбульского плена юному Дмитрию было над чем задуматься.

Не надо забывать, что он воспринимал мрачную действительность родной страны в свете своей огромной культуры, которой щедро питал просвещенный гуманизм возрождения. Этот юноша, однако, не собирался копить знания, которые и без того превышали уровень учености современного ему общества. Он выковывал из них прочную систему взглядов, почти сплошь неблагоприятных для оттоманского абсолютизма. Классическая греко-романская культура, своеобразная мудрость востока, гуманизм европейского ренессанса вооружали его сознание.

И вот, по велению собственной души, он направляет эти мощные прожекторы познания на историческую действительность своей родины. Это придало созидательный характер его творениям, сделало их сопричастными самой истории. Он становится пионером-энциклопедистом: история, философия, этика, метафизика, география, музыка и литература — все это зажигало в нем трудовое вдохновение.

Правда, на национальном счету молдаван уже были добрые начинания летописцев, но они не достигли тогда широкой известности. Ученейший из них — Мирон Костин погиб вместе со своим братом страшной смертью: им отрубил головы милый родитель нашего Дмитрия — господарь Молдовы Константин Кантемир, который, как бывший полковник польской армии, отлично освоил это

ремесло, но грамоте не обучался, так что еле-еле мог написать свое имя. Это обстоятельство также следует считать важным документальным свидетельством о тех временах, имеющим прямое отношение к биографии Дмитрия Кантемира.

Печатные церковные книги и летописные памятники в особенности культивировали все более гармоничный и литературный язык и впоследствии к ним постоянно будут обращаться писатели. Но Дмитрий Кантемир из побуждения собственного духа и на собственный риск предпринял совершенно иное и удивительное действие. Он охватил культуру современного мира своей энциклопедической эрудицией, проникнутой исследовательским жаром, и самостоятельно стал прививать тогдашнему молдавскому языку дерзкую смелость выражать высочайшие завоевания мировой культуры своего времени. В этом деле у него не было отечественных образцов — он первым раскрыл перед нашими предками эту всемирную книгу эрудиции, сделал это по-своему — пылко, но не крикливо, с настойчивостью исследователя, не свойственной правителям, а для будущего господаря Молдовы прямо-таки поразительной. «Диван, или спор мудреца с миром» — на молдавском языке, «Метафизика» — на латыни, тот же «Диван» — на греческом да еще «Энкомиум» и «Логика» — также на латыни. Все это написано за несколько юношеских лет. Естественно, названные труды носят печать своего века— определенной ограниченности в области морали, религии, а также в отношении некоторых фактов истории. Но сердцевина его творчества всегда была возвышенной, а сам он — окрылен идеалом освобождения Молдавии из-под турецкого владычества. Он настойчиво и целеустремленно ищет средства и силы, чтобы осуществить свой идеал.

Он проникся освободительной ролью России Петра Великого не в силу конъюнктурных обстоятельств, но всем своим сознанием патриота, историка, мудрого государственного деятеля. Россия переживала тогда подъем эпохального обновления, и ее прогрессивная роль стала закономерным следствием этого бурного сдвига. Дмитрий Кантемир — Кантемир-ученый, Кантемир-философ, Кантемир-писатель — не выискивал преимуществ и не вычислял степень собственного риска в духе национальной олигархии, когда вступил в союз с Петром. Он сделал

это, исходя из широты своих исторических взглядов, а также в силу ясной убежденности в своей правоте. В своих исторических трудах он уже заранее предсказывает возвышение Российской империи и закат Оттоманского двора. Особенно убедительно показана эта закономерность в таких произведениях, как «История Оттоманской империи» и «Рассуждение о природе монархий». Таким образом, он в конкретной обстановке обосновывает одну из наиболее прогрессивных концепций современной истории.

Кантемир-писатель для нас прежде всего является первопроходцем. Это он сотворил в нашей литературе первый молдавский роман — «Иероглифическую историю», которому предстояло водить по лабиринтам догадок не одно поколение исследователей, вызывая их странное удивление, растерянность или недоумение. Это всеобъемлющая фреска политической и социальной жизни Дунайских княжеств, книга-загадка, появившаяся на отдаленном перекрестке веков. Ее смысл зашифрован в целом лабиринте аллегорий, сюжет ее настоен на бесконечных событиях, которые затягивали в свой водоворот общества обоих княжеств вместе с правящими лицами Оттоманской Порты... Тогдашнее общество было совсем не подготовлено к взрыву, с которым можно сравнить появление этого романа. В сущности, чтение его с лупой в руках, попытки по-своему толковать и расшифровывать его иероглифы продолжаются до сих пор. Однако в романе есть вещи, высказанные прямо и заинтересованно, выраженные страстно и непосредственно. В этих случаях обнаруживает себя, как постоянный фактор, традиция нашей культуры. Очень эмоциональным, например, потрясающим даже является присутствие автора в горниле битв. Сюда относятся его непосредственные переживания, когда он попадает в жестокие тиски преследований, но особенно волнует его патриотический пафос и сродненное в судьбе чувство народа, крестьян.

Нас, потомков, особенно впечатляет иное; через века бросается нам в глаза лихорадочный, лично ответственный авторский поиск, осуществляемый собственными силами на целинной почве социально-философского романа, увлекает проникновение в мировые проблемы и в подробности тогдашней нашей жизни. Такая углубленность подводит нас к автору с чувством горячего участия и бла-

говейной любви. Потому что речь здесь идет об отваге духа, а отважным следует поклоняться. Разве не было великой отвагой со стороны Кантемира введение стихии бытовой речи и наших первых летописей в бурю современных событий, социальных становлений, в область познания и передовой мысли века!..

Вполне возможно, что в то время на дальних пристанищах у чабанских костров уже звучала «Миорица». Но Дмитрий Кантемир, как и подобает великому и наивному апостолу писательского дела, на легком челне живой речи наших предков, бросился в неосвоенный мировой океан, которому формы нашей словесности далеко еще не соответствовали. Все понятия передового духа времени должны были быть лишены иероглифической таинственности, освобождены из-под иноземных замков и произнесены наконец по-молдавски. Но прежде всего им предстояло преодолеть сопротивление доморощенного невежества. И потому автор весьма своеобразно «пережевывает» эти понятия, поясняя наиболее трудные и важные. Он-то знал, с каким читателем предстоит ему иметь дело. Он снабжает свой роман обширным глоссарием — толкователем разных понятий и философских категорий. Внедряет, как говорится, в молдавской земле новую терминологию.

Вот некоторые образцы: «Физик — тот, кому ведомо устремление естества»; «Теория — пояснение, знание, рассмотрение, обозрение умом»; «Химера — чудище, коего в мире нет, чудо невидимое, неслышимое, не-существо»; «Этна — наименование горы в Сикилии, которая сама по себе зажигается и горит»; «Период — путь, который поворачивает к месту своего изначального исхода, кружение, околовращение»; «Идея — образ всякой вещи, разумом творимый...»

И тому подобное — длинный глоссарий, составленный Кантемиром из слов, отобранных, подобно зерну на семена, для нетронутого учением ума предполагаемых читателей — по преимуществу молдавских бояр. На других грамотеев он и не мог рассчитывать. Роман приводил в слабо освещенный и почти непросвещенный дом современника толпу политических чудищ, а нам дает представление о титаническом творческом труде и первопроходческой миссии его создателя. И становится понятно, как сумел он выдержать испытание тремя веками.

«Описание Молдавии», написанное, как известно, в период пребывания Кантемира в России, представляет еще одну глыбу огромной ценности для нашей художественной литературы. И это несмотря на то, что книга является, строго говоря, энциклопедически научным сообщением о Молдавии и написана на латыни. Золотой книгой молдавской литературы она стала благодаря авторской причастности ко всему увиденному и рассказанному, благодаря сыновнему чувству к покинутой родине и честному, просветленному взгляду художника, связанного всем существом своим с сердцем народа. В этой книге прочным и ярким почерком воссоздана, не получившая еще достойной оценки, духовность народных низов. Зоркое око гуманиста позволило писателю применить эту жизнеутверждающую основу нации, показать через простонародье корни исторических событий. Наши хроники именовали их весомым словом — царэ, понятие в котором сливается и народ труда и страна.

Говоря о Дмитрии Кантемире, мы склонны применить к нему глагол «пионерствовать», если можно так выразиться. А если нельзя, то скажем проще — первенствовать. Речь идет о первенстве, самоотверженном и в то же время беспорочно наивном, проникнутом ощущением одиночества во времени. Здесь, однако, требуется пояснение. Несмотря на свою исключительность, писатель диалектически заземлял себя в реальную почву своей эпохи — эпохи пробуждения нашего сознания и исторического бытия. Его жизнь длилась пятьдесят лет на стыке двух веков. В год его рождения старец Дософтей как раз записывал свой крылатый призыв: «Из Москвы рождается свет...». Современниками Кантемира следует считать летописцев — братьев Костиных и особенно Иона Некулче, его гетмана и близкого советника, вместе с которым он совершил акт дружбы с Россией. Однако авторы исторических хроник не только копались в делах и родословной земных правителей — они переводили и комментировали труды античных мудрецов. Ими же или при их содействии были созданы философские поэмы, у которых обнаружены общие истоки со славянской культурой, а также переложена на стихи церковная литература.

Высоко поднялся в своих неукротимых политических поисках и борениях мужественный дух Милеску Спатария. Знаменательно, что и этот наш просветитель, не ве-

давший, как видно, о творческих заботах Дмитрия Кантемира, разворачивает параллельно аналогичную в некоторых отношениях деятельность. Из книжного мира, из келейного круга учености приходит он к исторической деятельности, расширив тем самым арену нашего тогдашнего пробуждения.

Ныне мы вступили, пожалуй, в период решительного утверждения национального самосознания и творческого духа, потому не можем не задуматься над историческим смыслом давнего духовного сотрудничества двух наших земляков, над вопросом преемственности и культурных связей. То были времена начального взлета молдавского национального духа, своеобразного возрождения, воплощенного в наших просветителях-книжниках. Вопреки тяжести оттоманского гнета и благодаря обновляющему ветру, подувшему из России, сумели мы расправить крылья для великого полета. Титанические усилия и свершения Дмитрия Кантемира составили фундамент возрождения молдавского народа.

Дмитрий Кантемир и Николай Милеску Спатарий большую часть своей творческой деятельности развернули в России Петра Великого. Там они нашли понимание и отеческий прием в тяжкие для Молдавии годы, когда ее народ томился под ярмом турецкого полумесяца, там же увидели свет и были сохранены для потомков нетленные произведения нашей культуры.

Молдавские просветители ответили на дружество братьев любовью, преданностью и неустанным гражданским трудом, и это получило высокую оценку лучших сынов России. С тех пор сотрудничество и жизненные связи между нами есть непреложный закон. Их исторической великой победой стало советское братство народов. И, отмечая 300-летие славного предшественника, поборника нашей дружбы, мы с гордостью поднимаем его творения и увенчиваем дух Кантемира — сегодня у этой вершины!

Е. РУССЕВ

Дмитрий Кантемир — поборник свободы и независимости Отчизны

Одним из животрепещущих вопросов средневековой молдавской действительности, не сходившим с повестки дня на протяжении многовекового османского ига, являлась борьба за обретение некогда утраченной независимости Молдавии, которая разделила горькую участь балканских стран, порабощенных Оттоманской Портой.

За свержение ненавистного турецкого ига молдаване боролись и мечом и пером, о чем красноречиво свидетельствуют как блестящие победы отважных воинов Стефана Великого и Иоанна-воды Лютого, так и неувядаемые творения замечательных молдавских летописцев, которые пламенным словом своим подымали народ на подвиг ратный во славу горячо любимой Отчизны[1].

Многогранная деятельность Дмитрия Кантемира — выдающегося государственного деятеля и ученого европейского масштаба является естественным продолжением и логическим венцом основополагающих политических концепций, исповедуемых наиболее передовыми людьми феодальной Молдавии XV—XVIII вв.

Отпрыск господарского рода, правившего в Молдавском княжестве на рубеже XVII—XVIII веков, в период продолжавшегося еще султанского владычества, прозорливый политик, проведший долгие годы в Константинополе, вначале в качестве заложника отца своего — Константина воеводы, а затем представителя (капукехайи) старшего брата — господаря Антиоха, искусный дипло-

---

[1] Подробнее об этом в нашей статье «Патрия ын креация кроникарилор молдовень» в тематическом сборнике историко-литературных этюдов «Слова кроникэряскэ — екоул бэтрыней Молдове». Кшн., 1974, стр. 39—59.

мат, наладивший прекрасные отношения как с правящей верхушкой империи, так и с влиятельными членами дипломатического корпуса, аккредитованными в османской столице, очевидец разгрома турецкой армии в битве у Зенты (10 сентября 1697 г.), Дмитрий Кантемир исподволь вынашивал планы борьбы за свободу и независимость родины. И это с тем большим рвением, что прозорливый политик убеждался в неуклонном упадке Османской империи, раздираемой антагонистическими противоречиями, страдающей от тягот отсталой экономики и снедаемой всеобщей коррупцией властей предержащих. Как отмечал К. Маркс «...организация Турецкой империи находилась тогда в состоянии разложения и... уже за некоторое время до этого эпохе оттоманского могущества и величия быстро приходил конец»[2].

Как и его собратья по перу — летописцы Григорий Уреке, Мирон Костин и Ион Некулче, прекрасно понимавшие, что собственными силами Молдавии не добиться независимости[3], Дмитрий Кантемир также ищет мощного союзника для совместной борьбы против султанской Турции. В отличие от Гр. Уреке и М. Костина, уповавших на освободительную миссию Речи Посполитой, Дмитрий Кантемир, как и его соратник Ион Некулче, возлагает надежды на растущую мощь России, чья блестящая победа над шведами в Полтавском сражении (27 июня 1709 г.) разнесла славу русского оружия по всей Европе, вселив в христинских подданных султана бо̀льшую уверенность в грядущем избавлении при помощи их единоверных братьев — россиян. По авторитетному свидетельству современника, тогда все христианство «лелеяло надежду на христиан, сиречь на москалей»[4]. Настроения христианских подданных султана прекрасно отражает письмо, отправленное из Константинополя влиятельным валашским бояриной Фомой Кантакузино — политическим единомышленником и боевым товарищем Кантемира. В письме этом, весьма показательном в том, что касается

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 262.

[3] Подробнее об этом см. в нашей работе «Внешнеполитическая концепция боярского летописания Молдавии» в книге «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», (Резюме докладов кишиневского симпозиума 1973 г.), Кшн., 1973, стр. 162—167.

[4] Ион Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кшн., 1969, стр. 237; ср. также стр. 218.

не только положения Османской империи, но и духа порабощенных ею балканских народов, читаем, между прочим, следующее: «Нынешний султан жаден, как цыган, завистлив, труслив, глуп, лютый враг христиан, и все его окружение ничего не стоит, начиная с визиря и всеми остальными, которые ни о чем ином не помышляют, как только о грабежах и кражах. Божий гнев на них, и все согласно утверждают, что империю сию вскоре черт поберет. Уповаем на бога, что сия поганая держава вскоре сгинет, только бы господь направил против нее карателя и победителя, а именно государя нашего Петра, когда он покончит с еретиками»[5] (т. е. шведами. — *Е. Р.*). Следовательно, ненависть к османским поработителям, надежды на Россию — таковы чувства, обуревавшие свободолюбивых сынов балканских народов.

Следует иметь в виду, однако, что долговременным военно-политическим акциям царской России на Балканах, нашедшим свое логическое завершение в многочисленных и кровопролитных вооруженных конфликтах с Оттоманской империей, присущи были как положительные, так и отрицательные элементы.

По своим *субъективным целям* русско-турецкие войны были агрессивными, каждая из воюющих сторон преследовала либо захват чужих территорий, либо удержание ранее оккупированных ею земель. В. И. Ленин со всей определенностью подчеркивал, что: «И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами»[6]. Следовательно, агрессивный характер внешней политики царизма и Оттоманской Порты и привел к русско-турецким войнам, сыгравшим решающую роль в истории Юго-Восточной Европы.

При всей агрессивности внешнеполитических целей царизма на Балканах все же русско-турецкие войны *объективно* имели весьма положительные последствия для балканских народов, веками стонавших под ярмом султанского ига. Победоносные кампании, которые рус-

---

[5] N. Iorga. Istoria romînilor, vol. VI. Monarhii. Buc., 1938, стр. 458.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 186.

ские чудо-богатыри Румянцева, Суворова, Багратиона и Кутузова вели против турок в XVIII — начале XIX веков, значительно ослабили некогда могучую Оттоманскую империю и тем самым способствовали обретению независимости балканскими народами.

Христиане Европейской Турции прекрасно понимали, что без военного разгрома Турецкой империи им не сбросить с себя цепей иноземного рабства. Вот почему и обращают они с надеждой взоры свои к единоверной России, чьи непримиримые противоречия с Турцией могли найти разрешение только на поле брани. Растущая мощь великой восточноевропейской державы вселяла в балканские народы уверенность в неминуемом и окончательном разгроме ею султанской армии, что́ и являлось непременным условием освобождения христианских подданных Блистательной Порты. Вот почему, как на это указывал в 1853 г. Фридрих Энгельс, «...девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию... *своего естественного покровителя»*. И это с тем большим основанием, что «...русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета»[7].

Вот почему балканские народы восторженно встречают вести о блистательных победах русского оружия и устанавливают с Россией тайные связи, направленные на совместные действия против общего врага — Османской империи.

Одним из первых твердо вступает на эту стезю Дмитрий Кантемир[8], исподволь готовившийся к совершению этого решительного шага, знаменовавшего переломный момент в исторических судьбах его родины. Вспоминая в 1721 году не столь уж далекое прошлое, Кантемир в послании своем к Петру I без обиняков заявляет, что «будучи в Константинополе, верность, которую обещал превосходительнейшему Петру Андреевичу Толстому (царскому послу, аккредитованному при Оттоманской Пор-

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 32.

[8] О робких попытках его предшественников — господарей Константина Дуки, Михаила Раковицы и Антиоха Кантемира, см. статью G. S. Ardeleanu. Din istoria relaţiilor româno-ruse. Ştiri privitoare la istoria ţărilor române în corespondenţa împăratului Rusiei Petru I. „Studii şi cercetări de istorie medie". Anul I, Iulie—Decembrie, 1950, стр. 192—193.

те. — *Е. Р.*), не нарушил, в чем мне бог сам и его превосходительство свидетель есть»[9]. Следовательно, еще задолго до исторических событий 1711 г. Кантемир четко определяет политическую линию, которой и следует неукоснительно до конца дней своих — союз с Россией, упование на ее мощь как на решающий фактор грядущего избавления родины из-под османского владычества.

Контакты, установленные Дмитрием Кантемиром с царским послом были настолько конспиративны, что турецкие власти продолжали питать к молдавскому князю безграничное доверие. Более того, они возлагали на него определенные надежды, связанные с соблюдением султанских интересов на рубеже первого и второго десятилетий XVIII столетия, когда атмосфера на Балканах значительно накалилась.

Дело в том, что разгром шведов под Полтавой — убедительнейшее свидетельство растущей мощи петровской России, — породил в балканских народах большие надежды на ее освободительную миссию, о чем красноречиво говорит французское дипломатическое донесение от ноября 1709 г. из Константинополя: «Валахи, молдаване, болгары и все остальные греки (т. е. православные. — *Е. Р.*) были весьма склонны принять его (т. е. Петра. — *Е. Р.*) и взирали на него как на своего освободителя»[10].

Но одновременно Полтавская победа вселяла в султана сильные опасения за судьбу своего господства в порабощенных балканских странах. В Константинополе всерьез подумывают о целесообразности начала превентивной войны против России, превращавшейся в тем большую угрозу для Порты, что успехи православного царя могли взорвать «пороховой погреб» на Балканах[11].

---

[9] П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Том I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, стр. 574.

[10] Documente privitoare la istoria Românilor. Urmare la colecţiunea lui Eudoxiu de Hurmuzaki. Supl. I, vol. III, 1709—1812. Documente culese din Arhivele Ministerului Afacerilor străine din Paris de A. I. Odobescu. Buc., 1889, стр. 1.

[11] См. по этому вопросу обстоятельный анализ событий в монографии С. Ф. Орешковой: Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, стр. 57—92.

Агрессивные поползновения царьградских правителей усиленно подогревались битым шведским королем Карлом XII, нашедшим после полтавского разгрома пристанище в Варнице под Бендерами и надеявшимся на то, что инспирируемая им агрессия султана против России поможет Швеции успешнее вести Северную войну. В свою очередь Англия, опасавшаяся чрезмерного усиления России в бассейне Балтийского моря, прилагала старания в Константинополе в натравливании Турции против Российского государства.

Россия делала все от нее зависящее для того, чтобы предотвратить возможность открытия против нее второго фронта[12], что́, естественно, ослабило бы ее усилия, направленные на победоносное завершение Северной войны. Однако воинственные силы взяли верх в Константинополе и 9 ноября 1710 г. Турция объявила войну России[13].

С целью лучшего обеспечения интересов Порты в Молдавии, расположенной в непосредственной близости от дислоцированных в Польше русских войск, султан, по горячей рекомендации крымского хана Девлет Гирея, назначает на молдавский престол Дмитрия Кантемира, «давшего, по словам его татарского покровителя, достаточно свидетельств своей верности султану как в дни мира, так и во время войны»[14]. Но царьградские правители жестоко просчитались — новоназначенный господарь хранит верность не султану, а царю, с чьей помощью он и собирается свергнуть османское иго, о чем не преминул сказать в уже упоминавшемся нами послании его к Петру: «...как прибыл в Молдавию, прежде... пришествия величества вашего в нашу землю, туж... соблюл верность тебе...»[15].

---

[12] См., в частности, грамоту Петра I к турецкому султану Ахмеду III от 6 янв. 1711 г. «Письма и бумаги императора Петра Великого», том XI, выпуск I (январь — 12 июля 1711 года). М., 1962, стр. 24—25. В дальнейшем сокращенно — Письма...

[13] Турецкие мотивы начала войны см. у С. Ф. Орешковой. Указ. соч., стр. 93.

[14] Demetriu Cantemir. Istoria imperiului othomanu. Crescerea şi scăderea lui. Cu fórte instructive. Traducă de Dr. Ios. Hodosiu. Buc., 1878, стр. 787.

[15] П. Пекарский. Указ. соч., стр. 574—575.

Вскоре после своего восшествия на господарский престол 10 декабря 1710 г.[16] Дм. Кантемир приступает к претворению в жизнь своих сколь смелых, столь и хорошо продуманных планов заключения военно-политического союза с Россией, совместной борьбы молдавских и российских воинов против общего врага — Османской империи и завоевания на поле брани долгожданной независимости.

По авторитетному утверждению тогдашнего великого логофета, летописца Николая Костина, господарь зимою «отправил Прикопия Капитана через Ляшскую землю к московскому царю... дав слово, что, ежели спустится царь московский с войсками своими против турок, будет и он с ним (Петром. — *Е. Р.*) заодно, дав понять, что, давши (царь. — *Е. Р.*) ему денег, соберет он 20.000 молдавских конников»[17].

Переговоры были продолжены прибывшим в Яссы тайным агентом и царским советником по балканским делам Саввой Владиславовичем Рагузинским, «при посредстве которого, по словам Николая Костина, справлены были дела Димитрашки-воеводы с московским царем»[18].

Переговоры ведутся с соблюдением строжайшей конспирации, и Кантемир, пользуясь политическим доверием Порты, оказывает неоценимые услуги России, получая через своего представителя (капукехайи) в Константинополе донесения российского посла П. А. Толстого, заключенного в Семибашенный замок, и пересылая их Петру. Отметив все это, соратник Кантемира летописец Ион Некулче заключает: «сей верой и службой удостоился Димитрашко-воевода великой чести и любви у Петра Алексеевича, царя московского, ибо никто иной не осмеливался оказывать сих услуг, понеже посол находился под сильной стражей»[19].

---

[16] Letopiseţul Ţărei Moldova de la Ştefan sin Vosile-vodă. De unde este părăsit de Miron Costin logofătul de pre isvódele lui Vasile Damian ce au fost treti Logofăt, a lui Tudosie Dubău Logofătul şi altor de Nicolae Costin carele au fost Logofăt mare în Moldova (1662—1711), в Michail Kogalniceanu. Cronicile Romaniei seu Letopiseţele Moldaviei şi Valahiei. A doua ediţiune. Tomu II. Buc., 1872, стр. 89.

[17] Н. Костин. Указ. соч., стр. 92.

[18] Там же, стр. 101.

[19] И. Некулче. Указ. соч., стр. 237—238.

25 февраля 1711 г., после того как татары совместно с казаками предателя Орлика совершили грабительский поход на Украину, в Успенском храме Московского Кремля царь обнародовал для сведения Европы манифест[20] о вынужденном начале войны с Турцией, под чьим «игом варварским» стонут «христианские многие народы, якоже греки, волохи, болгары, сербы и протчия многия с превеликим своим бедством»[21].

28 февраля Петр, перечислив в «Объевлении» о начале войны с Турцией все нарушения последней русско-турецкого договора, тщетно предпринимает еще одну попытку предотвращения кровопролития[22].

3 марта царь обращается с воззванием к сербам, словенам, македонцам и босниакам[23], 23 того же месяца — к христианским подданным султана[24], не ранее 16 апреля — к рагузанцам[25], призывая их к совместным действиям против общего врага — османов.

В это же время продолжаются дипломатические переговоры между господарским уполномоченным, ближним боярином Штефаном Лукой и царем, приведшие к заключению 3 (13) апреля 1711 г. в Луцке[26] молдавско-русского союзнического договора, известного под названием «Диплома и пунктов» Д. К. Кантемиру[27].

О «технике» выработки текста данного диплома Петр I свидетельствует следующее: «...господарь волоской учинил нам предложение некоторых пунктов, на которых хочет быть у нас в подданстве, на которые мы соизволили и послали к нему во утверждение того нашу грамоту за подписанием нашим, которую он зело радостно принял и при присланном нашем целовал в том святой крест и посылает в сих числех к нам такия же статьи и присягу за подписью и печатью, по которой он хочет у нас

---

[20] Манифест был отпечатан 22 февраля на русском, польском, французском и турецком языках. Письма... XI, I, стр. 386.

[21] Там же, стр. 75.

[22] Там же, стр. 85—86.

[23] Там же, стр. 117—119.

[24] Там же, стр. 151—153.

[25] Там же, стр. 185—186.

[26] И. Некулче. Указ. соч., стр. 239, называет местом заключения договора Ярослав; Н. Костин. Указ. соч., стр. 99, 101 — Яворов. О причинах разнобоя летописных свидетельств касательно места заключения договора см. монографию P. P. Panaitescu. Dimitrie Cantemir. Viaţa şi opera. Buc., 1958, стр. 106.

[27] Письма... XI, I, стр. 173—177.

быть в подданстве и пристать с войски нашими, сколь скоро оные вступят внутрь их земли»[28]. Обмен ратификационными грамотами сопровождался подарками. Так, в частности, Петр прислал Кантемиру «золотой лефт (подобие медальона. — *Е. Р.*) на цепи с брильянтами и ликом царя»[29].

Трактатом, выработанным на основе предложений Дмитрия, предусматривались: протекторат России над Молдавией, переход господаря во главе его вооруженных сил на сторону русских, которые обязывались защищать страну от турок, династическое и абсолютистское правление Кантемиров, передача княжеству Буджака с его крепостями, совместные военные действия против турецких захватчиков, создание господарю надлежащих условий в России в случае, если неблагоприятные обстоятельства вынудят его покинуть господарский престол[30]. Следовательно, обеспечивая Молдавии независимость, неприкосновенность ее границ и пресечение боярского произвола путем утверждения абсолютистского режима, договор отвечал тем самым интересам подавляющего большинства молдавского народа.

8 мая из Яворова Петр обращается с манифестом к молдаванам, валахам, грекам, сербам, болгарам, словенам, албанцам и прочим балканским народам, в котором объявляет им свою цель «освобождения ис-под ига варварского христиан страждущих», призывает их, чтобы они «при сем вступлении войска нашего в границы турецкие все совокуплялись и приходили к войскам нашим и совокупно воевали... за отечество, за честь и за привра-

---

[28] Там же, стр. 221.
[29] Н. Костин. Указ. соч., стр. 101.
[30] Письма... XI, I, стр. 173—177. В летописи И. Некулче (стр. 239—240) воспроизведен несколько видоизмененный вариант этого договора. О причинах данного текстуального несовпадения см. статью Н. П. Кириченко. Текст русско-молдавского договора 1711 г. и соответствие его летописи И. Некулче в сборнике «Вековая дружба», Кишн., 1961, стр. 118—210; П. П. Панаитеску. Указ. соч., стр. 106. Исключительный интерес в этом отношении представляет рапорт Б. П. Шереметева царю от 8-VI-1711 г., в котором он, между прочим, сообщает о просьбе Кантемира о том, чтобы «как господарь капитулировал, что были ему геридетарием... дабы то в народе не разглашать, яко оный учинен вечный наследник». А. З. Мышлаевский. Война с Турцией 1711 года (Прутская операция). Сборник военно-исторических материалов. Выпуск XII, СПб., 1898, стр. 124. В дальнейшем сокращенно — Война 1711 г.

щение древних свобод и вольностей своих и наследников ваших из-под ярма поганского», заверяет в отсутствии у него каких-либо аннексионистских целей, обязуясь оставить «каждую из сих страну под обыкновенными и прежними их принцы и начальники»[31].

Сразу же после объявления войны Петр ставит перед фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, командующим русским экспедиционным корпусом, боевую задачу форсированным маршем следовать к молдавским рубежам, «в Яссы воитить и там, выбив неприятелей, то место завладеть, о чем и страны неприятельской бедные христиане зело просят»[32]. Неоднократно возвращаясь к мысли о необходимости скорейшего вступления в Молдавию[33], Петр, со ссылкой на «непрестанные прошении от господарей мультянского и волоского и всех тех народов знатных людей», раскрывает перед Шереметевым тактические и стратегические последствия форсированного марша[34].

Однако трудности со снабжением войск не позволяли следовать с той поспешностью, которую требовал царь[35]. 17 мая Шереметев отправляет из Бреславля в Сороки через молдавских полковников Чаура и отца и сына Танских универсал к молдаванам, в котором, объявив, что царь «имеет всехристианские склонности и тщание ко избавлению христианского народу от тягостного ярма бусурманского и с войском своим в границы волоския вступити повелел», призывает «правоверных христиан», которые желают «избавления своих церквей и всему отечеству своему от бусурманского владения и их тягостей, дабы в службу Его Царского Величества тщились и собирались против неприятельских сил ко всем резистенциям купно с войски Его Царского Величества...»[36].

На ближайших подступах к Молдавии 28 мая Шереметев получает от Дм. Кантемира следующее письмо, датированное 20 мая: «Для имя Христова, которого часа сие мое письмо изволите получить, то тотчас немедленно извольте прислать 3000 конницы доброй в

---

[31] Письма... XI, I, стр. 226—227.
[32] Война 1711 г., стр. 13.
[33] Там же, стр. 23; Письма... XI, I, стр. 190.
[34] Письма.... XI, I, стр. 221.
[35] С. Ф. Орешкова. Указ. соч., стр. 108—109.
[36] Фельдмаршал Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711—1712 гг. Под ред. А. З. Мышлаевского, СПб., 1898, стр. 25—26. В дальнейшем сокращенно — Журнал Шереметева.

Яссы, понеже швед (Карл XII. — *Е. Р.*) по своим факциям внушил султану турскому, что я у вашей страны, и сами извольте наискорее поспешать, понеже главное все войско турецкое уже из Андрианополя вышло тому ныне 10 дней, а от Андрианополя до Дуная всего 25 конак (или стоянок). Для бога, извольте дать мне способ в моей опасности, такожде и некоторое число денег извольте ко мне прислать»[37].

Тревожное письмо Кантемира продиктовано было критической ситуацией, сложившейся для него весною 1711 г. Присутствие в Молдавии большой группы турецких оптовиков — балджиев, отказ бендерского паши вывести их, приказ визиря господарю направиться на соединение с султанской армией, ошибочное нападение Кантемира на небольшой османский отряд, бунт служилых сейменов, разброд бояр, бегство сборщиков податей — все это накаляет атмосферу в Яссах[38]. Тогда-то, по словам ближайшего своего соратника Некулче, господарь и «направил... тайно капитана Прикопия и агу Димитрия, верных слуг своих, к Шереметеву в Могилев, прося спешно прислать ему 4000 москалей сюда в Яссы для охранения его, дабы турки не схватили и не низложили его»[39].

После совещания с Саввой Рагузинским фельдмаршал не преминул удовлетворить просьбу Кантемира, направив ему 29 мая под командованием бригадира Кропотова 3 драгунских полка «да волошский полк Апостоленкова»[40] и «десять тысяч рублев денег для покупки провианту и жалования волохам»[41].

Перед тем как перейти молдавскую границу, русское командование отдает строжайший приказ по войскам об обходительном обращении с местным населением: «смотреть того накрепко, дабы здешним обывателем не токмо каких обид или разорения не чинили, но и безденежно ничего не имали. Буде же кто своевольство какое ни есть

[37] Журнал Шереметева, стр. 34—35.

[38] Подробнейшее описание этих событий см. у И. Некулче. Указ. соч., стр. 241—244 и Н. Костина. Указ. соч., стр. 99—100.

[39] И. Некулче. Указ. соч., стр. 244.

[40] Апостол Кигеч, который с ротмистрами своими еще 20 марта 1710 г. попросился на царскую службу. Война 1711 г. стр. 29. Некулче также упоминает «молдавский полк Кигеча, состоявший «из 500 молдаван, служивших у москалей». Указ. соч., стр. 245. Н. Костин уточняет, что полк сей был конным. Указ. соч., стр. 100.

[41] Война 1711 г., стр. 112.

покажет, или что безденежно возьмет, тот без всякого милосердия восприимет казнь смертную»[42].

30 мая русский экспедиционный корпус, тепло встреченный молдаванами, перешел Днестр у Рашкова[43]. Как явствует из письма Шереметева от той же даты миргородскому полковнику Апостолу, «сими числами со всем корпусом через Днестр при помощи божьей, безо всякой от неприятеля противности, перешли. Волохи во всякой склонности к стороне Его Царского Величества являются и уже волошский город Сорока от войск Его Царского Величества гарнизоном укреплен»[44].

По словам очевидца описываемых им событий, летописца Николая Костина, «первого июня месяца, в пятницу, спозаранку, ...вышел Димитрашко-воевода навстречу москалям... и, коль увидел москалей тех, прибывших с Кропотовым, возрадовался он (аки бы увидев господа с тысячами ангелов)»[45]. Встреченный с почетом и одаренный господарем, Кропотов посетил господарский дворец и осмотрел все ясские монастыри[46].

Теплый прием, оказанный Кропотову в стольном граде Молдавии, знаменовал окончательный разрыв Кантемира с Оттоманской империей и решительный, открытый переход его на сторону России.

Господарь созвал своих думных бояр, среди которых находился и гетман-летописец Ион Некулче, и «поведал им о том, что призвал он москалей, которые прибыли и переходят Прут у Загаранчи. Тогда бояре, услышав об этом, возрадовались все и с ликованием ответствовали господарю, молвя: «Правильно поступил ты, государь, ибо опасались мы, что уйдешь ты к туркам и так помышляли мы, что, ежели увидим, что переходишь ты к туркам, то покинем тебя и пойдем поклонимся москалям». И рады были. Только ворник Йордаки Русет молвил тогда: «Поторопился ты, государь, с призванием москалей. Лучше было бы тебе, государь, повременить малость, доколь

---

[42] Война 1711 г., стр. 243; ср. также стр. 347, а также Журнал Шереметева, стр. 36.

[43] Война 1711 г., стр. 112; Журнал Шереметева, стр. 35—37.

[44] Война 1711 г., стр. 114.

[45] Н. Костин. Указ. соч., стр. 100—101. По свидетельству Кропотова, господарь прибыл «в 300 человек знатных бояр и начальников... и зело за счастье принял приход тех полков...». Война 1711 г., стр. 250.

[46] И. Некулче. Указ. соч., стр. 246—247.

выявилась бы сила их и явно стало бы как им повезет». Ответствовал Думитрашко-воевода, молвя: «Не время было раздумывать, опасаясь как бы турки меня не схватили. Вот ведь и из ваших милостей кое-кто покинул меня и не разделяют мнения моего и уверенности»[47].

Господарь обращается к молдаванам с воззванием, в котором, перечислив беззакония и злодеяния турок, возвещает, «что господь не забыл еще народа своего, понеже появился русский царь Петр Алексеевич, который с непобедимым оружием крестовым противостоит тиранической силе, чтобы освободить христианские народы от поганского рабства. Надлежит нам поспешить объединить наше оружие с его и всей нашей доблестью и всей нашей силой противостоять нам усилиям и нашествиям тиранов»[48] (турок. — *Е. Р.*). Воззвание содержало не только призывы к борьбе, но и соответствующие диспозиции о сборе ополченцев, а также угрозы по отношению к тем, кто не выполнит своего воинского долга.

Своим письмом на греческом языке от 2 июня Кантемир благодарит Шереметева за присылку отряда Кропотова, обязуется «верно... служити Его величеству до конца живота своего», предвкушает встречу с фельдмаршалом на Пруте у Цуцоры «и тогда увидим лицевидно, будем советовать пространно, что̀ надлежит ко всякому лучшему интересу», сообщает о предстоящей раздаче жалования своим воинам и рассылке царских универсалов и собственного воззвания, уведомляет его о том, что «провиантом, и найпаче хлебом, вся наша земля вельми скудна и гладна, ибо сего года не родилось», поторапливает с концентрацией русских войск, так как, ежели «прежде можем дать баталию, то турков будет меньше, ибо ныне в великом страхе обретаются, понеже войска их еще не собрались и от единой баталии могут совсем пропасть» и сулит возможности снабжения в турецких магазейнах по Дунаю[49].

В ходе народных антитурецких восстаний, вспыхнувших 1 июня в Яссах и других городах княжества, молдаване жестоко расправлялись с ненавистными им турками,

---

[47] И. Некулче. Указ. соч., стр. 246.

[48] Hurmuzaki. Documente privitoare la istoria Romînilor, vol. I. Supl. I, 1518—1780. Buc., 1886, стр. 398.

[49] Война 1711 г., стр. 119—120. Идентичное письмо отправлено было им и С. Рагузинскому.

грабя, избивая и убивая их[50]. По свидетельству Николая Костина, антитурецкие выступления были начаты по приказу, отданному господарем гетману своему Некулче и переданному им капитанам, возглавившим движение[51].

Сорокский пыркэлаб отказался сдать туркам крепость, а «30 мая оный, по желанию своему... с тою крепостью и слободою под протекцию царского величества поддался и... к нашим (т. е. русским. — *Е. Р.*) приехал в обоз»[52]. Охваченная сильным патриотическим порывом, страна подымалась на борьбу, «возлагая, по словам Некулче, надежду и радость на москалей»[53].

Вступление русского экспедиционного корпуса встречено было населением Молдавии ликованием. По свидетельству того же летописца: «когда Шеремет продвигался от Днестра к Цуцоре, то проследовал он через Оргеев, и поднялись все оргеевцы, сорочане, лапушняне и шли с ним вместе доколь не перешел он Прута»[54].

Участник Прутского похода гвардии подполковник Василий Владимирович Долгорукий доносил царю 4 июня из-под Ясс, что господарь «слава богу, зело поступает хорошо; по возможности, сколько возможно, обещает провианту сыскать...»[55].

Шереметев устроил торжественную встречу Кантемиру в своей ставке. Окруженный генералитетом, фельдмаршал выехал навстречу господарю, «и оного встретили за лагерем, полки все стояли в параде с распущенными знамены и честь была ему с барабанным боем». Журнальная запись свидетельствует, что господаря сопровождали гетман Ион Некулче, великий чашник Константин, 5 ротмистров и иные члены свиты. Участники встречи «по совершении консилии..., в намете его, фельдмаршаловом, пив водку, кушали»[56].

Рапортом от 8 июня Б. П. Шереметев донес Петру I, что «со определенным деташаментом прибыл к реке Прут, ниже Ясс 2 мили к урочищу Цуцур, и сего месяца 6 числа с господарем волошским виделся и пространную

---

[50] И. Некулче. Указ. соч., стр. 247.
[51] Н. Костин. Указ. соч., стр. 100.
[52] Война 1711 г., стр. 249.
[53] И. Некулче. Указ. соч., стр. 237.
[54] Там же, стр. 247.
[55] Война 1711 г., стр. 121.
[56] Журнал Шереметева, стр. 42—43.

имел конференцию, и из слов его всякия верности к высоким вашего величества интересам выразумел. Войско свое обещал к 15 числу сего месяца собрать и универсалы о собрании послал, которого собрать надеятся 10.000, токмо желает им, по обещанию, денег на войско»[57]. Далее Шереметев, со ссылкой на господаря, доносит царю о продвижении вражеской армии, о нецелесообразности кавалерийского марша к Дунаю и сетует на недостаток провианта. В постскриптуме к рапорту фельдмаршал сообщает Петру, что «паки сей день (т. е. 8 июня. — *Е. Р.*) с господарем виделся, который объявлял о переходе турецком на сю сторону Дуная»[58].

Несомненный интерес представляет оценка, данная Кантемиру соратником Шереметева подполковником Долгоруким, который в тот же день в своем рапорте царю говорит, что господарь «зело человек умный и к нынешней войне способный»*.

В ходе встречи, состоявшейся 8 июня, был выработан текст донесения царю относительно верности Кантемира и его стараний собрать десятитысячную армию, намерении его передать русским заготовленный турками скот, о продвижении вражеских полчищ и о нецелесообразности кавалерийского рейда к Дунаю[59].

Журнальная запись от 9 июня отмечает, что после «консилии ездили фельдмаршал с ним, господарем, и с генералы по лагеру для смотру полков, которые стояли все во фрунте»[60]. Шереметев попросил также Кантемира отправить «партию-ж в 200 волохов, или по своему рассуждению, ради проведывания неприятеля»[61].

Участник этих встреч Ион Некулче упоминает о подарке господарем Шереметеву «вельми доброго коня» и о получении им в дар от фельдмаршала 2 сороков соболей, отмечает об отправке буджакскому хану письма, составленному под господареву диктовку, с предложени-

---

[57] Война 1711 г., стр. 123.

[58] Там же, стр. 124. В Походном журнале Петра, со ссылкой на донесение Шереметева, сказано, что Кантемир «со всеми своими знатными Волошской земли начальниками в верности присягу учинили». Журнал или поденная записка... императора Петра Великого..., СПб., 1770 г., стр. 334—335.

* Журнал Петра, стр. 129.

[59] Журнал Шереметева, стр. 43—44.

[60] Там же, стр. 45.

[61] Там же, стр. 48.

ем подчиниться русским, о вручении Саввой Рагузинским Кантемиру 100 кошельков для жалования войскам и царских универсалов с призывом к оружию[62].

Вступление русских войск на молдавскую землю, универсалы Петра и воззвание Кантемира вызвали сильный патриотический подъем среди жителей княжества. По достоверному сообщению летописца Некулче — участника описываемых событий, «бояре мазылы начали прибывать в армию. Мало кто из них не прибыл... Так же и служилые, узнав (о призыве под знамена. — *Е. Р.*), начали приходить со всех сторон и записываться в хоругви (воинское соединение. — *Е. Р.*). И прослышав о жаловании (за воинскую службу. — *Е. Р.*), не только служилые люди записывались (в хоругви. — *Е. Р.*), но и чоботари, портные, скорняки и корчмари. Боярские слуги покидали своих господ и спешили записаться в хоругви. В городском ополчении больше было безоружных, нежели оружных. За 15 дней собралось 17 полковников и 170 ротмистров с хоругвями. Только хоругви, из-за недостатка времени, не успели хорошо пополниться, по 100 человек в хоругви»[63].

Кроме того, многие молдаване вступали в русскую армию в качестве волонтеров. В военной реляции от 31 мая русское командование свидетельствует, что «волохи к нашим беспрестанно приходят и с великим доброжелательством и желанием и последние мужики желают»[64]. В рядах русской армии действуют молдавские отряды под командованием капитанов Никулы, Кырже и Абазы[65], а также оргеевского сардаря Донича[66].

Петра весьма обрадовали добрые вести из Молдавии. 8 июня он сообщил А. Д. Меньшикову, что Шереметев «уже в Яссах. Господарь волоской с оным случился и зело оказался христианскою ревностью»[67]. В тот же день в письме к сенату царь, известив его о поведении Кантемира, с удовлетворением отмечает: «итак, слава богу, початок доброй в сем деле»[68].

В пространном послании своем от 16 июня к Кантеми-

---

[62] И. Некулче. Указ. соч., стр. 248—249.
[63] Там же, стр. 249.
[64] Война 1711 г., стр. 250.
[65] А. Кочубинский. Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами. М., 1872, стр. 69.
[66] Журнал Шереметева, стр. 38—39.
[67] Письма... XI, вып. I, стр. 279—280.
[68] Там же, стр. 282.

ру царь, между прочим, пишет «коль приятна нам была оная ведомость, что любезность ваша, как скоро генерал наш фельтмаршал граф Шереметев з знатною частию кавалерии нашей в подданную провинцию вшел, обещание, которое вы по постановленному договору нам учинили, преизрядно исполнил: себя, оружие своё и войска к нам присоединил. Мы истинно оное приятным сердцем признаваем, и не токмо оное во всяком случае делом самим признаем, но и в том пребудем, что любезность ваша оныя надежды не лишитеся, которую себя из сего в протекцию нашу отдания восприяти уповаете, но чаемой плод и пользу с потомством совершенно получать и иметь со всею землею своею будете». Далее царь просит господаря «нашему фельтмаршалу во учинении действ против неприятеля и в других случаях мудрыми своими советами помогать», оказать содействие в снабжении армии провиантом и сообщает, что 17 лично перейдет Днестр[69].

Указами от 12[70] и 13[71] июня Петр выражает недовольство медлительностью Шереметева и требует действенных мер для обеспечения снабжения армии провиантом. Рапортом от 16 того же месяца фельдмаршал, со ссылкой на Кантемира, подчеркивает правомочность его действий, докладывает, что договорился «с господарем и с его боярами, которые подписались»[72], что «скотины десять тысяч волов и коров за деньги... поставить» (и это помимо скота, заготовленного и не угнанного турками), и просит посылки ему больших денежных средств[73].

Если снабжение мясом кое-как было налажено, то с хлебом положение становилось катастрофическим. Как засвидетельствовано русскими документами тех памятных дней, «во всем сем марше... почитай хлеба у наших ничего не было, так что оные полки от Днестра ни единого сухаря не имели, но питались скотом, который господарь волоский присылал»[74]. Трудности в снабжении хлебом вызваны были не только постигшим Молдавию неурожаем, но и тем, что закупленный господарем хлеб в

[69] Письма... XI, I, стр. 292.
[70] Там же, стр. 285—286.
[71] Там же, стр. 287—288.
[72] Письма к Государю Императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала... Графа Бориса Петровича Шереметева. Часть 3. М., 1779, стр. 10.
[73] Там же, стр. 6—9.
[74] Походный журнал Петра, стр. 344.

Буджаке на 10 000 талеров для нужд русской армии, был захвачен турками, как это зафиксировано в специальном послании Кантемира к царю[75].

21 июня Петр приказал Шереметеву приостановить свой марш и в удобном месте дожидаться его, присовокупляя: «мы к вам походом своим, елико возможно, поспешаем»[76].

22 июня господарское войско перешло Прут и соединилось с корпусом фельдмаршала[77]. А 23 июня «...отправлены были в партию на татар, которые в Саратовой долине стояли, все наши нерегулярные и господаря волошского волохи с гетманом (Ионом Некулче. — *Е. Р.*) и велено на них нападение учинити»[78].

Прибыв 12 июня к Днестру, Петр с армией перешел реку у Сорок 17[79] и 24 июня к заходу солнца приблизился к Яссам[80], где ему оказана была торжественная встреча. По словам летописца Некулче, «...бояре и пожилые почетные мещане с митрополитом и всем клиром вышли ему навстречу пред Яссами и, благолепно встретив его, приняли его от всего сердца. И поклонились ему аки христианскому царю, вознося хвалу богу, что призрит он их милостью своей и вызволит их из-под ярма турецкого рабства»[81].

Петр направился в господарский дворец, куда затем прибыла и царица. Как сообщает Н. Костин, господарь, находившийся в то время в ставке Шереметева, «прибыл позже, когда царь возвращался из бани, и во дворе, у лестницы, повстречался с царем, поцеловал ему руку, а царь поцеловал его в голову, взяв на руки и подняв его одной рукою, будучи Думитрашко человеком щупленьким а царь — добродушным и вельми приветливым. И госпожа Думитрашки-воеводы тогда же повстречалась с царицей и та подарила ей золотой лефт (медальон. — *Е. Р.*) с дорогими каменьями и надела ей его на шею»[82].

В воскресенье, 25 июня, Кантемир устроил в честь Пет-

---

[75] П. Пекарский. Указ. соч., стр. 574.
[76] Письма... XI, вып. I, стр. 299.
[77] Журнал Шереметева, стр. 49—50.
[78] Там же, стр. 50; ср. также И. Некулче. Указ. соч., стр. 249.
[79] Война 1711 г., стр. 131—132.
[80] Походный журнал Петра, стр. 336.
[81] И. Некулче. Указ. соч., стр. 251.
[82] Н. Костин. Указ. соч., стр. 102.

ра пир, на котором в качестве гостей были русские генералы, канцлер Гаврила Иванович Головкин, усаженный царем во главу стола, Савва Рагузинский, валашские спафарий Фома Кантакузино и посол Георгий Кастриот. После господарева тоста Кантемир и Петр облобызались. «И так, отмечает Н. Костин, веселились они в большой горнице под звуки табулханы (турецкого духового оркестра.— *Е. Р.*); а царица с госпожей Думитрашки-воеводы угощались в малой горнице»[83]. Царь «хвалил котнарское вино и восторгался полынным, диву дивясь, что в их краях столь доброго вина не делают»[84]. Под конец своего описания господарского пира, участником которого ему довелось быть, Некулче отмечает, что «такую любовь проявлял царь к Думитрашко-воеводе, видя его добровольное поклонение, что обеими руками обнимал он Думитрашко-воеводу и целовал его в лицо, в голову и в глаза, аки отец сына своего»[85].

Утром 26 июня, в понедельник, царь без чьего-либо ведома вышел в город, прошелся пешком до обители Трех Святителей, послушал службу в монастырском храме, наведался к игумену в трапезницу, а затем, вместе с подоспевшим Кантемиром и свитой сделал смотр молдавским полковникам и ротмистрам, приложившимся к его руке, побывал в митрополии, монастырях Голии и Св. Николая, вернулся во дворец и к вечеру отбыл в ставку у Цуцоры[86]. В свою очередь, очевидец Некулче добавляет, что царю «больше всего понравился монастырь Голия, отметив в нем три вида мастерства: ляшский, грецкий и московский. И вельми хвалил царь творения, облик и все обычаи молдаван, а также скот сей земли, говоря что он красив»[87].

Пребывание Петра в Яссах отнюдь не свелось к познавательно-светскому времяпрепровождению. Ему пришлось здесь вплотную заняться и военно-политическими вопросами, связанными как с умиротворением молдавских бояр — противников абсолютистско-наследственного правления Кантемиров, так и с решением оперативных задач предстоящей кампании.

---

[83] Н. Костин. Указ. соч., стр. 102.
[84] И. Некулче. Указ. соч., стр. 253.
[85] Там же.
[86] Н. Костин. Указ. соч., стр. 102—103.
[87] И. Некулче. Указ. соч., стр. 252—253.

Брожение среди крупных молдавских бояр, возглавляемых вистиерником Йордакием Русетом, по поводу абсолютистско-наследственного правления Кантемиров, вынуждает Петра поручить канцлеру Г. Головкину и Савве Рагузинскому провести со смутьянами соответствующую разъяснительную работу. «И начал Головкин слово царское к боярам молвить о том, как царь великий тщится страну сию вызволить из рабства, из-под длани поганых, и ничего не потребно ему от нее, а преисполнен желания сделать добро ей, понеже поганые поедом христиан едят. И правления господарские дабы не сменялись в ней с большими затратами, как сие при поганых бывает. И много иных милостивых и заверительных слов молвил он. И, услышав бояре слова сии, поклонились и поблагодарили его, и только Йордаки Русет со сворой своей... сызнова завопил, негоже-де, чтобы господари были одного рода, а чтобы сменялись. И так раскололись бояре, одни держали сторону Дмитрия Кантемира, а другие шли за Йордакием, пререкаясь между собой». Под конец канцлер заявил им, что иначе быть не может и, заключает с укоризной Некулче свою колоритную запись, «уразумел тогда Головкин молдавских бояр, что за дурные люди они и сколь не любят они друг друга»[88].

Следовательно, непререкаемым авторитетом российского монарха абсолютистско-наследственное правление Кантемиров утверждается в Молдавии, вопреки сопротивлению отдельных поборников олигархического режима, что должно было иметь весьма положительные последствия для судеб страны. Ведь «королевская власть, — как отмечают основоположники марксизма, — была прогрессивным элементом... Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации...»[89].

В Яссы, как известно, прибыл валашский спафарий Фома Кантакузино и господарев посол Георгий Кастриот. Первый заявил, что при приближении русской армии Валахия подымется на антитурецкую войну. Второй передал царю предложение великого визиря, сделанное им при посредничестве иерусалимского патриарха и валашского господаря Константина Брынковяну, о начале мир-

---

[88] И. Некулче. Указ. соч., стр. 254.
[89] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

ных переговоров. Предложение это, как явствует из официального русского документа, было отвергнуто, «дабы не придать неприятелю сердца или куражу»[90].

На состоявшемся военном совете решено было войску стать под Яссами и заняться сбором провианта для предстоящей кампании. Решение это, однако, не было осуществлено, ибо прибыло известие о том, что не вся турецкая армия перешла Дунай, «и для того было прошение господаря волошского и прочих чинов земли той, дабы ускорить неприятеля к Дунаю», что́, к тому же сулило возможность снабжения за счет турецких магазейнов, расположенных около крепости Браилы [91]. «Того ради, отмечает официальная реляция, хотя и опасно было на их (молдаван. — *Е. Р.*) прошение соизволять, однако же, дабы христиан, желающих помощи, в отчаянье не привесть, на сей опасный весьма путь, для неимения провианта позволено»[92] и определен маршрут наступления — правым берегом Прута.

27 июня в ознаменование второй годовщины Полтавской виктории и в преддверии монаршего тезоименитства в ставке у Цуцоры были устроены подобающие случаю торжества, на которых присутствовали Дмитрий Кантемир со свитой и Фома Кантакузино. Яркую картину этого достопамятного праздника нарисовал участник его летописец Ион Некулче, который запечатлел на страницах своей хроники и построение русской армии, и литургию, которую торжественно отслужил молдавский митрополит Гедеон, и пушечные залпы и ружейную пальбу в честь победы и венценосного виновника торжества, и палаточное сооружение, под коим происходил царский пир, и даже своеобразие устройства стола и необычный способ рассаживания гостей[93]. А в заключение этого столь впечатляющего торжества «...попотчевал нас (Петр. — *Е. Р.*) вельми добро и благолепно... и поднес нам лично царь французского вина и, коль выпили его, окаменели все во

---

[90] Походный журнал Петра, стр. 336; ср. также С. Ф. Орешкова. Указ. соч., стр. 118—120; как отмечает И. Некулче. Указ. соч., стр. 255, против мирных предложений султана решительно выступили «Фома спафарий и Димитрашко-воевода... более из-за вражды к Брынковяну».

[91] Походный журнал Петра, стр. 336—337.

[92] Там же, стр. 337.

[93] И. Некулче. Указ. соч., стр. 257—258.

хмелю, отведав вина того. И, признается летописец, не ведали как проспали ту ночь, и господарь и бояре»[94].

Попытки организации всебалканского антитурецкого восстания, на которое столь уповал царь и которого столь опасался султан, не увенчались успехом. Этому в известной мере помешал валашский господарь Константин Брынковяну, который, заняв выжидательную позицию[95], не только сам не перешел на сторону России, но и не допустил прохода через Валахию мощного сербского отряда, направлявшегося на соединение с русской армией.

В Молдавию вступает более чем стотысячная турецко-татарская армия, предводительствуемая великим визирем Мегметом Балтаджи-пашой. С целью «обнадеживания господаря мултянского»[96] царь направил к Браиле кавалерийский корпус генерала Ренне, который и захватил эту турецкую твердыню 14 июля[97].

Разбитая на 3 отряда — первый под командованием генерала Януса фон Эберштедта, второй, возглавляемый царем, и третий, предводительствуемый генералом А. И. Репниным, русская армия начала свой марш к югу по правому берегу Прута, продвигаясь с трудом по местности, опустошенной саранчой.

Тактическое задание по недопущению перехода турками Прута Янус не смог выполнить и по приказу царя повернул обратно на соединение со вторым отрядом. По свидетельству летописца Некулче — участника событий,

---

[94] И. Некулче. Указ. соч., стр. 258. Летописец Н. Костин отмечает, что в царской ставке «подписались бояре и приняли Димитрашко-воеводу и род его в вечное (наследственное.— *Е. Р.*) правление». Указ. соч., стр. 103; ср. И. Некулче. Указ. соч., стр. 258.

[95] Подробнее об этом см. монографию Л. Е. Семеновой. Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в., М., 1969, стр. 117—142 и нашу рецензию на нее в журнале «Кодры», 1970, № 12, стр. 116—120.

[96] Д. Ф. Масловский. Записки по истории военного искусства в России, вып. I, СПб, 1891, приложение 1, стр. 22. Цит. по С. Ф. Орешковой. Указ. соч., стр. 112. Решительным сторонником этой тактической операции выступил Д. Кантемир вопреки советам своего гетмана, указывавшего на нецелесообразность и опасность распыления сил. И. Некулче. Указ. соч., стр. 256.

[97] Война 1711 г., стр. 264; Письма.., XI, вып. 2, (июль—декабрь 1711 года.), М., 1964, стр. 36—39; ср. также С. Serban. Un episod al campaniei de la Prut: Cucerirea Brăilei (1711), „Studii şi materiale de istorie medie". Vol. II, 1957, стр. 453.

«...в воскресенье утром 7 июля продвигались кто как мог... Тогда москали вывели из обоза около 4000 москалей, пониже, подле Прутецких болот (расстоянием. — *Е. Р.*) в три-четыре полета стрелы. И навстречу тем 4000 москалям повыходили и молдаване во главе с Думитрашко-воеводой, а также малость донцов и казаков, ставших подле москалей.

Итак, турки приступили вначале к драке с молдаванами. Покуда турок не собралось много, молдаване неплохо держали оборону, несмотря на то, что войско было сборным, неухоженным, безоружным и к войне не приученным, ибо давно у них походов не бывало. А затем, навалившись турки, не смогли противостоять, ибо у турок было все, и огонь, и добрые кони... и постарались (молдаване. — *Е. Р.*) отступить к обозу. Достойно удивления и то, сколько выдержали они, откуда взялась у них сила биться с турецким войском»[98].

Сообщение молдавского летописца подтверждает участник Прутского похода бригадир А. А. Яковлев, который отмечает, что когда турки «учинили жесточайший напуск» на подразделение генерала Януса, «прислан был к нему на секурс князь Кантемир с молдавцами, помощью которых он (Янус. — *Е. Р.*) неприятельскую конницу, состоявшую в 60 тыс. человек, через целых 3 часа удерживал, и, прогнав оную, благополучно прибыл в лагерь»[99]. Факт сей засвидетельствован и героем данной акции — Дмитрием Кантемиром[100].

Вечером 8 июля военный совет русской армии, учитывая, «что в провианте есть войску конечное недовольство и в конских кормах великий недостаток и отлучение конницы с генералом Реном и с генерал-маеором Гешовым, и что число их турецкой силы превосходит нашей вяще 100 000, кроме хана с татары, и положили... ретироваться от неприятеля, пока возможно всем случиться и в удобном месте со оным дать баталию»[101]. Маневр сей происходил в сложных условиях, следующим

---

[98] И. Некулче. Указ. соч., стр. 261.

[99] Выписка из журнала Александра Андреяновича Яковлева, находившегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом в 1711 г. «Отечественные записки», 1824, ч. 19, № 51—53, стр. 18—19.

[100] Д. Кантемир. Указ. соч., стр. 791.

[101] Письма..., XI, I, стр. 312.

образом описанных канцлером Г. И. Головкиным: «И видя мы, что зашли в пустыя места и не имели довольства в провианте, а паче всего кавалерия наша от бескормицы лишилась лошадей, ибо траву поела саранча, а достальную неприятели пожгли, поворотили назад. И неприятель жестоко нам в маршу мешал»[102].

В создавшейся обстановке у царя зарождается мысль пробраться с царицей в Трансильванию, что́ и поведал он Некулче, прося его быть им проводником. Обрисовав реальную картину ситуации, усугубленной глубокими татарскими рейдами, Некулче сумел отговорить Петра[103].

На рассвете 9 июля все три отряда русской армии соединились под селом Станилешты на берегу Прута, где и развернулось трехдневное кровопролитное сражение[104].

Значительное численное превосходство врага, голод, испытываемый русской армией, отсутствие у нее боеспособной конницы, отправленной в свое время в браильский рейд, неприбытие подкреплений из Валахии и из балканских стран — все это поставило союзников в тяжелое положение. Несмотря на это, ожесточенные атаки на укрепленный русско-молдавский лагерь были отбиты с большими для атакующих потерями. Неся чувствительный урон в живой силе, янычары отказывались идти на новый штурм. Что же касается русско-молдавской армии, то, при всем успешном отражении ею вражеских атак, положение ее было далеко не из легких.

В критической ситуации, создавшейся для обеих воюющих сторон, иного выхода, кроме прекращения бессмысленного кровопролития и начала мирных переговоров, не было. При всем противодействии Дмитрия Кантемира, молдавских бояр и немецких генералов[105] мирный договор был подписан 12 июля 1711 г.[106] и ратифицирован Петром 30 августа того же года[107].

---

[102] Письма..., XI, I, стр. 565; И. Некулче. Указ. соч., стр. 261.
[103] И. Некулче. Указ. соч., стр. 262.
[104] Описание Станилештской битвы см.: Письма..., XI, I, стр. 565—568; И. Некулче. Указ. соч., стр. 262—270; Н. Костин. Указ. соч., стр. 106—108.
[105] И. Некулче. Указ. соч., стр. 270—271.
[106] Текст договора см., Письма..., XI, I, стр. 322—324; Война 1711 г., стр. 267—268.
[107] Письма..., XI, 2, стр. 107.

Причины неудачи Прутского похода определены Петром I следующим образом: «...с великою ревностью шли к Дунаю, дабы турок предварить и получить довольство в провианте, но турки нас упредили и встретились с нами у Прута, где престрашные бои были через три дни.... Потом мы, видя, что впредь идтить, не имея провианту и довольной конницы, за такою их силою невозможно, також и отступить трудно, того ради по оных боях сделали штильштан (перерыв. — *Е. Р.*) и потом... вечный мир»[108].

При всей тяжести условий мирного договора, в частности отдача туркам Азова и вывод русских войск из Молдавии, Россия все же добилась существенных преимуществ в продолжении Северной войны. Ведь Турция больше не угрожала Российскому государству, и Петр мог сконцентрировать все силы для победоносного завершения войны со Швецией, на что и указывается в царском послании от 28 июля Г. Ф. Долгорукому[109].

Вместе с русской армией в Россию отступил и Дмитрий Кантемир во главе нескольких тысяч молдаван[110]. В сентябре 1721, вспоминая ратные дела на молдавской земле, Кантемир в послании своем к Петру I с достоинством отмечает: «В оном величества вашего походе и в самой под Прутом акции, пером и мечом сотруждаяся, словом и делом служил и войску величества вашего способствовал, елико мочь усерднейше, паче же и живот мой готов был положити, аще бы воля величества вашего и счастье мое допустило»[111].

В ответ на 3 господарских мемориала, из коих два от 29 июля, а третий без даты[112], Петр определил 1 августа статус Дм. Кантемира в России[113]. 28 сентября царь предложил Сенату подыскать «в Москве двор с каменными полаты волоскому господарю князю Кантемирю (который имеет жить с своею фамилиею в нашем государст-

---

[108] Письма..., XI, 2, стр. 11.

[109] Там же, стр. 41.

[110] «Роспись чиновным людем князя Кантемиря, бывшаго господаря волошского». Там же, стр. 389.

[111] П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 575.

[112] Письма..., XI, 2, стр. 387—389.

[113] Там же, стр. 62—63.

ве), который бы двор был по его достойнству, также и другой двор, загородной, ему приищите»[114].

Исключительный интерес для нас представляет пункт 4 первого мемориала от 29 июля, в котором Кантемир особо оговаривает права свои на наследственное престолонаследие в Молдавии: «Естли когда, по изволению божию, что Волоское княжество будет под державою царского величества, чтоб нихто иной ни для какой нужды на княжество не был допущен, кроме самого князя и наследника ево, и титул чтоб всегда имел его царского величества союзника и светлейшего князя, при сохранении прежних капитуляций»[115], т. е. трактата от 13 апреля 1711 г. Следовательно, Кантемир отнюдь не отказывался от мысли о возвращении себе утраченного престола, для чего он не только уповает на всевышнего, но и прилагает соответствующие усилия.

Обласканный своим царственным покровителем, удостоившим его не только княжеского титула, но и высокого чина тайного советника и члена Правительствующего Сената[116], а также щедро вознаградившего его за верность России, Кантемир обретает в ней вторую родину и окунается в бурлящую российскую действительность, столь насыщенную петровскими реформами.

С чувством собственного достоинства писал Кантемир в сентябре 1721 г. Петру о политической линии, которой он неукоснительно придерживался на протяжении более чем десятилетия: «В службу величества вашего, ради общия христианства пользы, с доброхотным и доброизвольным пришел сердцем. Чего ради, оставя отечество и отечественное владетельство, братию же и сродников, в тягчайшия бедства купно с детьми моими вдатися не усумлялся и, еже человеком паче всего желаемо есть, султанские чести (которых, аще реку, что между христианскими кнези, оной империи подлежащими, первенство

---

[114] Письма..., XI, 2, стр. 154. Кантемир переехал в Москву в марте 1712 г. и поселился в Китайгороде во дворе с «каменным строением» в 16 палат и деревянными сооружениями, перестройка и отделка которых велась под наблюдением одного из крупнейших московских архитекторов того времени Ивана Устинова. Там же, стр. 469; ср. также стр. 581.

[115] Письма..., XI, 2, стр. 388.

[116] Şt. Ciobanu. Dimitrie Cantemir în Rusia. Academia Română, Memoriile Secţiunii literare. Ser. III, Tomul II, Mem. 5. Buc., 1925, стр. 151, Anexa LXXVI.

имели, не посрамлюся), для величества вашего презрел и ни во что вменил, в настоящая и имущая быти бедства веселым вдатися сердцем готов был»[117].

Не отказавшись от мысли вернуть себе утраченный молдавский престол, Кантемир пристально следит за происходящим в Константинополе и в покоренных султаном христианских странах, информирует обо всем этом царя, стараясь поддерживать в нем антиосманские настроения, уповая на возобновление вооруженного конфликта с Портой, в результате которого Молдавия обрела бы свободу и независимость.

Весьма красноречивы в этом отношении послания и мемориалы Кантемира к Петру от начала 1717 г., в которых господарь со слов своего специально засланного лазутчика описывает бедственное положение Молдавии и Валахии и тревоги, испытываемые турками из-за военного конфликта с Австрией[118]; критическая ситуация молдаван, усугубленная австро-турецкой войной 1716—1718 гг., составляет сюжет Кантемирова мемориала к царю от января 1718 г.[119]; по этому же вопросу обращается он 4 марта 1719 г. и к канцлеру Г. И. Головкину[120], препровождая ему отчаянное письмо Иоанна Некулче от 27 ноября 1718 г., писанное из Межибожья[121], где бывший гетман дожидался соизволения фанариотских властей на въезд в Молдавию.

Тесное переплетение научных потребностей петровской России, обуревавших Кантемира политических страстей и вынашиваемых им честолюбивых планов питали его творческую мысль, воодушевляли на создание фундаментальных трудов, не потерявших и по сей день своего научно-познавательного значения.

Труды, созданные Кантемиром в России, представляют особый интерес и под углом зрения их политической целеустремленности, определяемой, в частности, антитурецкими настроениями автора, его страстным желанием восстановить былую свободу и независимость Родины, его непоколебимой верой в освободительную миссию России на Балканах.

---

[117] П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 574.
[118] Шт. Чобану. Указ. соч., стр. 130—134.
[119] Там же, стр. 102—103; ср. также и стр. 137.
[120] Там же, стр. 104—105.
[121] Там же, стр. 137—138.

Созданное в 1716 г. «Описание Молдавии» — эта своеобразная региональная энциклопедия, вскрывает сущность грабительской политики султана в порабощенной им стране, показывает цену той мнимой автономии, которой пользовались господари — ставленники Порты, отмечает значение проводившейся автором политики союза с Россией. Как уже справедливо подчеркивалось[122], борьбу за независимость Родины Кантемир продолжает и на страницах своего немеркнущего творения, содержащего призыв к Европе о помощи захваченной османами Молдавии.

В 1714 г. Кантемир пишет историко-философский трактат — «Монархии физическое рассуждение», в котором рассматривает всемирную историю под углом зрения циклической смены мировых монархий и пытается вывести определенную закономерность роста и упадка великих держав.

Патриот своей Родины, Кантемир и в данном произведении тонко проводит излюбленную им линию о целесообразности борьбы против турецкого владычества, обращая внимание на то, что на пути России к мировому господству стоит такое противоестественное порождение, как султанская Турция, которую посему и надлежит ликвидировать.

В результате этой акции, по глубокому убеждению автора, не только откроется свободный путь для поступательного движения России, но и обретут долгожданную свободу христианские народы, в том числе и молдавский, веками стонавшие под турецким игом[123].

В 1716 г. из-под пера молдавского ученого выходит монументальная «История Оттоманской империи», содержащая квинтэссенцию его энциклопедических знаний в области ориенталистики и рисующая впечатляющую картину Турции, ее былого могущества и наступившего упадка в результате внутренних противоречий и соперничества враждебных группировок правящей клики, а также страшной коррупции дворцовой камарильи.

Труд этот, созданный в разгар австро-турецкой войны, за участие России в которой Кантемир усиленно ратовал, усматривая в этом залог грядущего освобождения

---

[122] П. П. Панаитеску. Указ. соч., стр. 163—168

[123] Там же, стр. 193—195.

Молдавии, вписывается в восточную политику Петра I и завершается апофеозом царя, предназначенного самим провидением вызволить молдаван из турецкой неволи[124].

Раньше Кантемир посвятил Петру особый панегирик, опубликованный в 1714 г., в котором он без обиняков заявляет, что «наступило предначертанное время нашего освобождения»[125].

Между 1717—1718 гг. Кантемир пишет по царскому повелению политический доклад о положении в Валахии, который, будучи издан в качестве приложения к запискам Петра I, известен под названием «Событий Кантакузинов и Брынковянов».

Составленная в период австро-турецкой войны, эта острая докладная записка всячески порочила деятельность валашского господаря Константина Брынковяну и возвеличивала Дмитрия Кантемира в глазах Петра I, которому автор исподволь внушает мысль о целесообразности вмешательства в бушевавший военный конфликт. И в данном случае проскальзывает лелеемая Кантемиром надежда на русское оружие, призванное освободить Молдавию из тяжкой неволи[126].

В 1722 г. в Петербурге была издана принадлежащая перу Кантемира «Книга систима, или состояние мухаммеданския религии», в которой, между прочим, содержатся предостережения русскому народу о турецкой опасности, а также, выражаясь современным языком, призыв к превентивной войне против Оттоманской империи. С полным на то основанием труд сей расценивается как идеологическое оружие, направленное против турок[127].

В России пишет Кантемир на латинском, а затем лично переводит на молдавский свой капитальный монографический труд — «Хронику стародавности романо-молдо-влахов», содержащий оригинальную трактовку этногенеза молдаван.

Своим фундаментальным сочинением на латинском языке Кантемир старается привлечь внимание европейского читателя к многострадальной Молдавии. С чувством законной гордости восклицает он: «Скольких магометов, скольких баязидов, скольких мурадов разбили на

---

124 П. П. Панаитеску, Указ. соч., стр. 180—182.

125 Там же, стр 193.

126 Там же, стр. 200—201.

127 Там же, стр. 217.

молдавских полях, и тысячи турок поглощены были водами Дуная, Прута, Сирета, Бырлада и Днестра»[128], подчеркивая, что молдаване грудью своей преградили туркам путь в Европу, которой ныне надлежит вступить в борьбу за освобождение своих былых защитников[129].

Так, в условиях российской действительности, на страницах созданных им в России трудов продолжает Кантемир благородное дело освободительной борьбы.

* * *

В свете всего вышесказанного явствует, что образное выражение Дмитрия Кантемира о том, что «он и пером и мечем сотруждаяся, словом и делом служил»[130] антиосманской борьбе, отражает реальную действительность. В гнетущей атмосфере Стамбула, в стольном граде Молдавии, на поле брани у Станилешт и, наконец, в петровской Руси Кантемир последовательно, решительно и целеустремленно боролся за свободу и независимость Отчизны, за что благодарные потомки воздают по заслугам этому прозорливому государственному деятелю и выдающемуся ученому своего времени.

---

[128] D. Cantemir. Hronicul vechimei Romäno-Moldo-Vlahilor. Publicat de pre originalul autorului de Gr. G. Tocilescu. Buc., 1901, стр. 22.

[129] П. П. Панаитеску. Указ. соч., стр. 247.

[130] Там же, стр. 575.

И. ВАРТИЧАН

Выдающийся ученый и общественно-политический деятель

В октябре 1973 года исполнилось триста лет со дня рождения Дмитрия Кантемира — выдающегося ученого, писателя и общественно-политического деятеля Молдавии XVIII века. Как ученый он оставил значительный след во многих отраслях знаний. Уже при жизни его научные заслуги были признаны во многих странах мира, а его труды многократно издавались в XVIII—XX вв. и интерес к ним не ослабевает. Господарем Молдавии Д. Кантемир был немногим более шести месяцев, но за это время провел такие мероприятия в жизни молдавского государства, что период его правления явился одной из важных вех истории страны. Его роль как политического деятеля характеризуется главным образом союзом, который он заключил с Петром Великим, чем заложил прочную основу внешнеполитической ориентации на Россию.

В марксистской литературе Д. Кантемир получил высокую оценку и как ученый, и как борец за освобождение Молдавии от турецкого ига, за укрепление дружбы с Россией[1].

Очень высоко отзывался о Д. Кантемире как ученом великий русский критик В. Г. Белинский. «Князь Дмитрий,— писал он,— был человек ученый; с особенным удовольствием занимался он историею, был весьма искусен в философии и математике и имел великое знание в архитектуре; был членом Берлинской академии, говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латыни, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках. Из

[1] «Очерки истории СССР», XVIII век; «История МССР», т. 1.

них «Система Мухаммеданского закона» по велению Петра Великого напечатана в Петербурге в 1722 году»[2].

Кантемир как бы вобрал в себя огромную жажду знания своего угнетенного народа, вынужденного жить под турецким игом в беспросветном мраке. Против этого мрака восставали лучшие умы Молдавии, в том числе Митрополит Дософтей, который в письме к Московскому Патриарху горько сетовал на угнетателей, мешавших развитию культуры. Письмо заканчивалось словами, ставшими впоследствии крылатыми: «Свет идет с Востока», которые выражали по существу стремление к освобождению страны при поддержке Москвы и надежду на лучшие дни.

Дмитрий Кантемир стал верным наследником этого завещания. Он мечом и пером боролся за приобщение своей страны к передовой культуре того времени. А эту передовую культуру он видел в России, где усилия Петра I способствовали великим преобразованиям.

Отец Д. Кантемира Константин Кантемир был господарем Молдавии в 1685—1693 годах. Но он вовсе не принадлежал, как это можно было бы предполагать, к высшему общественному классу, к тогдашнему боярству. Происходил он из свободных крестьян села Силиште Фалчийского цинута и долгие годы служил при господарском дворе, дослужившись до боярского чина. У него не было образования, он с трудом умел расписываться. И потому он решил, чтобы его дети этого позора не знали. Константин воевода зорко следил за воспитанием своих детей. Ему хотелось, по-видимому, чтобы они блистали знаниями. И этого он добился.

Дмитрий несколько лет был заложником у Оттоманской Порты, затем (до 1710 года) продолжал оставаться в Константинополе, занимая пост капукехайи — своеобразного представителя молдавского господаря при Высокой Порте. Отец не перестает в это время заботиться о его дальнейшем образовании. Юноша посещает Высшую школу Константинопольской Патриархии, являющуюся, по существу, университетом, где преподавали известные ученые того времени. Он усердно изучает турецкий язык и персидско-арабскую письменность.

---

[2] В. Белинский Собрание сочинений. В трех томах. М., 1948, т. 2, стр. 734.

В эти годы его внимание приковано к турецкой действительности, представлявшей тогда узел сложных социальных и духовных противоречий. Гордость султанов, когда-то непобедимая турецкая армия, в конце XVII века терпела поражение за поражением в боях с Австрией и ее союзниками. В империи воцарился дух анархии и разрухи. Все это прекрасно понимал молодой Кантемир. На основании пристального наблюдения и изучения он делает печальный для турок вывод о неминуемом упадке их империи.

В 1710 году Высокая Порта доверяет господарскому отпрыску престол Молдавии, питая большую надежду, что он продолжит политику подчинения своей страны турецкой державе. Но у нового господаря, по-видимому, давно сложилась и созрела мысль о необходимости — при стечении благоприятных обстоятельств — немедленного вызволения своей родины из тисков турецкого ига.

Полтавская победа Петра Великого над Карлом XII в 1709 году вселила большие надежды в сердца молдаван, число сторонников освобождения страны при поддержке России росло. Потому-то Дмитрий Кантемир и посылает своего тайного представителя в Россию. В апреле 1711 года между ним и Петром I был заключен знаменитый Луцкий договор, по которому Молдавия, сохраняя автономию, переходила в состав России. Согласно договору, русские освободительные войска во главе с Петром I в июне того же года вступают в пределы Молдавии. Однако засуха, нехватка продовольствия и отказ валашского господаря Брынковяну выступить в поддержку молдаван и русских не приносят победы над турками. Вместе с русскими войсками Кантемир с большой группой бояр, служилых людей и крестьян переселяется в Россию.

Как известно, турки, узнав о «вероломстве» Кантемира, потребовали его выдачи. Вот что ответил им Петр I, о чем пишет сам Кантемир в «Истории Оттоманской империи»: «Я лучше уступлю туркам всю землю, простирающуюся до Курска... нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием. Потерянное оружием оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо; отступить от чести то же, что не быть государем». Петр I очень высоко ценил Д. Кантемира: он считал его «зело разумным и в советах способным».

В 1719 году Дмитрий Кантемир переезжает на жи-

тельство в Петербург. Через два года он удостаивается высокого титула сенатора и тайного советника. Как царский министр бывший господарь занимается вопросами восточной политики Петра I. Поэтому в 1722 году он сопровождает царя в известном Персидском походе. Кантемир имеет в своем распоряжении военную часть и созданную им по повелению синода типографию, предназначенную для печатания на персидском и турецком языках обращений к народам. За время похода Кантемир изучает местности Северного Кавказа и их древние поселения, памятники.

Однако внезапная болезнь приковала его к постели. Он возвратился в свое имение в селе Дмитровка, где 21 августа 1723 года скончался.

Вся жизнь Дмитрия Кантемира была полна исканий и труда. Его многочисленные сочинения свидетельствуют о том, что он был человеком высокоодаренным и неутомимым тружеником на поприще науки, культуры. «Душе,— говорил он,— не суждено покоя, покуда она не откроет истину, которую ищет, как бы ни была она далекой и недоступной». Эти слова как нельзя лучше характеризуют самого Кантемира и всю его неутомимую научную и государственную деятельность.

Первые труды Кантемира — философские, написаны они на латинском языке. Правда, в них еще преобладают схоластические рассуждения на тему о человеке и мироздании. Молодого ученого особенно интересуют вопросы логики, которая в аристотелевской философии считалась главным средством познания (кстати, Кантемир мечтал о создании на молдавском языке учебника логики и философии).

В 1698 году выходит в свет книга Д. Кантемира «Диван, или спор мудреца с миром, или тяжба души с телом». Это — первая печатная в Молдавии светская книга. Ее нравственно-этическое содержание выходило далеко за рамки церковно-догматической морали. Кантемир проводит гуманистические идеи, направленные против несправедливого общественного строя. Он остро критикует корыстолюбие, стяжательство и стремление всемогущих правителей к подавлению слабого человека. Конечно, у Кантемира еще нет ясного сознания социальных несправедливостей, узаконенных феодальным строем,

но как мыслитель-гуманист он отвергает жестокость всесильных мира сего.

Эта книга сыграла большую роль в развитии философской мысли не только в Молдавии, но и за ее пределами. Для нас она ценна еще и тем, что здесь предпринимается первая попытка создания оригинальной молдавской философской терминологии.

Блестящим кантемировским произведением является аллегорический роман «Иероглифическая история», написанный в 1705 году. Сюжетная основа книги — борьба за власть враждовавшей между собой боярской верхушки Молдавии и Валахии. Кантемир резко критикует политические нравы и неисцелимые пороки господствующего класса бояр. Его слова достигают местами звучания политического памфлета. Бояре Валахии представлены в книге в виде хищных птиц, а бояре Молдавии — хищных зверей. И весь этот мир не гнушается «невинной крови» остального животного мира. Басенный замысел книги довольно прозрачен: правители страны должны заботиться о благосостоянии своих сограждан, а в случае беззакония и произвола народ имеет право на восстание. В романе изображено восстание пчел, муравьев и остальных насекомых. Симпатии автора явно на их стороне.

Тут к месту будет сказать о социальных взглядах Д. Кантемира. Как сын своего времени и класса, Кантемир — идеолог передовой части господствующего класса феодалов, он же и господарь. Именно с этих позиций можно в должной мере понять и оценить его отрицательное отношение к феодальной олигархии и сочувствие к крестьянам, которых он использовал в борьбе против турецких угнетателей и крупного боярства. Однако Д. Кантемир осуждал не эксплуатацию крепостных крестьян, а только злоупотребления и произвол феодалов, вследствие чего, по его мнению, и возникали недовольство и восстания.

Позже, в «Описании Молдавии», Кантемир с политической точки зрения объясняет свое отношение к народным массам. Он не одобрял непосильное обременение народа и страны налогами, осуждал тиранию господарей и отсутствие законов, ограничивающих власть бояр над крестьянством. Кантемир — один из первых европейских мыслителей, мечтавших о создании просвещенной монархии.

Роман «Иероглифическая история», равно как и другие его труды, содержит именно такие просветительские идеи. Недаром на фасаде парижской библиотеки Сент-Женевьев среди великих мыслителей, осуждавших рабство и тиранию, начертано и имя молдавского ученого-энциклопедиста. Конечно, основанием для этого послужила в первую очередь его хорошо известная в то время во Франции «История роста и упадка Оттоманской империи».

Находясь в России, молдавский ученый и государственный деятель приобщился к новым идеям о преобразовании общества и роли народов в общем прогрессе человечества. Следует подчеркнуть, что стиль работы Кантемира приобретает в это время особую публицистическую остроту. Он не только один из самых близких людей Петра I, но и один из самых активных сторонников его реформ. Это явствует и из некоторых его высказываний. Так, в одной из своих книг, объявляя себя сторонником политики Петра I, Кантемир называет его добродетелем и «свободных наук и художеств насадителем», всецело одобряет борьбу русского царя против всех «крамольников и явных супостатов», не соглашавшихся с его преобразовательной деятельностью.

Особенно дорога была ему петровская идея о превосходстве личной заслуги человека над его родовой знатностью. «Неученый поселянин земледельствующий,— пишет он,— много полезнейший есть республике, неже князь леностную жизнь провождающий, и без общия пользы время изнуряющий».

Петровские реформы оказали большое влияние на политические взгляды молдавского господаря. В этом отношении особенно характерна его работа «Описание Молдавии» — первый труд, написанный им в России. Проектируя реформы для Молдавии в духе реформ российских, Кантемир подчеркивает, что «несправедливая и враждебная общественной жизни турецкая тирания» тормозила освоение всех естественных богатств страны. В Молдавии, говорил он, имеются богатые залежи, но их нельзя добывать из-за «известной турецкой алчности, и из-за страха, что если молдаване попытаются добывать их, то турки потеряют не только труд и его плоды, но и страну». В книге не однажды подчеркивается мысль о том, что причиной упадка экономики страны, ее произво-

дительных сил и культуры является турецкая тирания и жадность господарей и бояр. Чтобы направить страну на путь прогресса, следовало осуществить коренные социально-экономические и политические реформы, подобные русским рефоомам.

Но «Описание Молдавии» — не только политическая книга, предназначенная показать правильность избранного Кантемиром пути — сближения Молдавии с Россией, но и замечательный научный труд. В книге охвачены разнообразные аспекты жизни молдавского народа. Уделяется много внимания нравам и политическому устройству страны, описываются обычаи и народное искусство, история молдавской культуры, происхождение молдавского языка и письменности, национальный характер молдаван, приводятся богатые географические сведения и многое другое. Написан был этот труд на латинском языке, а впервые отдельной книгой издан на немецком языке в 1771 году. Переведенный на русский язык в 1789 году, он был популярен среди русских писателей и ученых. На молдавском языке книга впервые была напечатана в 1825 году. В 1957 году она издана в Кишиневе в новом переводе под названием «Дескриеря Молдовей».

Имя Дмитрия Кантемира как ученого стало известно в европейской культуре больше благодаря его книге «История роста и упадка Оттоманской империи», написанной также на латинском языке. Она была переведена на русский язык и ряд европейских языков, пользовалась широкой известностью не только в Молдавии и России, но и в Западной Европе. Ее хорошо знал французский писатель и философ Вольтер. Ознакомившись с латинским текстом, врученным ему Антиохом Кантемиром в бытность его послом России в Париже, Вольтер признавался, что он «многое почерпнул» из этой книги. На протяжении XVIII века «История Оттоманской империи» была одним из богатейших источников сведений о государственном строе, религиозных догмах, нравах и культуре, общественных институтах Турции.

Кантемир рассматривал развитие мировой истории как циклическую смену мировых империй. Он полагал, что эпоха Оттоманской империи идет к закату и начинается эпоха северной империи, то есть России. Молдавский ученый был первым историком в европейской культуре, который предвидел упадок Оттоманской империи. Главную

причину этого он видел прежде всего в междоусобных войнах, а эти войны, по его мнению, были следствием ухудшения нравов, коррупции Высокой Порты, продажности правителей и религиозного фанатизма.

Идея роста и падения государств встречается также в «Описании Молдавии». Следует подчеркнуть, что Кантемир не приписывает упадок Молдавии только внешним причинам. Были и внутренние, по его мнению, причины упадка, как «алчность, распри и борьба за почести и власть между крупными боярами».

Вообще идея роста и упадка одного государства была новой в европейской историографии. Кантемир был одним из первых приверженцев и теоретиков такой концепции истории. Он предчувствовал обновление, которое исторически совпадало с появлением на арене нового класса — буржуазии. Кантемир был убежден, что нравы, государственный строй, экономическое положение играют огромную роль в жизни народов. Эта концепция была новой в сравнении с феодальной историографией, так как она наталкивала на поиск причины развития любого государства во внутренней жизни самого народа. Поэтому Дмитрия Кантемира и считают одним из первых философов истории, то есть мыслителем, исследовавшим не только следствия, но и причины общественного развития.

Эту же мысль развивает Кантемир в своей работе «Хроника стародавности романо-молдо-влахов». Основываясь на конкретных исторических фактах, он утверждает, что в развитии исторических событий «никакое явление беспричинно не возникает» и что «каждому явлению предшествует какая-нибудь причина». Сурово критикует Кантемир историков, которые, «желая свое мнение подтвердить, произвольно толкуют и искажают развитие исторических событий и вещи, ранее по-иному отмеченные». Молдавский ученый почти начисто исключает все сверхъестественное из объяснения исторических событий. История, говорит он, «требует не веры, а науки, ибо верить можно, когда нет доказательства или вообще вещь недоказуема...»

В «Хронике» Кантемир критически использует огромное количество исторических работ: римских и греческих историков, византийские хроники, славянские, русские и молдавские летописи, работы польских хронистов, пер-

сидские анналы, географические труды и карты, лингвистические словари, археологические открытия, данные фольклора, этнографии и т. д. «Наука,— пишет Кантемир,— принадлежит вещам, а незнание отрицает вещи, и поэтому оно не ценно». Долг ученого, по его мнению,— неустанно исследовать исторические источники, не основываясь на том, что тот или иной факт еще не был зарегистрирован предшествующими историками. «Америка, — говорит Кантемир,—много тысяч и сотен лет не была известна писателям и всем людям, живущим на нашей давно известной земле. Мы ничего не знали об Америке, ничего не писалось о ней; но это молчание не исключало Америку из природы вещей, ибо она существовала, как сейчас существует...» Как мы знаем, в этом состоит один из основных принципов теории познания.

Большим недостатком считал Кантемир стремление отдельных ученых приукрашивать историю своего народа, изображать только ее привлекательные стороны. И нельзя хулить историю чужих народов, потому, что клеветой на чужой народ не прибавишь славы своему народу.

Интересны мысли Кантемира о происхождении ряда языков, в том числе молдавского. В своем исследовании этногенезиса восточно-романских народностей и происхождения их языка он ссылается в первую очередь на ученых-гуманистов, создавших первые труды сравнительной филологии. Говоря о латинском происхождении молдавского языка, Кантемир, правда, не упомянул роль дакийского и славянского моментов в его формировании, что дало некоторым современным буржуазным исследователям повод сознательно умалчивать этот факт, делая акцент на латино-романской основе с пресловутыми выводами о румынском континюитете и т. д. Попытка же Кантемира подойти к вопросу о происхождении языка с точки зрения сравнительной филологии примечательна.

Кантемир — один из создателей востоковедения в России и Европе. Представляют интерес и сегодня имеющиеся в «Истории Оттоманской империи» сведения о народах и странах Кавказа и Средней Азии, в частности комментарии, посвященные Азербайджану, Грузии, Абхазии, Армении. Он отмечает проникновение к ним персидско-арабской культуры, что было признаком начала культуры в широком плане, его восхищает склонность этих народов к образованию.

В данном труде имеются и сведения об антитурецких восстаниях кавказских и среднеазиатских народов. Из книги мы узнаем, что многие талантливые полководцы, государственные и культурные деятели Турции происходили из абхазцев, грузин, армян и т. д. Во время персидского похода Кантемир, обратившись вновь к изучению жизни кавказских народов, создает типографский арабский алфавит и печатает в походной типографии обращения к персам, азербайджанцам и другим народам Востока. Поэтому Кантемира справедливо полагают основателем в России арабистики и первопечатником татарской письменности[3].

Не следует забывать и о том, что Дмитрий Кантемир был отцом и воспитателем первого русского поэта-сатирика и дипломата Антиоха Кантемира. Влияние Дмитрия Кантемира на мировоззрение сына неоспоримо. Вот почему еще Белинский указывал на необходимость изучения жизни и творчества Антиоха Кантемира в тесной связи с жизнью и творчеством Дмитрия Кантемира.

Научная, культурная и государственная деятельность Дмитрия Кантемира была многогранной и плодотворной. Многие его труды, являющиеся ценным вкладом в отечественную науку, и теперь с интересом изучаются историками, географами, литературоведами и всеми, кто стремится узнать прошлое нашей Родины. Целый ряд высказанных им положений, сделанных описаний и выводов используются наукой и сегодня. Вся его культурная деятельность оказала большое влияние на развитие просвещения и образования в родном крае.

Дмитрий Кантемир — славный сын молдавского народа. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за его счастье и свободу. Кантемир — один из первых государственных деятелей Молдавии, который сознавал, что будущее родины, ее коренные интересы — в союзе с Россией, и внес большой вклад в создание этого союза. В 1812 году вековая мечта молдаван сбылась — они навечно связали свою судьбу с дружественным им великим русским народом.

Присоединение Молдавии к России, горячим поборником которого был Дмитрий Кантемир, сыграло огромную

---

[3] А. Г. Каримуллин. У истоков татарской книги. Казань, Татиздат, 1971, стр. 72—76.

роль в дальнейшей истории молдавского народа. Вместе с российским пролетариатом и при его братской помощи под руководством большевистской партии он приобрел подлинное счастье и свободу. Вместе со всеми народами нашей необъятной Родины и с их бескорыстной помощью трудящиеся Молдавии построили социализм, свою советскую социалистическую государственность, добились выдающихся успехов в развитии национальной экономики и культуры. И сегодня для молдавского народа нет большего счастья, как вместе, рука об руку с народами-братьями великой Страны Советов строить светлое здание коммунизма.

В. КОРОБАН

Дмитрий Кантемир — писатель-гуманист

Философские взгляды Дмитрия Кантемира формировались под влиянием античной и ренессансной натурфилософии. Он превосходно знал лучшие памятники античного греко-римского мышления и соответствующие философские течения. В равной мере была ему знакома восточная мудрость, представленная поэзией Саади, Хафиза и другими литературными памятниками. Но Кантемир не был ученым, оторванным от действительности. На него огромное влияние оказала противоречивая историческая действительность. Он не мог не размышлять, как живой свидетель, над такими мрачными явлениями века, как деспотизм, религиозная нетерпимость(в том числе и христианская), вековые, мешающие сближению людей и культур, предрассудки. Ему невольно приходилось книжно освоенные истины соотносить с жестокостями века. Сама действительность наталкивала чуткого мыслителя на раздумья.

В России Кантемир усердно занимается историей и философией истории. За последнее время обнаружены ценнейшие документы, говорящие о его деизме и даже о его свободомыслии. Конечно, социальное положение и классовые предрассудки не позволяли ему высказать слишком смелые мысли о мироздании или человеческом обществе.

Молдавским ученым допускается идея сотворения мира богом. Это вполне естественно, если учесть мировоззрение многих великих мыслителей века. Но кантемировский бог иногда не что иное, как условное обозначение понятия объективной природы. «Предмет, не увидевший свет, — говорит Кантемир, — бог может привести из состояния небытия к бытию; но ставший бытием предмет в небытие и сам бог не может обратить». В природе

существует какая-то закономерность. Кантемир придерживается в данном случае мнения Эмпедокла. Он говорит, что природа так устроена, чтобы явления следовали одни за другими, и когда одни погибают (уничтожаются), другие возникают; вечные спутники: «симпатия и антипатия в них не отсутствуют».

Ощущения являются источником наших знаний. «Опыт может оказаться сильнее данных нашего разума, а аргументы явления более убедительны, чем все гипотезы». Такими изречениями испещрен весь его роман «Иероглифическая история». «Каждое природное явление содержится в определенных пределах, и если оно выскочит из этих пределов, то не должно разрушать сферу своего действия».

В познании вселенной и истории человечества огромную роль отведено Кантемиром разуму. Понятия нашего ума и опыта зависимы от ощущений, от чувств. Но в науке, образно говорит молдавский мыслитель, «охотником знания является разум, а его капканы — ощущения», т. е. данные опыта и ощущений перерабатываются разумом. Это декартовский критерий: ощущения подчиняются разуму.

В представлении Кантемира «диалектик», т. е. человек, придерживающийся формальной логики, отличается от философа тем, что он заботится только о «соответствии формы силлогизма канонам логики и пренебрегает материей (содержанием), к которой относится силлогизм». Поэтому естественно, что Кантемир склонялся к суждениям, основой которых были бы в первую очередь реальные явления. Кантемировский философ добивается познания не только формы предмета, но и его содержания. «Знание предметов,— говорит Кантемир, — не рождается из мнений, а из очевидного явления, которое, согласно своему содержанию, ищет соответствующей формы понимаемости». Из чистого воображения, отмечает иронически молдавский князь, нельзя извлечь реальных предметов. Примером праздных фантастов для него являются алхимики, старающиеся извлечь золото из мозгов; историки, верящие во всякие легенды и прочие небылицы.

Кантемир, как и представители рационализма, рекомендует следить не за связью между представлениями и понятиями, а за связью между предметами, обозна-

ченными понятиями. В мышлении молдавского ученого немало стихийно материалистических критериев познания.

Логика Кантемира, изложенная в большой степени в романе «Иероглифическая история», — замечательное явление, которое следует еще изучить. Но было бы ошибочно говорить о цельной кантемировской философской концепции. В Кантемире так сильна гуманистическая сторона, что он не может замыкаться в догмах одного какого-нибудь философского учения. Во многом он следует Аристотелю, причем не средневековому схоластическому, а ренессансному Аристотелю. Но у него можно встретить и отдельные философские критерии Платона, и мысли различных философов-стоиков, и философские изречения Саади и т. д.

В художественных произведениях — «Диван, или спор мудреца с миром, или тяжба души с телом», «Иероглифическая история» чувствуется сильное влияние мыслителей и писателей-стоиков — Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия, Горация, Ювенала и др. Величайшее человеческое достоинство — по Кантемиру — мужество. В «Иероглифической истории» много изречений, выражающих сущность стоической морали. «Чтобы неволить тело, — говорит одно изречение, — достаточно цепи и заточения, но для подавления духа и свободной воли не хватит сотен и тысяч заточений и цепей». Сила духа, подсказывает одно изречение, не удел надменных правителей или всесильных богачей, а удел скромного и свободного духом человека. «Наука мудрости,— говорит Кантемир,— не в высоких и надменных стульях, а в смиренных и опытом жизни обученных головах обитает».

Нравственное учение Дмитрия Кантемира направлено в основном против пороков господствующих классов. Его изречения и афоризмы, часто сугубо философского содержания, всегда берут под защиту униженных и обездоленных. Бедность в одном афоризме уподоблена огню, пожару: «Хижина бедняка (крестьянина) — огонь, а его жизнь — огненное пламя». По-видимому, афоризм построен по аналогии с мифологическим образом Нессуса, одетого в огненную тунику.

Остро осуждает Дмитрий Кантемир алчность, вероломство, спесивость, угодничество, зависть, невежество

и т. д. А когда идет речь о тщеславии, его стиль спонтанно приобретает ироническую окрашенность: «Ибо жажда славы,— замечает наш ученый,— не смотрит на красоту или полезность предмета, которыми он славится, и другого, хотя бы и без пользы, хочет в положении ниже себя держать». «Самая явная природа славы состоит в том, чтобы покинуть своих почитателей и приблизиться к своим хулителям».

Сократовская мудрость очень дорога молдавскому мыслителю. Человек должен сам осознавать свои достоинства и пороки. «Хороший судья,— говорит он,— сперва себя судит, насколько он справедлив, а потом других судит за несправедливость, и прежде всего свое сердце очищает от лицемерия, а потом другого избавляет от бедствия или осуждает за сотворенное зло».

В первом своем печатном произведении, в «Диване», Кантемир ратует за торжество разума над мраком незнания. Человек, говорится там, разумное существо и хозяин земли. Крайне интересна его интерпретация евангельской притчи о небесных птицах, не пашущих и не сеющих... Кантемир утверждает, что притча не относится к здоровым людям, а к страдающим болезнями, к детям и т. д. Здоровый же человек должен пахать, сеять, ухаживать за виноградником, торговать. Он должен добывать себе пищу, знать законы и уважать других людей.

В этой же книге появляется впервые метафора: «мир — театр» в сочетании с мотивом fortuna labilis. Дела людей, утверждается здесь, уподобляются порой комедиям. Великие исторические фигуры, знаменитые деспоты, достигшие вершин славы,— не что иное, как лицедеи, которых время вынуждало кануть без следа в вечность, в небытие, подобно самым простым смертным. Этот скептицизм, унаследованный от Экклезиаста и от античных стоиков, является замечательным средством торможения самоуверенности ученого.

Благодаря идее fortuna labilis и театральной метафоре, молдавский мыслитель постоянно помнит, что люди, хотя бы в моральном отношении, равны.

И тем не менее этот скептицизм не преобладает в гуманистическом мышлении Дмитрия Кантемира. В его характере многое от его предков, от свободных крестьян села Силиште, которые создали прекрасную ми-

фологию о добре и о мужестве в схватке с невзгодами жизни.

Кантемир — один из первых мыслителей нового времени, которые уделяют большое внимание нравственным аспектам общества. В «Истории Оттоманской империи». в «Описании Молдавии» или в «Хронике стародавности романо-молдо-влахов» широко трактуется этот вопрос. Хорошие нравы могут способствовать быстрому процветанию общества, а плохие нравы могут ускорить его падение. Справедливое правление обусловлено именно состоянием нравов. Кроме того, в этих книгах проводится идея роста и упадка одного государства. Эта идея, как известно, встречается в работе французского просветителя Монтескье «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян». Конечно, не может быть здесь и речи о каком-либо влиянии. Монтескье написал свое произведение до перевода кантемировского труда на французский язык.

Важно только отметить, что в крайне отсталой среде Оттоманской империи одинокий молдавский ученый приходит к тем же выводам, что и французский мыслитель, который имел в своем распоряжении богатейший философский материал предшественников.

Личные наблюдения и близкое знакомство с финансовым и военным положением империи убеждают Кантемира в том, что Высокая Порта, после длительного периода расцвета, находилась на пороге упадка.

Но, может быть, не столь важна эта кантемировская идея, как важна его концепция цивилизации. В своих обширных комментариях к «Истории Оттоманской империи» он обращает особое внимание на эти признаки цивилизации. «Первые жители острова Крита,— говорится в книге, — обучили остальную часть мира приятно жить». Крит — родина искусств. Скульптура, музыка и другие виды искусства стремятся доставить удовольствие и приобщать людей к культуре. Крит славился великими градами, многочисленными селами и жителями. Следовательно, цветущей цивилизацией считается цивилизация, способствующая упрочению добрых нравов и расцвету общества.

Особенно ярко и ясно выступает идея цивилизации в «Хронике стародавности романо-молдо-влахов». После того как упоминаются древние цивилизации Египта, Ва-

вилона и другие, Кантемир дает обширную характеристику древней Греции. У этого народа было высокое понятие долга и подвига, в их стране расцветали добродетели, наука и искусство. Оружие, подвиги и величие духа помогли им проникнуть во все уголки света, где они не уничтожали, как завоеватели всех времен, материальные ценности, а основывали страны, государства и великие города, которым числа нет. У греков была огромная жажда знания. Об этом говорят их древние мифы, связанные с различными явлениями нашей Вселенной. Своей мыслью доискивались они до дальних звезд и планет, до глубоких недр земли и морей. Эти подвиги увековечены именами богов, которые, говорит Кантемир, не были в самом деле бессмертными богами, а простыми людьми, отличавшимися в свое время «великими подвигами и учениями».

Конечно, это идеализированная картина древней Греции, такой, какой она была в представлении всех гуманистов эпохи Возрождения. Но важно то, что понятие цивилизации у Кантемира означало расцвет человеческой мысли и индустрии, величие духа и подвиги, равные подвигам богов.

В «Описании Молдавии» Кантемир сурово осуждает Оттоманскую Порту, которая разрушила цивилизацию его родины. В Молдавии, считает молдавский господарь, непрерывно развивалась определенная цивилизация. Ее легендарный основатель Драгош не был, как утверждает предание, простым охотником, а государственным деятелем, который создал справедливые законы и ценил людей не по знатности рода, а по их заслугам. И здесь Кантемир относит к прошлому Молдавии некоторые явления, наблюдаемые им в России. По существу политику выбора государственных деятелей по достоинству и способностям проводил Петр I. Его идеи и реформы косвенно отразились в труде Кантемира. Вообще «Описание Молдавии» преследовало определенную политическую цель — привлечь внимание русского царя и европейских стран к тяжелой судьбе молдавского народа, стонущего под турецким игом.

Понятие цивилизации у Кантемира не предполагает узкое, региональное явление. По его убеждению, цивилизация, расцвет общества и величие духа возможны везде на нашей земле, где люди строят селения, пашут и

сеют. Расцвет общества — закономерное явление в истории человечества. Древние греки гордились своей цивилизацией и считали варварами остальные народы. Но еще их оратор Исократ отвергал идею греческой избранности. «Я не называю эллинами,—говорил он,—тех, которые в Греции родились или рождаются, а тех, которые освоили учения и цивилизацию эллинов». В «Истории Оттоманской империи» приводится эта мысль Исократа, чтобы доказать приобщение турецкого народа к культуре. А в «Хронике романо-молдо-влахов» Кантемир по-своему интерпретирует эту мысль: «Не тот эллин, который в Элладе живет, а тот, который осваивает утонченные нравы и прекрасные учения эллинов». Иными словами, греческая цивилизация не удел одной Греции, а общечеловеческое и общеисторическое явление. Нет избранных народов! Это глубоко гуманистическая концепция развития человеческого общества.

В «Истории Оттоманской Империи» Кантемир часто прибегает ко всему арсеналу иронической экспрессии и комического представления, чтобы высмеять отдельные несуразные и абсурдные магометанские ритуалы или чудеса, приписываемые великому пророку Магомету. Но нигде не проскальзывает у него идея религиозного превосходства, т. е. идея исключительности, проповедуемая богословами всех религий. В «Хронике» высмеивание средневековых чудес, приписываемых отдельными летописями избранным богом правителям, не менее остро и остроумно. В пределы кантемировского царства разума иррациональное и сверхъестественное не допускались.

Но турки сами тоже умели, при невзгодах, войнах и междоусобных неурядицах, смеяться над уродливыми явлениями жизни. «История Оттоманской империи» впервые знакомила западноевропейский мир с героем турецкого фольклора, с Насреддином Ходжой, который, надев маску смешливого простака, сумел укротить кровожадный нрав завоевателя Тамерлана. Кантемир первый выявил гуманность этого обаятельного образа турецкого фольклора, а, по другим мнениям, реального исторического персонажа, вошедшего в предание.

В этой же книге немало сведений о турецкой поэзии. Афористичность турецкого сатирического двустишия является порой грозным оружием в борьбе против невежества и религиозного фанатизма. Турецкая культура,

по велению грозных правителей, долго отгораживалась непроницаемой стеной презрения к чужим культурам. Но Кантемир показывает, что, несмотря на эту непроницаемость, в Оттоманскую империю проникали идеи, способствовавшие развитию науки и искусства. У турок, говорит молдавский ученый, немало ученых, которые понимают вред религиозного фанатизма, отвергающего разум как орудие познания мира.

Восторженно отзывается Д. Кантемир о богатстве арабского языка. В «Иероглифической истории», между прочим, он говорит, что у арабов около сорока слов для обозначения верблюда. А это естественное явление, если учесть роль этого животного в жизни народа. Особенно привлекает Кантемира оригинальность персидской культуры. Он объясняет ее расцвет тем, что персы по своей природе не склонны к исключительности и фанатизму. Персидский вариант магометанства, по его мнению, более либеральный. Персы не отвергают, как турки, живопись и другие искусства, а, наоборот, способствуют их развитию.

«История Оттоманской империи», возможно, во многом устарела. Но в свое время она была замечательным гуманистическим документом, показывающим, что цивилизация и человечность существовали не только за рубежами Оттоманской империи, но и внутри ее границ. Ее полный расцвет, по историческим причинам, не был возможным, но ее ростки допускали такую возможность.

В «Хронике романо-молдо-влахов» пространно говорится о пагубных для цветущих цивилизаций завоеваниях. Как пример автор приводит и свою Молдавию, где заложенная, согласно его взглядам, еще римлянами основа для процветания индустрии и искусств неоднократно прерывалась завоевателями.

Кантемир смутно понимал, с наших современных позиций, идею свободы, но как представитель порабощенного турецкими завоевателями народа он не мог не догадываться о ее огромном значении в жизни любого народа и в жизни людей. В романе «Иероглифическая история» имеется притча, которая призвана доказать, что свобода — естественное явление. Кантемиру, по всей вероятности, была известна книга замечательного французского мыслителя XVI века Ла Боэси «Рассуждения о добровольном рабстве» (1548), который высказывает

почти идентичную мысль при тех же примерах, предлагаемых самой природой, об естественности идеи свободы. «Когда случалось на свете, — спрашивает один персонаж кантемировского романа, — чтобы кто-либо добровольно принял рабство, или кто под солнцем без вынуждения свои руки протянул, чтобы на них цепи надели? Ибо природа за свободу вынуждает муравья вступать в бой с мышью, мышь с кошкой, кошку с собакой, а собаку со львом, несмотря на то, что сила противника многократнейше бóльшая». Решение Кантемира вступить в бой в 1711 г. с грозной Турецкой империей имело не только политическое, но и философское основание. Весь смысл романа сводится к доказательству того, что засилие правящей феодальной клики не способствует процветанию свободы, а следовательно, и общества в целом.

При слабой изученности творчества Дмитрия Кантемира нам сегодня трудно сказать, насколько последовательным был молдавский мыслитель в своих идеях, насколько был он готов претворить их в жизнь. Однако при всех обычных исторических ограничениях мы не можем не одобрять и не восхищаться его смелыми гуманистическими идеями, которые и сегодня представляют громадный интерес.

А. И. БАБИЙ

Дмитрий Кантемир как философ

Уже давно признано, что Дмитрий Кантемир был не только крупным ученым, писателем и государственным деятелем, но и выдающимся мыслителем. Еще Вольтер писал об удивительной многогранности познаний и научных интересов молдавского князя, «объединявшего в себе таланты древних греков». Д. Кантемир «был весьма искусен в философии», отмечал В. Г. Белинский.

О философских взглядах Д. Кантемира написано много. Ими занимались и занимаются как идеалисты, так и материалисты. Первые (Л. Блага, Н. Йорга, Ш. Чобану и др.) представляли его как последовательного идеалиста и даже мистика. И ныне буржуазный исследователь Г. Карагацэ во втором томе итальянской «Истории современных литератур Европы и Америки» утверждает, что в работе Д. Кантемира «Диван, или спор мудреца с миром, или души с телом», мы встречаем лишь «следы платоновской философии, переработанной в духе христианства», рассуждения о метафизических отношениях между телом и душой, о путях обретения счастья, что в решении проблем строения природы Д. Кантемир был горячим поклонником мистической доктрины бельгийского медика ван Гельмонта и что его «Всеобщая сокращенная логика» представляет собой почти пересказ, в схоластической манере, аристотелевского «Органона»[1].

С подлинно научных позиций к анализу философских воззрений Д. Кантемира подошли советские (В. Н. Ермуратский, В. П. Коробан и др.) и зарубежные (П. Панаитеску, Д. Бэдэрэу и др.) исследователи-марксисты.

---

[1] Storia delle letterature moderne d'Europa et d'America, vol. 2. Milano, 1958—1959, стр. 267.

Их труды представляют собой новый, более высокий этап в изучении философского наследия выдающегося молдавского мыслителя.

Философские взгляды Д. Кантемира изложены им главным образом в работах «Спор мудреца с миром, или души с телом», «Метафизика», «Иероглифическая история», «Исследование природы монархий», «Описание Молдавии», «История возвышения и упадка Оттоманской империи», «Темные места в катехизисе» и «Книга систима, или состояние мухаммеданския религии». В этих работах Д. Кантемир затрагивает комплекс философских тем: природа, человек, божество, судьба, счастье, свобода воли, детерминизм и др.

Следует отметить, что в трактовке молдавским мыслителем названных тем наблюдается определенная эволюция. Если в первых своих работах — «Спор мудреца с миром, или души с телом» и «Метафизика» — Д. Кантемир, хотя и высказывает ряд материалистических положений, в общем и целом стоит на теологических позициях, доходит до отрицания ценности философии и светской науки и превозносит религиозные догмы, то уже в «Иероглифической истории» и других последующих произведениях, написанных большей частью в России, он в известной мере предстает как сторонник «физической философии», то есть философии природы.

В онтологическом плане Д. Кантемир придерживался мнения, что материальный мир создан богом и движется согласно «закону бытия», то есть согласно законам природы, которые он называл также «мудростью бытия», обуславливающей естественный ход явлений природы. Источником этих законов является то же божество, по воле которого «заключающаяся в вещах сущность делает их тем, чем они являются в действительности». Итак, законы природы суть изначальное «веление» бога[2].

В то же время, в рамках бытия и взаимосвязи вещей, законы природы действуют суверенно, ибо, полагает Д. Кантемир, «вещь, которой раньше не существовало, из небытия стала бытием благодаря богу. Но как только вещь появилась, она не может быть возвращена в небытие даже богом»[3]. В этой связи он критикует

---

[2] Димитрие Кантемир. История иероглификэ. Кишинэу, «Картя Молдовеняскэ», 1973, стр. 320.

[3] Там же, стр. 113.

платоновскую теорию идей, доказывая, что «по сути дела такого рода химерическая материя, то есть тело без тела,— предмет, который не существует и несуществующая сущность нигде не находилась»[4]. В данном случае наш философ критиковал Платона с позиций теологии, признавая существование реального мира, созданного богом.

По мнению Д. Кантемира, материя состоит из атомов, а все многообразие мира является результатом различного сочетания таковых. Она имеет также форму, которая «сверхъестественно вселена богом, ибо все вначале сверхъестественно начинается». Но затем материя стала дальше развиваться, жить, превращаться по собственным внутренним причинам[5].

Приведенные суждения молдавского мыслителя показывают, что вопрос о происхождении материального мира он решал как деист. Одновременно в поисках источника движения обращался к учению Аристотеля о форме как активном начале. Вслед за великим греческим философом Д. Кантемир признавал четыре причины явлений («естественных вещей»): материальную, формальную, производящую и конечную. Он отмечал: «настоящие исследователи бытия усматривают четыре причины естественных вещей... которые мы видим, чувствуем и понимаем. Эти причины суть: кто, из чего, каким образом и для чего. Из них первые три... действительно служат физике. Последняя же...— только этике»[6].

Свою приверженность учению Аристотеля об активной форме Д Кантемир высказал и в «Метафизике». Материя, полагал он, инертна, безжизненна, активную роль играет лишь «универсальная жизнь». «Любая форма не может быть сотворена материей или чем-либо иным»[7]. Источником формы является бог. «По божественному приказу, то есть в божественном порядке, дано материи расти, что и является жизнью»[8].

Признавая Аристотеля как величайшего философа древности, Д. Кантемир, однако, не был слепым при-

---

[4] Dimitrie Cantemir. Metafizica. Buc., 1928, стр. 88.
[5] Там же, стр. 154, 269.
[6] Димитрие Кантемир. История иероглификэ, стр. 320.
[7] Dimitrie Cantemir. Metafizica, стр. 268.
[8] Там же, стр. 269.

верженцем его концепций. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать взгляды молдавского мыслителя на материю и движение. Вопреки Аристотелю и так называемому священному писанию Д. Кантемир утверждал, что в самом начале существовала «необъятная бесформенная материя», которую он называет газом. Этот термин, судя по всему, заимствован им у ван Гельмонта. Но, во-первых, философскую доктрину последнего, вопреки утверждению Г. Карагацэ, никак нельзя назвать мистической. Ван Гельмонт, как известно, первоначальными элементами считал воздух и воду и полагал, что с помощью воздуха вода может быть превращена в газ и пар. По его мнению, три так называемые основные субстанции — соль, сера и меркурий — происходят из воды и могут быть снова превращены в нее. Тем самым ван Гельмонт подходил к созданию механико-материалистической картины мира, хотя и был убежден в бессмертии души[9]. Во-вторых, Д. Кантемир заимствовал у натурфилософа ван Гельмонта далеко не всю его доктрину.

В отличие от Аристотеля Д. Кантемир признавал существование четырех форм вещей, «существенно различающихся между собой»[10]. К первой форме, полагал он, относятся предметы неорганической природы: камни, металлы и др., «которые едва подают какой-либо признак жизни»[11]. При этом, добавляет молдавский мыслитель, речь идет о формах не как о геометрических фигурах, «а как о превращении материи»[12]. Вторая форма есть растительный мир, она «носит только прелюдию живущей души»[13]. Третья форма — это все то, что движется и чувствует, что «существенно, не постоянно и поэтому не является субстанцией, а только существенной формой»[14]. Четвертая форма предстает как субстанция; она бесконечно продолжительна, бессмертна и «носит образ универсальной формы»[15].

Считая материю пассивной, лишая ее самодвиже-

---

[9] См. Философская энциклопедия, т. I. М., «Советская энциклопедия», 1960, стр. 346—347.

[10] Dimitrie Catemir. Metafizica, стр. 270.

[11] Там же.

[12] Там же, стр. 271.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

ния и саморазвития, Д. Кантемир утверждал, что дальнейшее развитие, хотя и происходит естественно, «в действительности является новым творением, которого никто иной не может сотворить, кроме как единственный отец света»[16].

Не согласен Д. Кантемир и с данной Аристотелем трактовкой времени и движения. Он выступает против определения Аристотелем времени как меры движения: «мера случайна и дополнительна измеряемой вещи, следовательно, мера по природе последующа измеряемой вещи»[17]. Время, по его мнению, вечно, оно предшествует движению подобно тому, как отец предшествует сыну[18]; оно, кроме того, едино[19], а многообразие движений[20] неминуемо породило бы многообразие мер, что в принципе невозможно.

Д. Кантемир, таким образом, отрывал время от движения. Он не понял Аристотеля, который, не ставя время в зависимость от движения, рассматривал их во взаимосвязи. При всем том некоторые суждения молдавского мыслителя о времени не лишены интереса. Признание существования времени, отмечал он, не должно ставиться в зависимость от понимания последовательности, оно представляет собой объективную реальность, все происходит во времени, которое существует «через действие»[21].

Само движение Д. Кантемир понимал как перемещение в пространстве и считал его не бесконечным. Отсутствие движения представлялось ему «спокойствием», предшествовавшим движению, и «покоем», следующим за движением[22]. Источником движения он считал бога, хотя и писал: «Очень я боялся того перводвигателя, который всегда двигает и всегда отдыхает»[23].

Д. Кантемир был сторонником детерминизма, отступая от него лишь при рассмотрении этических поступков человека. Любое следствие представлялось ему

---

[16] Там же, стр. 268.
[17] Там же, стр. 207—208.
[18] Там же, стр. 207.
[19] Там же, стр. 250.
[20] Там же, стр. 220.
[21] Там же, стр. 241.
[22] Там же, стр. 61.
[23] Там же, стр. 205.

зависимым от причины. «Раньше я сказал, упоминая аксиому философов, что сняв причину, снимается и действие,— читаем в его «Хронике стародавности романо-молдо-влахов».— Теперь, приведя другую аксиому, говорю, что по делам познается сущность вещей, то есть, когда какая-либо вещь произошла, мы понимаем, что ни одна вещь без причины произойти не может»[24]. Молдавский мыслитель признавал случайность, но отвергал понимание ее как беспричинного явления. Такое понимание представлялось ему измышлением пустых слов и мертвящей выдумкой[25].

Судя по его трудам, Д. Кантемир был основательно знаком со взглядами Сократа, Платона, Эпиктета, Сенеки, Аврелия, Плутарха, Птолемея, Плиния и других античных философов и ученых. Но особенно часто цитировал он Аристотеля.

Но если в трактовке различных проблем онтологического порядка Д. Кантемир стоял в общем и целом на позициях деизма и в значительной мере преодолел узкие рамки неоаристотелизма, то в вопросах гносеологии, ориентируясь на мир естественных явлений, он выступал как подлинный человек науки. По его мнению, в основе научного познания лежат факты, действительность. «От естественного факта мы можем перейти к научному познанию»,— отмечает он в «Рассуждении о природе монархий»[26]. А в своей «Книге систиме...» Д. Кантемир подчеркивает большое значение «практики», опыта в познании: «Слепые, искусив прежде посохом, потом ногою ступают, то есть, яко философ долженствует паче искусство имети, и всякой вещи от практики научитися, неже от единой и голой феории»[27]. В то же время он отмежевывался от эмпириков, которые не идут дальше единичных фактов, не обобщают их, уходят от поисков причинности вещей и сторонятся научных выводов. Научное познание, основанное на опыте и выясняющее причины явлений, представлялось ему безошибочным. Привер-

---

[24] Цит.: В. Н. Ермуратский. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 1973, стр. 87.

[25] Dimitrie Cantemir. Metafizica, стр. 323.

[26] См.: История философии в СССР, т. I. М., «Наука», 1968, стр. 454.

[27] Д. Кантемир. Книга систима, или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722, стр 127.

женность опытному знанию в определенной мере сближает его с Локком.

Теорию познания молдавского мыслителя характеризует глубокая вера в неодолимость прогресса научных знаний и в возможность познания мира. Особенность философского познания он видит в том, что оно исследует реальное бытие вещей и явлений и одновременно проникает в их сущность, вскрывает породившие их причины и тенденции их развития. «Простой разум наблюдает и видит вещи, какими они являются, а философ, исследуя, знает, из чего и почему они являются такими»[28], — пишет Д. Кантемир.

Одновременно в трудах Д. Кантемира можно найти немало нападок на чувственное познание и успехи светской культуры, которые, по его мнению, породили множество пороков и принесли человечеству неисчислимые бедствия. Идеализация им «непорочного», изначального человека сочетается с признанием ограниченности человеческих знаний («создатель не может позволить, чтобы его творение просто знало что-либо так, как знает он сам, ибо таким образом сотворенный уподобится несотворенному, то есть божественной простоте и мудрости»[29].

Не будучи последовательным до конца сенсуалистом, молдавский мыслитель выражал свою уверенность в том, что у истоков человеческого познания лежат ощущения. Правда, он не сразу пришел к такому убеждению. В «Метафизике», как отмечалось выше, он резко отрицательно отзывался о чувственном познании. Жизненный опыт заставил его пересмотреть эту точку зрения, о чем наглядно свидетельствует «Иероглифическая история». По его мнению, подлинное, то есть научное знание «должно основываться на предшествующем чувствовании»[30]. «Не слепой, а зрячий судит о цветах красок, и не глухой, а слышащий может судить о красоте стиха»[31]. Приоритет ощущений в познавательном процессе делает недостаточным познание, основанное только на формальных операциях мышления. Под такими операциями, как нетрудно догадаться, Д. Кантемир понимал формальную логику в ее схоластическом употреб-

---

[28] Димитрие Кантемир. История иероглификэ, стр. 87.
[29] Dimitrie Cantemir. Metafizica, стр. 58.
[30] Димитрие Кантемир. История иероглификэ, стр. 63.
[31] Там же, стр. 38.

лении. Он недвусмысленно заявлял: «опыт и исследование вещи более достоверны, чем все расчеты ума...»[32]

Одной из основных целей познания явлений, по мнению Д. Кантемира, является раскрытие их причин. Самую причинность он рассматривал не как формальную, логическую категорию, а как нечто естественное, относящееся к той же «физической философии». Комплексность проблемы истины, критерия ее, а также научной истины, как представлялась она Д. Кантемиру, заслуживает детального рассмотрения. В данном случае ограничимся констатацией того несомненного факта, что, согласно его же утверждениям, существует также познание в себе, то есть познание сократовского типа («завершением и концом философии является самопознание»[33]), которое в конечном счете дает массу практических знаний, необходимых человеку в его повседневной жизни. Молдавский философ не чуждался также «истин откровения», постигаемых «неотчетливой наукой». Изложенные выше взгляды Д. Кантемира по вопросам гносеологии в какой-то мере напоминают деление Б. Спинозой познания на чувственное, рациональное и интуитивное.

С вопросами гносеологии теснейшим образом связана логика — важная область научных изысканий Д. Кантемира. Нашедшее свое отражение в «Метафизике» отрицательное отношение его к светской философии, касалось и логики, в адрес которой им высказан ряд замечаний, проникнутых едкой иронией. Апеллируя к библейской легенде, он стремится раскрыть «софистический» характер силлогизмов, при помощи которых дьявол побуждает Еву совершить грех. Само грехопадение первых людей представляется Д. Кантемиру падением в логический грех, то есть в софистику. В «Иероглифической истории» такое отношение не только сохраняется, но и дополняется серией доказательств несостоятельности классической, схоластической логики. Один из героев этого произведения ясно показывает неспособность формальной, схоластической логики быть орудием философского познания. Последнее же Д. Кантемир рассматривал как непосредственное познание природы:

---

[32] Там же, стр. 52.
[33] Там же, стр. 63.

«...ключом искусства искусств (ибо так привык называть логику) я могу открывать двери и замки, но в комнаты бытия не могу ни войти, ни найти в них что-либо»[34],— утверждает он.

Итак, природу нельзя познать при помощи одних правил логического мышления. Более того, Д. Кантемир доказывает, что, в ходе поисков формального условия истины, в порочном обществе логика может превратиться в простую «диалектику», то есть в софистическую логику, используемую для защиты личных корыстных интересов, «...как зачастую привыкли поступать диалектики; в стесненных обстоятельствах они действуют при помощи строф и софизмов, подобно тому, как воины, будучи не в состоянии победить с саблей в руках, прибегают к помощи уловок и стратегических маневров»[35]

Подчеркивая недостаточность формальной логики в исследовании природы и возможность извращения этого орудия познания путем софистического использования его в порочном обществе, что само по себе является выдающейся заслугой Д. Кантемира, он тем не менее не дошел до полного отрицания ценности классической логики для раскрытия истины и условий логического мышления. В «Иероглифической истории» он выражает свое намерение перевести на родной язык учебник логики, возможно даже собственный небольшой трактат, что и было сделано. Во «Всеобщей краткой логике» автор рассматривает ряд философских категорий: сущность, количество, качество, отношение и др. В полном согласии с Аристотелем он полагает, что логика основана на строгом отличии истины от лжи. Логика, поясняет он в своей «Всеобщей краткой логике», есть «кладезь самой мудрости»[36] и делится «на естественную, которая зависит от наших природных способностей, и искусственную, которую нам изложил Аристотель»[37].

В произведениях Д. Кантемира важное место отведено проблеме противоречия, которую он рассматривает опять-таки с позиций формальной логики. «Противоречие,— отмечает он,— является высшей формой противо-

---

[34] Там же, стр. 67.
[35] Там же.
[36] Цит.: В. Н. Ермуратский. Указ. соч., стр. 90.
[37] Там же.

поставления, так как не допускает никакой середины между крайностями и, по необходимости допуская одно, уничтожает другое»[38]. Весьма интересна высказанная им в этой связи мысль, согласно которой уничтожить противоречие не в силах даже всемогущий бог «вследствие противодействия, которое имеют вещи, чтобы быть ими самими»[39]. Правда, он тут же оговаривается, что бог старается не нагромождать противоречий.

В то же время Д. Кантемир, как уже отмечалось выше, не упускает ни одной удобной возможности преодолеть рамки аристотелевской логики. Он ставит под вопрос как методологию причинности и силлогистику аристотелевского типа, так и порфириевы категории, руководствуясь исключительно задачами естественных наук и общественной жизни. В той же «Иероглифической истории», не ставя перед собой цель создать систему логических категорий, молдавский мыслитель считает необходимым исследование вещей посредством не правил формальной каузальности, а методологии естественных причин. Подобное методологическое требование, в сочетании с признанием первичности чувственной ступени познания, полагает он, наряду с правильным использованием классической логики, должно обеспечить верное познание действительности. Повышенный интерес Д. Кантемира к науке и методологии истины был отнюдь не случайным и не преходящим: его «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», в основе которой имеется пространная логико-методологическая конструкция, — лучшее доказательство тому.

Вышесказанное, таким образом, вскрывает несостоятельность утверждения Г. Карагацэ о том, что «Всеобщая краткая логика» Д. Кантемира является почти пересказом, в схоластической манере, аристотелевского «Органона». В действительности молдавский мыслитель в трактовке многих вопросов логики учитывал новейшие достижения в этой области.

По мнению молдавского мыслителя, правильное действие ума, основанное на фактах и опыте, дает нам истину и делает возможным существование науки. «Наукой,— писал он,— называется безошибочное познание

---

[38] См.: История философии в СССР, т. I., М., «Наука», 1968, стр. 456.

[39] Там же.

общих и неизменных вещей»[40]. Под общими же вещами он понимал тенденцию их развития.

Таким образом, полагая, что бог создал мир и что в дальнейшем он развивается на основе собственных законов, а сами вещи сопротивляются богу, Д. Кантемир становился на позиции деизма. Но и бога он склонен был рассматривать не как «всемогущего творца неба и земли», а как «универсальную жизнь»[41]. Это дает основание считать его деистом материалистического толка.

В лице Д. Кантемира мы по праву видим крупнейшего молдавского мыслителя эпохи феодализма. С его именем связано развитие собственно философской мысли в Молдавии, начало выработки молдавской философской терминологии и появления интереса к широкой философской проблематике.

---

[40] Цит.: В. Н. Ермуратский. Указ. соч., стр. 82.
[41] Dimitrie Cantemir. Metafizica, стр. 264.

В. ПОТЛОГ

Дмитрий Кантемир о войне и мире

Дмитрий Кантемир — выдающийся мыслитель, ученый и политический деятель — давно завоевал европейское признание. В своих трудах он писал о многих злободневных проблемах. Некоторые его мысли вызывают живой отклик и в наши дни. К таковым относятся его суждения о войне и мире.

Еще в детские годы он был свидетелем опустошительных нашествий татар и разорительных войн между Турцией и Польшей, ареной которых была Молдавия.

Как ученый-гуманист, представитель порабощенной страны, он резко осуждал захватнические, грабительские войны, насилие и произвол, являющиеся главными причинами бедствий и несчастий для народов. Войны, писал он, оставляют после себя «сирот, вдов, бедствия, нищету и другого рода беспорядки и потрясения»[1].

Вслед за М. Костиным Д. Кантемир осуждал захваты малых стран крупными государствами. Он писал, что государи, которые ведут войну ради захвата чужих территорий, богатств и прославления своего имени, не только приобретают что-либо, но часто «по меньшей мере теряют и то, что имели»[2].

Будучи идеалистом в объяснении исторических явлений, Д. Кантемир не мог вскрыть истинные причины возникновения войн в классовом обществе, но вместе с тем давал им рационалистическое объяснение. Причиной возникновения войн он считал, главным образом, моральные факторы. Многочисленные турецкие завоевания, например, он объяснял «властолюбием и жадностью

---

[1] D. Cantemir. Metafizica. Buc., 1928, стр. 181.

[2] Д. Кантемир. История иероглификэ. Кишинэу, 1957, стр. 149.

к господству»[3] султанов, а также воинственностью турок-османов, которые «по природе своей склонны к грабежу и жестокости»[4].

Свое отношение к войнам мыслитель выразил, главным образом, на конкретных примерах турецких завоеваний. При нем Турецкая империя была еще могущественным государством, наводившим страх на своих соседей. Он наблюдал начавшийся упадок могущества этой империи, в своих трудах подчеркивал ее морально-политическое разложение, ослабление военной мощи и в этом видел признаки грядущего освобождения порабощенных народов от турецкого ига.

С присущей ему страстностью Д. Кантемир разоблачал лицемерие турецких правителей, утверждавших, что единственной причиной их бесчисленных завоеваний было стремление распространить «мухаммеданскую религию». Зная хорошо алчность турецких султанов и их придворных, а также их захватнические цели, Кантемир писал: «Легко можно заметить, как турки всегда находят повод, чтобы придать войне законную окраску»[5]. Разоблачая лживость утверждения о том, что турки ведут войны только против иноверцев, Д. Кантемир замечает в другой связи, что «турки и персы считают друг друга самыми крупными врагами»[6], хотя оба народа, как известно, исповедуют ислам.

Осуждение завоевательных войн Османской империи у Д. Кантемира проявилось и в отрицательной характеристике моральных качеств турецкой армии. Турецкие правящие круги, указывает он, воспитывают у своих воинов раболепие, ненависть к другим народам, жестокость, фанатизм, покорность судьбе. Отдельные отборные турецкие части, продолжает Кантемир, фанатичны до абсурда. За более высокое, чем обычное, жалование они нападают на врага, по его словам, «как дикие животные, лишенные рассудка»[7]. О янычарах он писал, как о профессиональных грабителях и убийцах. Основное их занятие — война, мирная жизнь им казалась противоесте-

---

[3] D. Cantemir. Istoria imperiului Othomanu. Buc., 1876, стр. 10, прим. 5.

[4] Там же, стр. 98, прим. 6.

[5] Там же, стр. 107, прим. 4.

[6] Там же, стр. 192, прим. 44.

[7] Там же, стр. 421, прим. 8.

ственной. «Если наступало более длительное затишье, то от безделья янычары,— говорил он,— поднимали мятежи, восставали против султанов и сменяли их, убивали визиров и в своей ярости даже истребляли друг друга» подобно тому, как «раки едят друг друга»[8].

Жажда денег, стремление побольше награбить являлись, по Кантемиру, важнейшими стимулами боеспособности турецкой армии. Он рассказывает, что во время походов в целях поднятия духа султаны и визири иногда устанавливали в середине лагеря на виду у воинов денежные кассы, зачастую пустые. Однажды, говорит Кантемир, враг пробился в лагерь до самых касс и тогда турецкие солдаты сражались с такой яростью, что «из побежденных стали победителями»[9].

Акцентируя внимание на низком моральном состоянии турецкой армии, молдавский патриот преследует цель доказать европейским странам возможность ее победить.

Разгром турецкой армии австрийскими войсками при Зенте (1697 г.), очевидцем которого был Кантемир, дал повод мыслителю преподнести европейским странам урок о тактике ведения боя против турок, обратив внимание на их сильные и слабые стороны. Вот его впечатление об этом событии: «...человек нигде не находился в безопасности... замешательство было всеобщим и невообразимым... Уцелевшие войска бродили туда и обратно без командующих, без руководителей, недисциплинированные, их спутником был голод, грабили все, что видели». О себе он писал, что «спасся как мог»[10].

Д. Кантемир много раз убедительно вскрывал коварную внешнюю политику Порты. Турция, указывает он, всегда подстрекала европейские страны воевать между собой и таким образом ослаблять возможных противников. Во время франко-испанских войн в XVI в. за господство в Средиземном море Франция неоднократно получала военную помощь от Турции. Относительно этой помощи он писал, что турецкий султан Солиман I «очень радовался, что может разбить одно яйцо о другое (т. е. ослабить обоих противников.— *В. П.*) без того, чтобы ра-

---

[8] D. Cantemir, Указ. соч., стр. 197, прим. 52.
[9] Там же, стр. 270, прим. 33.
[10] Там же, стр. 714, прим. 32.

нить себе руки»[11]. Д. Кантемир предостерегает европейские страны, чтобы они ни при каких условиях не принимали покровительство Порты, ибо это равносильно продаже в рабство. В этой связи он сурово осуждал Карла XII, т. к. тот «бросился в объятия всегда лицемерного османского двора»[12] и тем самым нанес большой вред как своей стране, так и всей Европе.

Турецкие правители, — указывал Кантемир, — коварны, нечестны, они всегда нарушают условия капитуляции городов и крепостей и находят оправдание своим действиям. Он считает, что «лучше и рассудительнее умереть от голода, от железа и огня внутри крепостных стен, чем подвергать себя вероломству и варварству турок»[13].

Стремясь побудить христианские страны объединить свои усилия против султанской Турции, Кантемир обращает внимание на угрозу, которую она еще представляет. «Вечно славными и могучими были царства греков, персов, египтян и вавилонян, которых султанское могущество настолько изуродовало и сократило, что в наши дни... кажется, они были не явью, а сном, не историей, а сказкой»[14]. «Семиглавый дракон», как он называет Порту, угрожает теперь «проглотить одним духом ляхов, русских и украинцев»[15].

Рассуждения Кантемира о внешней политике Османской империи и о захватнических войнах, которые она вела на протяжении многих веков, связаны с его политическими взглядами. Мечтой молдавского патриота, как и его предшественников-летописцев, было освобождение Молдавии из-под турецкого деспотизма и восстановление ее былой самостоятельности. В связи с этим он стремился изобличить перед всеми странами гнусность турецкого ига и коварство внешней политики Порты. Тем самым он хотел побудить христианские государства объединиться в борьбе против общего врага. Большие надежды он возлагал на Россию, при помощи которой надеялся свергнуть турецкое иго в Молдавии. К России

---

[11] Там же, стр. 313.

[12] Там же, стр. 300, прим. 94.

[13] Там же, стр 271, прим. 36.

[14] D. Cantemir. Hronicul vechimii a romano-moldo-vlahilor. Buc., 1901, стр. 23, (далее: D. Cantemir, Hronicul...).

[15] Там же, стр. 19.

обратился он с призывом «разбить голову гадюки, прежде чем она укусит, поразить рыкающего льва»[16].

Человек, проникшийся идеями гуманизма, высоко ценивший достоинства и право на жизнь любого народа, ученый был противником любого насилия и жестокости.

Он неодобрительно, например, высказался о походе молдавского господаря Стефана Петричейку в 1683 году против беззащитного татарского населения Буджака, который тот предпринял, пользуясь случаем, что мужчины находились в это время в составе турецкой армии, осаждавшей Вену. На определение турецкого историка, что молдаване вели себя в этом походе «как палачи»[17], Кантемир, как бы ограждая своих соотечественников от подобного укора, указывает, что это «нельзя приписывать всем молдаванам», а только той части молодежи, которая «не имея опыта, поддалась обещаниям Петричейку и поляков»[18].

Будучи большим поклонником античного искусства, Д. Кантемир с негодованием писал о войнах, приведших к гибели памятников мировой культуры. «Самый цивилизованный народ Италии, венецианцы,— гневно восклицает он,— разрушили ценнейшие памятники античности в Константинополе[19] и в Афинах[20], которые варвары сохранили в целости»[21]. За этот вандализм, говорит Кантемир, они заслужили позорную в истории славу Герострата[22]. Памятники искусства должны быть сохранены для грядущих поколений, они ценнее одержанных на войне побед.

Войны, по справедливому убеждению Кантемира, ожесточают народы, тормозят прогресс. Одной из главных причин, препятствующих приобщению турок к более высокой культуре, к цивилизации, явилась, по его мнению, завоевательная политика султанов, которые

[16] Д. Кантемир. Книга систима, или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722, стр. 8.

[17] D. Cantemir. Istoria imperiului Othomanu, стр. 493.

[18] Там же, стр. 493—494, прим. 64.

[19] Имеется в виду захват и разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году.

[20] Имеется в виду разрушение венецианцами знаменитого Парфенона в 1687 году во время войны с Турцией.

[21] Там же, стр. 557—558.

[22] Там же, стр. 558.

«ни о чем другом не размышляли, кроме расширения своих владений»[23].

Мыслитель, противник насилия, гуманист, Кантемир дал высокую оценку римскому императору Аврелиану, назвав его «блюстителем справедливости» за то, что он якобы запретил солдатам жить за счет «крестьянских слез»[24]. Оценка Аврелиана, несомненно, идеализирована, но в данном контексте представляет ценность гуманная идея Кантемира в защиту мирного сельского населения.

Будучи противником грабительских войн, Д. Кантемир высоко ценил мирную жизнь. Он неоднократно повторял, что мирное время способствует развитию науки, культуры и вообще процветанию человечества, преобразованию народа. О тех же турках он писал, что по мере того, как они стали увлекаться мирными делами, просвещением, они изменились до такой степени, что «едва ли можно заметить у них следы прежнего варварства»[25].

Мирный труд, мирный образ жизни, по мнению Д. Кантемира, определяют характер народа, его моральный облик. Жители северной части Молдавии, говорил он, отличаются спокойным, уравновешенным характером, гостеприимностью, честностью и в «выполнении государственных повинностей более прилежны» и более «рачительные хозяева»[26], чем жители юга; не «питают пристрастия к войне, а предпочитают добывать свой хлеб в поте лица своего»[27], т. е. занятия повседневным мирным трудом. Симпатии автора «Описания Молдавии», несомненно, на стороне такого мирного образа жизни. В противоположность северной части, жители южной Молдавии, пишет он, отличаются раздражительностью, вспыльчивостью, легко восстают против своих владельцев и даже господаря, они суровы, склонны к разврату и краже, живут очень бедно. Эти отрицательные качества сложились у них, по его мнению, «в условиях войны с татара-

---

[23] D. Cantemir. Указ. соч., стр. 218, прим. 17.

[24] Его же. Hronicul..., стр. 220.

[25] Его же. Istoria imperiului Othomanu, стр. 218, прим. 17.

[26] Д. Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 1973, стр. 158.

[27] Там же.

ми»[28]. Из этих рассуждений также вытекает, что война является тормозом прогресса, уродует людей.

Поклонник античной культуры, сторонник просвещения, Д. Кантемир оценивал роль народов в истории человечества не их давностью, численностью или величиной государства, «ибо если б это было так,— говорил он,— то кто из народов с татарами мог бы поспорить и какая империя могла бы в древности с ними сравниться»[29], а по тому вкладу, который они внесли в создание духовных ценностей, в развитие цивилизации. Среди них он по праву назвал вавилонян, египтян, финикийцев и другие народы древнего Востока, давшие миру письменность и различные науки. С большим уважением мыслитель-гуманист отзывался о древних греках, которые были «изобретательнее» других народов во многих областях, создав себе тем самым доброе имя[30]. Древних римлян он оценивал не как завоевателей и создателей могущественной империи (каковыми они были в действительности), но, прежде всего, как «умножителей и распространителей» цивилизации[31]. В народах мыслитель выделяет такие положительные качества, как «доброта обычаев, знание чести и старание быть достойным оной, знания и прилежание»[32].

Д. Кантемир восхищался архитектурными памятниками античных городов и средневекового Константинополя, Ясс, Киева и Москвы, высоко ценил строительную и культурную деятельность государственных деятелей. Описывая в своей «Хронике» деятельность византийского императора Юстиниана, он отмечает, что «из всех его заслуг больше всего известны его многочисленные и замечательные строения»[33]. Все это характеризует его как жизнелюба, большого ценителя общечеловеческой культуры, мирного труда.

Резко осуждая захватнические войны и порабощения других народов, Д. Кантемир одновременно был горячим поборником освободительных войн из-под чужеземного ига. Он восхищался мужеством и отвагой греков,

---

[28] D. Cantemir. Указ. соч., стр. 152.
[29] Его же. Hronicul..., стр. 86.
[30] Там же, стр. 58.
[31] Там же, стр. 13.
[32] Там же, стр. 86.
[33] Там же, стр. 314.

сражавшихся с многочисленными войсками персидского царя Ксеркса при Фермопилах[34].

Всю свою сознательную жизнь Кантемир боролся пером и мечом против врагов своего отечества — турецких поработителей. Войну для защиты отечества Кантемир считал необходимой и справедливой. «Ради свободы и родины,— говорил он,— с честью умереть много полезнее и похвальнее, нежели жить долго и бесчестно»[35]. Кантемир по праву гордился своими предками, которые сражались за независимость своей родины. «С того времени, как турецкое оружие стало известно на берегах Дуная, и до времени Стефана Великого молдаване храбро защищали свою свободу, и их не могли соблазнить ни лесть, ни щедрые посулы, ни пример соседей валахов, чтобы подставить свою шею под чужеземное ярмо»[36]. Стремясь пробудить в народе чувство национального достоинства, Д. Кантемир вспоминает славные героические страницы прошлого Молдавии в борьбе с турецкими поработителями: «...сколько раз и скольких магометов, скольких баязетов и скольких муратов,— писал он,— на молдавских полях разбил (молдавский народ.— *В. П.*) и тысячи тысяч турок поглотили волны Дуная, Прута, Сирета, Бырлада и Днестра»[37].

Движимый патриотическими чувствами, Д. Кантемир указал только на успехи Молдавии при Стефане Великом в борьбе с иноземными поработителями. Но, как известно, в те годы Молдавия познала горечь поражений и была вынуждена уступить Турции часть своей территории, а также платить дань.

Ненавидя турецких поработителей, Кантемир радуется каждой их неудаче. Он ликует по поводу поражения турецкой армии под Веной, придавая ему особое значение в ослаблении Османской империи. «Христианские лагеря,— восклицает Кантемир,— издавали крики радости и не только одна Германия, а вся Европа поздравляла освободителей Вены»[38].

Будучи союзником России в борьбе против Османской империи и уверовав в то, что его родина избавится

---

[34] D. Cantemir. Metafizica, стр. 327.
[35] Д. Кантемир. История иероглификэ, стр. 161.
[36] Д. Кантемир. Описание Молдавии, стр. 135.
[37] Его же. Hronicul...„ стр. 22.
[38] Его же. Istoria imperiului Othomanu, стр. 489.

от турецкого ига при ее помощи, Д. Кантемир оправдывал войны, которые она вела против внешних врагов.

Излагая в «Истории Оттоманской империи» ход русско-турецких войн второй половины XVII и начала XVIII вв., а также отдельные события Северной войны, мыслитель-патриот радовался успехам России.

Главной причиной, приостановившей турецко-татарскую агрессию на Украине, как следует из описания Чигиринских походов, была русская армия, проявившая высокие боевые качества. Она нанесла турецким войскам во втором Чигиринском походе (1678 г.) такие потери, что янычары, по его утверждению, «считали не только врагами, но и предателями всех тех, кто говорил о продолжении войны на Украине»[39]. Эти сообщения представляют тем больший интерес, что они сделаны по свежим следам событий, отзвуки о которых были еще свежи во время пребывания Д. Кантемира в Константинополе.

Военные акции России против Турции и Швеции, как совершенно правильно понимал Кантемир, были вынуждены и необходимы. Турция, указывает он, постоянно угрожала южным границам России, содействовала татарским набегам, которые сопровождались разорениями и грабежами южной части Украины и уводом в плен десятков тысяч людей. Азовские походы, по его утверждению, были предприняты для того, чтобы «окончательно уничтожить это зло и положить конец этим (татарским.— *В. П.*) опустошениям»[40].

Реорганизация русской армии, создание артиллерии, строительство морского флота, благодаря чему была достигнута победа во втором Азовском походе, были встречены им с удовлетворением. «В то время как поляки находились в полном бездействии,— говорил он,— Петр, царь России... во главе более многочисленной армии еще раз пошел против Азовской крепости и атаковал ее с такой силой, что турецкий гарнизон... вынужден был капитулировать и сдать крепость»[41].

Разумеется, Россия ставила более широкие цели при осуществлении Азовских походов, нежели отражение та-

---

[39] D. Cantemir. Указ. соч., стр. 452.
[40] Там же, стр. 482.
[41] Там же, стр. 689.

тарских набегов (как полагал Д. Кантемир), хоть этот момент играл немаловажную роль.

С восторгом встретил Д. Кантемир победы русской армии под Лесной и Полтавой над шведами. Шведы «понесли непоправимые потери», русские «взяли в плен большую часть их войска»[42],— с удовлетворением писал он.

Совершенно правильно заметил молдавский ученый В. Ермуратский, что Кантемир воспринял победу России под Полтавой «как предвестник и залог ближайшего освобождения Молдавии от турецкого ига»[43]. Он с насмешкой писал, что хваленый Карл XII спасся бегством и три года с лишним «в султанской тени прохлаждался»[44]. По сообщению Кантемира, турецкие правящие круги были готовы оказывать помощь Швеции, того же самого они требовали от Крымской орды. Однако победа русских под Полтавой, указывает он, заставила турок воздержаться от выступления на стороне Швеции, умерила на время пыл турецких воинствующих кругов[45]. Это сообщение Кантемира позволяет полнее оценить значение Полтавской битвы.

Главными причинами русско-турецкой войны 1710—1713 гг. Кантемир считал происки Карла XII, который, укрываясь в лагере под Бендерами, «побуждал (Турцию.— *В. П.*) начать войну против России»[46]. Для того чтобы разжечь военные страсти, указывает он, шведский король направил султану портрет русского царя с надписью «Петр I — русско-греческий монарх», тем самым пугая султана, что царь стремится завоевать Константинополь и стать наследником византийских императоров. Турецкий султан, замечает мыслитель, также считал, что Петр I «стремится к господству над всем миром»[47]. Эти сообщения Кантемира свидетельствуют о том, что двор шведского короля, а также Порта принадлежали к той группе европейских политических деятелей, которые боялись усиления России и в оправдание своей

---

[42] D. Cantemir. Указ. соч., стр. 780.

[43] В. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956, стр. 94.

[44] D. Cantemir. Hronicul..., стр. 176.

[45] Его же. Istoria imperiului Othomanu, стр. 780.

[46] Там же, стр. 784.

[47] Там же.

агрессии запугивали Европу мнимой русской опасностью.

Свои взгляды на роль России в освобождении Молдавии из-под турецкого владычества Д. Кантемир пытался претворить в жизнь. Как известно, став господарем, он 13 апреля 1711 года заключил с Россией Луцкий договор, предусматривающий совместную борьбу с султанской армией и переход Молдавии под покровительство России. Когда русская армия в июне 1711 года вступила на территорию Молдавии, Кантемир, верный союзническому договору, обратился ко всему населению с воззванием, призывавшим «объединиться незамедлительно (с русскими войсками. — *В. П.*), как товарищами по оружию от всей души и сердца всей силой нашей, идя к Дунаю, противостоять тирании и нападениям турок»[48].

В «Истории Оттоманской империи» он оставил краткие, но ценные заметки о битве у Станилешт, где русские, окруженные в несколько раз превосходящими силами противника, «храбро отбивали каждую атаку янычар и заставляли их отступать с большими потерями»[49].

Труд Д. Кантемира — один из немногих источников, который мотивированно объясняет, почему турецкий командующий принял предложение русских о заключении мира, так как «в их войске раздавался плач солдат и янычар, спасшихся от огня и отказывающихся идти в бой, в котором они имели так много потерь»[50].

Рассуждения Д. Кантемира о войнах России свидетельствуют о том, что в ее лице он видел возрастающую силу, при помощи которой его родина и другие порабощенные страны смогут сбросить вековое турецкое иго, и поэтому он одобрял войны России против Оттоманской империи.

Если во многих случаях Д. Кантемир сумел правильно ориентироваться в характере войн, то в завоевательных войнах римлян Кантемир видел только прогрессивную сторону — распространение среди «варваров» римской культуры.

---

[48] Его же. Manifest. — „Anal. Acad. Rom. Mem. sect. ist.", seria II, т. XXXIII, 1910—1911, стр. 101.
[49] Его же. Istoria imperiului Othomanu, стр. 792.
[50] Там же.

Кантемир не обращал внимания на экономическое порабощение и политическое бесправие завоеванных Римом народов. Он считал, например, что во время Сирийской войны (192—188 гг. до н. э.) римляне вели справедливую войну в Малой Азии на основании известной легенды, согласно которой римляне являются потомками троянцев и, следовательно, они освобождали «землю предков и прапредков»[51] от иноземцев. Встреча римских войск с местным населением была похожа, по его словам, на встречу «родителей и сыновей»[52] после долгой разлуки.

Следуя римским источникам, особенно «Римской истории» Диона Кассия, Кантемир оправдывал также завоевательные войны против Дакии, считал, что основными виновниками войн были даки, называя их «самыми враждебными и вредными врагами империи». Он восхищался победой римлян над храбрыми даками, называя ее «превосходной», «счастливой» и т. п. В завоевании Дакии Римом, как и при завоевании других стран и народов, Кантемир видел только один положительный момент — приобщение новой провинции к более высокой римской культуре. Его совсем не волновала трагическая судьба дакийского народа. «Если будем учитывать давних их предшественников (он ошибочно считал римлян прямыми предками молдаван. — *В. П.*), то они не были ни грабителями, ни нападающими, ни захватчиками, а умножателями и распространителями (цивилизации. — *В. П.*)»[53]. По определению Кантемира Траян обучил романо-молдо-влахов более «развитым римским обычаям», «облагораживал» варварскую Дакию[54].

В этом вопросе Д. Кантемир, как и его предшественники Г. Уреке и М. Костин, исходил из ошибочного взгляда о чисто римском происхождении молдавского народа, следовательно, и его симпатии оказались в данном случае на стороне завоевателей.

Итак, будучи идеалистом в объяснении исторического процесса, Д. Кантемир не мог вскрыть истинные причины возникновения войн. Но у него имеются и правильные

---

[51] Его же. Hronicul..., стр. 101—102.
[52] Там же, стр. 13.
[53] Там же.
[54] Там же, стр. 15.

догадки о связях захватнических войн с погоней за наживой. За исключением отдельных случаев, мыслитель четко различал несправедливые, захватнические войны и войны справедливые, становясь на сторону защитников родины.

Противник насилия, Дмитрий Кантемир резко осуждал грабительские войны и чужеземное господство, видя в них главный тормоз прогресса. Он был страстным сторонником мирной жизни народов, видя в ней двигатель прогресса человечества.

Х. КОРОГЛЫ

Дмитрий Кантемир и культура Востока

За двадцать два года пребывания в Турции Дмитрий Кантемир блестяще овладел турецким языком, знал персидский и арабский языки. Он основательно изучил мусульманскую культуру, о чем свидетельствует его историко-литературное наследие. Так, Дмитрий Кантемир считается первым музыковедом, который ввел систему музыкальных нот в Турции и сам сочинял турецкие музыкальные произведения. Сын Дмитрия Антиох Кантемир в письме к великому Вольтеру писал: «Ноты, изобретенные моим отцом для турецкой музыки, скорее напоминают греческие, которыми пользуются во Франции. У меня в Москве есть целая книга музыкальных пьес, написанных этими нотами и сочиненных моим отцом». Далее Антиох отмечает, что музыкальные пьесы Дмитрия Кантемира долго распевались в Турции «с удовольствием и с великою от знатоков оного народа похвалой». Дмитрию Кантемиру принадлежит ряд фундаментальных трудов о Востоке и мусульманстве, в числе которых заслуживает внимания «История возвышения и упадка Оттоманской империи», «Книга систима...» и другие.

В 1720 году Дмитрий Кантемир сопровождал Петра I в Персию (Иран). Такой чести он был удостоен за великолепное знание не только восточных языков, но и мусульманской культуры. По поручению Петра Великого Дмитрий Кантемир учредил типографию для печатания царских указов на турецком и других тюркских, а также персидском и армянском языках. Эти указы должны были распространять во владениях иранского шаха. Арабских литер для напечатания прокламаций в России не оказалось (их не было и ни в одной из мусульманских стран). Организация походной типографии была поручена Дмитрию Кантемиру, который лично сконструировал

арабские литеры по своим рисункам. Им же был составлен текст манифеста Петра I на турецком и персидском языках для распространения среди тюркоязычных народов Кавказа и Северного Прикаспия: татар, ногайцев, азербайджанцев, кумыков, балкар, карайцев и других. Арабский типографский шрифт Дмитрия Кантемира по существу положил начало книгопечатанию среди татар, так как в войске Петра Великого в персидском походе участвовали татары, число которых, по утверждению историков, доходило до 50.000 человек.

Прибыв в Дербент, Дмитрий Кантемир посетил могилу Коркута и оставил ее описание и краткие сведения о самом Коркуте. Записи Дмитрия Кантемира о дербентском старце, которого многие тюркоязычные народы Кавказа и Средней Азии почитали как святого, являются первыми на русском языке. До Дмитрия Кантемира эту могилу посетил, оставил сведения о старце и записал легенды о нем немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий Эльшлегер (ок. 1599—1671). Оба материала совпадают в деталях.

Восточная культура занимает ведущее место в творчестве Дмитрия Кантемира. Его труд «История Оттоманской империи» — это не только подробная научная хроника, но и труд, свидетельствующий об огромной эрудиции автора и в других науках — философии, географии, социологии, этнографии. Прежде чем приступить к изложению исторического материала, автор проделал, например, большую работу по переводу мусульманского лунного календаря на христианский. Такая работа требовала, конечно, хорошего знания математики. Обращают внимание тщательность информации и подтекстовые комментарии отдельных терминов, исторических событий и этнографических явлений. Приведу один пример. В авторском предисловии к «Истории Оттоманской империи», где подробно излагается мусульманская хронология, Д. Кантемир называет лунный месяц рамадан и комментирует (перевожу с французского): «Рамазан, а также по-арабски рамадан,—девятый месяц лунного календаря у турок, в течение которого воздерживаются от питья, еды и курения с восхода до заката солнца. Когда появляется тонкий серп луны, начинаются торжества (байрам). Это время пиров и веселья. Одним словом, рамадан соответствует дням поста у христиан, а байрам — их карнавал».

Об осведомленности Д. Кантемира в истории возвышения и упадка Османской империи достаточно привести высказывания Вольтера. В предисловии ко второму изданию «Истории Карла XII», выпущенному в 1751 г., пренебрежительно отзываясь о греческих и латинских историках, создавших превратный образ турецкого султана Мехмета II, Вольтер писал: «Сотни историков повторяют их жалкие басни: их повторяют европейские словари. Обратитесь к заслуживающим доверия турецким хроникам, собранным князем Кантемиром, и вы увидете, насколько смешны все эти вымыслы». В самом деле, «История Оттоманской империи» Д. Кантемира вызывает восхищение обилием фактических материалов, детализацией важных сведений, глубоким знанием истории и тех народов, которые были вовлечены в историческую орбиту османов. Следует отметить и объективную позицию автора в изложении исторического материала, в особенности сведений этнографического характера, касающихся как мусульманства, так и теократических принципов османов.

История ислама, корановы законы (по выражению автора), мусульманские повседневные обряды, сектантство в исламе (в особенности дервишские секты бекташи́, мевлеви́, каландари́, кадри́ и другие), мусульманские еретические учения, обычаи и нравы, свадебные и похоронные обряды турок, мусульманская наука — это лишь часть перечня знаний, содержащихся в «Книге систиме» Дмитрия Кантемира. Прошло более 250 лет («Книга» написана в 1719 г.) со времени написания этого труда, но он и поныне представляет научный интерес. Хотя наука об исламе за этот период значительно пополнилась и детализировалась, тем не менее ученые-исламоведы не перестают заглядывать в эту энциклопедию ислама. Сведения, сообщенные Дмитрием Кантемиром, касаются не только турецкого варианта мусульманства, если так можно выразиться, но в большей своей части ислама вообще.

Любопытно, что в самом начале книги автор разъясняет имя пророка мусульман, предлагая произносить его как Мухаммед. Это замечание адресовано тем европейцам, которые искажают имя, называя его то Магомет, то Магмет, то Муамет. Известно, что из всех так называемых великих пророков (Будда, Моисей,

Иисус, Мухаммед) лишь мусульманский пророк имеет исторически достоверную биографию. Основываясь на доступных источниках на арабском и турецком языках, Дмитрий Кантемир приводит точную дату рождения Мухаммеда: «Господа Иисуса Христа 570, месяц мая в третий день в субботу» и здесь же говорит: «хотя нынешние мухаммедане в сочислении солнечного течения скоребно заблудающе, мнят его родившегося месяца сентеврия в 14 день». Так во всех деталях истории ислама чувствуется скрупулезность и научная добросовестность автора. Эта черта Д. Кантемира не прошла мимо зоркого взгляда Вольтера, который широко использовал его сведения об исламе в создании своей пьесы «Магомет».

Наряду с исторически достоверными сведениями о Мухаммеде и его возвышении Дмитрий Кантемир приводит и немало легенд (чудесные явления, связанные с именем пророка, названия чудовищ в виде Яджудж и Маджудж (Гог и Магог), дабетуль арз, див, описание ада, рая, воскрешения и т. п.), представляющих большой интерес для фольклористов и этнографов, так как значительную часть этих легенд в трансформированном виде можно обнаружить в различных произведениях народного творчества. Разумеется, сведения, сообщенные Дмитрием Кантемиром, соответствуют уровню науки его времени, поэтому современный читатель многого не воспримет или сочтет за авторский вымысел. Заслуга автора заключается в том, что он собрал воедино все, что было известно об исламе в его время (т. е. более 250 лет тому назад), донес до наших дней и сохранил материал, который неоценим для изучения истории развития идеологии и общественного сознания. В этом отношении очень ценны главы книги о еретиках дервишах и об их учениях, известных в науке как суфизм, пустивший глубокие корни в художественной литературе и народном творчестве.

Не прошло и пятидесяти лет после «божественного откровения» Мухаммеда, как мусульманство начали потрясать события, которые уже в начале VIII в. питали мистические настроения и аскетизм. Со временем (X—XI вв.) они породили движение, получившее название в литературе «Гимн божественной любви». Представители этого движения были люди обездоленные, недо-

вольные общественным порядком. Имея экономическую основу, движение это, по условиям того времени, приняло религиозную оболочку. Суфизм — не единое течение, оно вобрало в себя многие черты от христианского монашества, буддизма, распространенного в Средней Азии, до ислама и греческого пантеизма, проникшего через Византию, Сирию и Иран.

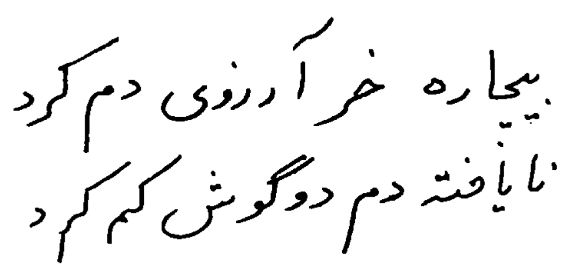
Главные аспекты суфизма — аскетизм (отрешение человека от земных дел и устремление всех его помыслов в потусторонний мир) и мистический пантеизм (экстатически восторженное слияние с богом). Причем пантеизму присуще ощущение, несколько противоречащее аскетизму: весь мир свят, говорят пантеисты, потому что он пропитан «дыханием бога». Мистический экстаз выражался в символах опьянения и влюбленности. Яркое воплощение пантеизм нашел в Турции, где секты орденов мевлеви́ и бекташи́ опутали всю страну и продолжают распространять свою идеологию и в наши дни. Дмитрий Кантемир, очевидно, часто наблюдал оргии этих сектантов, хорошо изучил их нравы и описал их очень колоритно.

В многогранном творчестве Дмитрия Кантемира значительное место занимают его художественные произведения, в которых отчетливо заметно влияние культуры Востока. В этой связи уместно назвать его своеобразную книгу — «Иероглифическая история», названную самим автором романом. Это — повествование дидактического характера, где выступают персонажи-символы в образе животных. Оно написано под непосредственным влиянием знаменитого животного эпоса «Калила и Димна» (по имени двух шакалов, действующих в первой части) — одного «из первых опытов той литературной формы, с которой европеец, по удачному выражению И. Ю. Крачковского, знакомится еще в детстве на баснях Лафонтена и Крылова».

Первоначальной родиной этого эпоса является Индия. Предполагают, что индийский оригинал, легший в основу «Калилы и Димны»,— знаменитая книга «Панчатантра» на санскритском языке. «Калила и Димна» — дидактически-морализаторская книга, написанная в форме обрамления и в стиле садж — рифмованно-ритмизованной прозы. Основная идея каждого рассказа иллюстрируется притчами из жизни животных, говорящих и действую-

щих как люди. Книга «Калила и Димна» была переведена с арабского языка на сирийский (X в.) и греческий (1081 г., в переводе Семиона сына Сифа) и названа «Стефанид и Ихнилат» (Увенчанный и Следопыт). Не позднее XIII в. делается славянский перевод, попавший и на Московскую Русь под тем же греческим названием. В 1762 г. «Академии наук переводчик» Борис Волков опубликовал «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского» в переводе с французского языка. «Калила и Димна» переведена на турецкий, персидский и другие языки.

Большинство исследователей творчества Дмитрия Кантемира говорят о влиянии «Калилы и Димны» на «Иероглифическую историю» через посредство греческого и французского перевода, забывая о том, что Дмитрий Кантемир великолепно знал турецкий и персидский языки, на которых животный эпос воплотился в более близкой к индийскому оригиналу форме. Не требуется большого труда, чтобы убедиться в том, что Кантемир знал, по крайней мере, турецкий перевод «Калилы и Димны» и использовал его в своем произведении. «Иероглифическая история» написана рифмованной прозой, напоминающей прозу садж восточной литературы. Саджем написаны, например, Коран, многие средневековые произведения на арабском, персидском и турецком языках и, в частности, «Калила и Димна». Кроме того, роман Д. Кантемира и по содержанию напоминает восточные дидактические повести, составленные в сатирическом плане и называемые макамами. Огромное число этих макамов можно обнаружить на арабском, персидском, турецком и других языках, с оригиналом которых, естественно, Д. Кантемир был знаком. Множество доказательств знания макамов «Калилы и Димны» и вообще восточной средневековой прозы можно обнаружить в романе Д. Кантемира. Вот одно из них: автор приводит притчу о верблюде, который в погоне за рогами потерял свои уши. Эту же притчу мы находим у классика XIII в. Саади из Шираза. Он рассказывает об осле, который мечтал обрести длинный хвост, но попал в руки злодея, который отрезал ему уши. Притча Саади впоследствии обрела форму пословицы:

Бедняга осел мечтал о длинном хвосте,
Не обретя его, потерял уши.

Можно назвать и притчу о возмездии, приводимую. Д. Кантемиром: крот собрал на зиму зерно, это зерно съели муравьи, птенцы склевали муравьев, мышь съела птенцов, кошка — мышь, кошку — гончая собака, собаку — волк, волка убил пастух, пастуха убил воин из-за шкуры волка, воин упал с коня и умер. Мотив возмездия пронизывает не только дидактическую, но и всю письменную и устную литературу Востока.

О большом интересе Д. Кантемира к восточной литературе говорят и его этюды о знаменитом восточном мудреце-балагуре Ходже Насреддине, известном также как Молла Насреддин, Насреддин Ходжа и Насреддин эффенди. Ходжа Насреддин — историческое лицо, превратившееся после смерти в фольклорный персонаж. Могила Ходжи Насреддина находится в городе Акшехире (в Турции). На могильной плите высечена дата смерти — 1284 г. Д. Кантемир приводит три анекдота о встрече Ходжи Насреддина с Тимурлангом (Тамерлан) в городе Енгишехире. Румынский ученый Г. Константин отрицает возможность такой встречи на том лишь основании, что якобы Тимурланг не был в г. Бурсе, а вошел туда с войском его племянник Мухаммед султан. О встрече Тимурланга с Ходжой Насреддином говорит также турецкий историк и путешественник XVII в. Эвлия Челеби, с трудом («Книга путешествия» в 10 томах) которого, очевидно, был знаком Д. Кантемир. Эвлия Челеби, посетив могилу Ходжи Насреддина, пишет следующее: «говорят, что Насреддин Ходжа беседовал с Тимурлангом. Общение с умным человеком оставило благоприятное впечатление в душе татарского хана. Та-

тарский хан освободил Акшехир от военной подати и не ограбил город». Однако сам факт встречи Тимурланга, или его племянника, по гипотезе Г. Константина, выглядит по меньшей мере анахронизмом. Как отмечено выше, на могильной плите Ходжи Насреддина высечена дата смерти 1284, а поход Тамерлана в Турцию состоялся в 1403 году, т. е. почти 120 лет после смерти Ходжи Насреддина.

Еще одно уточнение: Г. Константин заявляет, что анекдоты о Ходже Насреддине Д. Кантемир мог заимствовать из сборника «Анекдоты» турецкого писателя XVI в. Ламии Челеби. Действительно, Ламии хорошо знал Ходжу Насреддина и очень почтительно отзывался о нем: «Старец благословенный, муж учености и здравого рассудка». Ламии включил в свой сборник четыре анекдота о Ходже Насреддине, но не о его встрече с Тимурлангом. У Ламии говорится о встрече Тимурланга в бане с поэтом Ахмеди, а также с дервишем Абдалатой, величавшим себя богом. В таком случае откуда же Эвлия Челеби и в след за ним Д. Кантемир взяли анекдоты о встрече Тимурланга с Ходжой Насреддином? Ответ на это можно найти в словах академика В. А. Гордлевского, побывавшего в Акшехире и Бурсе. Он писал: «Гордясь земляком, акшехирцы утверждают, что Ходжа Насреддин писал лирические и назидательные сочинения; но, кажется, они неудачно пытаются «высосать» это из анекдотов и впадают потом во внутреннее противоречие, когда говорят, что все это погибло во время нашествия Тимурланга — того Тимурланга, гнев которого мог умерить один только Ходжа Насреддин». Как видим, это почти совпадает со сведениями, сообщаемыми Эвлия Челеби и вслед за ним Кантемиром, который также был, очевидно, в Акшехире и свои анекдоты о Ходже Насреддине слышал от земляков мудреца.

В заключение отметим, что Д. Кантемир был прекрасным знатоком быта и нравов народов Ближнего Востока, глубоко изучил их историю и культуру. Именно это обстоятельство дало ему право во весь голос заявить: «Смело могу рещи яко восточные племена ничемже нижшие суть западных».

Л. ЧОБАНУ

Политическая сатира Д. Кантемира

В своем обширном историческом, философском, литературном творчестве Дмитрий Кантемир выделяется своей энциклопедической эрудицией, всеобъемлющей широтой интересов и полемической, часто сатирической позицией.

Личность многогранная, деятельная и смелая, постоянно находившаяся в гуще политических и социальных событий, в равной степени увлекавшаяся изучением искусства и науки, Кантемир воплотил в себе творческий гений народа. В нем гармонично слились качества политического деятеля, ученого-гуманиста и выдающегося литератора своей эпохи. Путеводный принцип его деятельности, по собственному его признанию, заключался в том, что «не будет душе отдохновения, пока правды она не найдет». Всем своим духовным обликом молдавский князь близок к великим умам Возрождения. Вдохновляющим фактором его творчества был глубокий патриотизм, непреоборимое желание освободить свой народ от турецкого ига и проложить ему путь к лучшей судьбе.

В литературоведческих работах отмечались некоторые особенности памфлетного характера произведений Дмитрия Кантемира, в частности, романа «Иероглифическая история». Тема «Кантемир-памфлетист» требует, однако, рассмотрения с иных позиций, так как она открывает возможность более четкого определения облика Кантемира как человека, ученого и писателя, причастного к социально-политическим событиям и брожениям своего времени.

Своей политической и историографической деятельностью Дмитрий Кантемир следует за летописцами Григоре Уреке и Мироном Костиным, ощущая себя духов-

но близким к ним своей пламенной любовью к молдавской земле и ненавистью к турецкому игу. От этих великих летописцев Кантемир унаследовал и свою позицию памфлетиста, резкого критика оттоманского режима грабежа и подавления. Но в его произведениях эта позиция станет более разносторонней ввиду того, что Дмитрий Кантемир, автор монументальной «Истории Оттоманской империи», живший в столице этой империи (где он получил образование и пробыл много лет), был очевидцем коррупции, злоупотреблений разлагающейся турецкой администрации, ужасающей отсталости и религиозного фанатизма народных масс, эксплуатируемых мусульманским духовенством и военной верхушкой во главе с султаном, который вел бесконечные грабительские, захватнические войны. Дмитрий Кантемир упрочит также позицию, с которой он будет разоблачать деспотический турецкий режим, и выскажет свое отношение к некоторым местным господарям, которые пренебрегали интересами страны и становились сообщниками турок. В отличие от Гр. Уреке и М. Костина, представителей и сторонников крупного боярства, которые, если и разоблачали тиранию некоторых господарей, были все же апологетами своего класса, Кантемир в полемической, остроиронической форме стремился возразить им, указывая, что советники, «как и подчиненные, привыкли со страху говорить не правду, а хвалить и прославлять то, что хозяину желательно»[1].

Позиция Кантемира отличается от позиции летописцев и в том, что касается их отношения к крестьянским восстаниям, которые летописцы-бояре с возмущением осуждали. Кантемир же признает правильным, когда эти восстания направлены против деспотических господарей, потому что, замечает ученый-гуманист, «там, где закон опирается на принуждение и насилие, а не на здравый смысл и справедливость, там нет и нужного послушания подданных» (стр. 60).

Кантемир вообще часто критикует в резких выражениях беспорядки в Молдавии и Мунтении, вскрывая с более глубоким пониманием, чем его предшественники,

---

[1] Димитрие Кантемир. История иероглификэ. Едиције де И. К. Вартичан. Кишинэу, ЕСМ, 1957, стр. 46. В дальнейшем указываются только страницы «Иероглифической истории» Дмитрия Кантемира.

социальные конфликты между народными массами, боярством и господарем, военное, политическое и экономическое вмешательство турок в княжествах, которое обычно выливалось в невероятные жестокости и кровопролития. Кантемир с полным основанием считал, что одной из причин, приведших к утрате Молдавией национальной независимости, явилось соперничество бояр в борьбе за престол. «Потому как,— иронически констатирует он в своем знаменитом романе,— все считают себя достойными властвовать, а подчиняться никто по доброй воле не помышляет» (стр. 296). В «Описании Молдавии», рассказывая о тех, кто рвался к трону, платя за него Оттоманской Порте огромные деньги, Кантемир с болью в душе и презрением отмечает, что «распри бояр борющихся за власть, дали туркам повод наложить еще более тяжкие подати на Молдавию и лишить ее тех остатков свободы, которыми она еще пользовалась»[2].

В полемических традициях, присущих хроникам, Кантемир рисует отрицательные черты некоторых господарей-тиранов, пользовавшихся в народе печальной славой. Например, в характеристике, данной Янку Саксонцу, он пользуется уничижительными эпитетами, ассоциациями с известными тиранами античности и ироническими замечаниями, с помощью которых изображает одиозный облик преемника Петра Хромого: «Его преемник, Янко Саксонец, поставленный турками, человек свирепый и жестокий, молдавский Сарданапал, чтобы получить княжение, с легким сердцем отдал все, что требовали турки, и не побоялся замарать свое доброе имя, которого у него никогда не было» («Описание Молдавии», стр. 136). Публицистический, памфлетный накал, как отмечает большинство литературоведов, особенно характерен для романа «Иероглифическая история»— наиболее значительного художественного произведения Кантемира, уникального в нашей литературе по широте размаха изображаемых персонажей и сатирических образов. Тот же накал негодования можно обнаружить и в других сочинениях Кантемира.

Следует отметить, что даже в своем юношеском трактате «Спор мудреца с миром, или души с телом» (1698)

---

[2] Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ». 1973, стр. 44.

Кантемир прибегает, согласно правилам риторики, к диалогу между мудрецом и миром, представляя в этико-религиозном аспекте противостояние мирским страстям, богатству — отступление от христианской морали. Автор вставляет в текст полемику между Мудрецом-Клериком и Мирянином-Миром, придерживающимся рационалистического, антирелигиозного мировоззрения. Создается впечатление, что он поддерживает того, кто выступает на стороне духовного мира, за образование и рационализм, хотя в то же время не отрицает, как следовало ожидать в подобном труде, ценностей материального мира с его позитивистскими суждениями. Кантемир поражает читателя, главным образом, своей широкой этико-философской концепцией, цитируя параллельно с Библией античных и современных писателей, язычников, христиан и мусульман, отдавая предпочтение не мистическим, а моральным, рационалистическим суждениям. Сквозь нравственно-философские рассуждения Кантемира ясно просматриваются социальные аспекты феодального общества с его конфликтами и противоречиями.

«Алчный всех бедными видеть желает.

Мудрец: О мир, я жажду имений и наследств, стало быть, деревень, пашен, виноградников, дабы власть моя приумножилась и имя мое прославилось.

Мир: Вот дал я тебе богатств множество. Ступай к тем, кто из нужды имения и деревни свои продает и находится в стеснении великом, и приобретешь ты их по дешевой цене и таким путем обладателем имений и вотчин станешь»[3].

Кантемир с горечью отмечает, что богатство, будучи причиной зла и несправедливости, является решающей силой восхождения по ступенькам социальной и административной лестницы. Он намекает, в первую очередь, на алчных бояр, рвущихся к княжению и стремящихся накопить как можно больше богатств. Их мораль представлена во всем своем поразительном безрассудстве.

«Мудрец: О мир, не только этой, но еще большей чести себе желаю, уподобиться властителям хочу.

Мир: Ступай к царским или господарским дверям, и

---

[3] Dimitrie Cantemir. Divanul. Ediție de V. Cândea. București, 1969, стр. 49.

имя твое, знаменитое богатствами, и сила денег распахнет их, и дадут они тебе боярское звание, самое знатное; и наступит время, когда с помощью денег и господарство, и королевство, и даже царство обретешь себе» («Диван», стр. 51).

Кантемир основывает свои рассуждения на конкретных исторических фактах. В современном ему обществе он выделил тип феодального боярина, заносчивого и коварного, стремящегося к возвышению, и аморального в отношениях со своими подчиненными:

«Алчный всех бедняками видеть желает.

Ибо правда, что богатый, то есть алчный, только для себя богатство и достаток ищет, других же нищими и ничтожными видеть желает.

Когда имений ему становится мало, деревень жаждет; не удовлетворившись деревнями, о городах мечтает; а коль скоро и городов ему мало, крепостей и другого желает.

Такожде и гордец, стало быть, духом заносчивый, только себя человеком считает, остальных же скотиной числит» («Диван», стр. 167).

Мысли Кантемира о морали и социальном порядке приобретают особую силу и благодаря его иронии, критическому отношению, активной непримиримости к явлениям отрицательного характера. Жажда к преуспеянию, обогащению за счет и в ущерб ближнему в представлении писателя-гуманиста выглядит как отступление от человеческих правил, как отсутствие человечности. Порой его рассуждения облекаются в форму нарочитой назидательности.

«Ведь и Святое писание,— размышляет Кантемир,— людей, живущих не по законам человеческим, свиньям, псам, волкам и другому зверью уподобляет. Стыдно нам, людьми будучи, уподобляться скоту, дабы нам сказано не было: «Или вы сами себя не познали?» (Коран, книга 2) («Диван», стр. 301).

Обращаясь часто к разуму, к мудрости, Кантемир в своем «Споре» утверждается в европейской культуре как один из предшественников просветительства. В художественной форме его книга обсуждает философские, этические и религиозные проблемы. В острой борьбе идей доводы его исследования и полемики подкреплены публицистическим пафосом, политической сатирой.

«Иероглифическая история» является произведением, в котором Кантемир предстает как искусный сатирик. Роман, развернувший обширную картину политической жизни, характеризует автора как тонкого знатока устного творчества и мировоззрений народа. Если «Спор» свидетельствует о разносторонности знаний Кантемира, то «Иероглифическая история», напротив, впечатляет своими народными истоками. Д. Ротару утверждает, что даже «публицистическая страстность отступает перед силой воображения, фантастической зоомахии»[4].

В своем монографическом исследовании жизни и творчества Дмитрия Кантемира П. Панаитеску, анализируя структуру романа, утверждает, что «поговорки и пословицы образуют, скажем так, орнамент литературного произведения, основой же его является памфлет. И как подлинный памфлет «Иероглифическая история» выделяется своими сатирическими портретами»[5].

В. Коробан характеризует роман Кантемира как «резкую сатиру против беззаконий, чинимых в Молдавии и Мунтении боярами, которые путем интриг, доносов и даже политических убийств... разоряют страну и народ»[6]. Критик прав, возражая против определения книги Кантемира как роман-памфлет. Ее, пожалуй, скорее следовало бы назвать романом сатирических масок — форма, известная и в других литературных произведениях средневековья, в которых, как и у Кантемира, действующие лица изображены под видом животных.

Роман написан в виде аллегории, и острие авторской сатиры нацелено против бояр, турок и политической системы управления. Кантемир сталкивает пернатых во главе с господарем Мунтении Брынковяну и четвероногих — т. е. с Молдавией, возглавляемой Единорогом, под которым Кантемир подразумевает себя. Столкновение имеет конкретную политическую подкладку, однако разворачивается оно в широком комическом плане. Комичность сатиры создается путем обрисовки персонажей, которые на полном серьезе обсуждают политические

---

[4] D. Rotaru. Istoria literaturii române. EA. Bucureşti, 1969, стр. 54.

[5] P. P. Panaitescu. Dimitrie Cantemir. EA. Bucureşti, 1958, стр. 89.

[6] В. Коробан. Романул молдовенеск контемпоран. Кишинэу, «Картя Молдовеняскэ», 1969, стр. 70.

проблемы, симулируя усердие и притворное простодушие. Бояре из обоих лагерей обсуждают на совместной ассамблее избрание нового господаря в царстве Льва, то есть в Молдавии. Ворон (Брынковяну) настаивает на предложенной им кандидатуре Страусоверблюда (М. Раковицэ). Кантемир представляет в карикатурном виде молдавских и валашских бояр. Индивидуальность их образов выражена в жестах, мимике, манере говорить. Характер и психология каждого действующего лица четко очерчены. Памфлетная, насмешливая позиция автора находит конкретное выражение в незабываемых образах, авторских ремарках, нотках юмора, поговорках, пословицах и изречениях, которые используются для обобщения картины. Кантемир не только клеймит и бичует пороки определенных персонажей. Он выражает свою глубокую ненависть к боярству и турецкому игу. Оттоманская империя названа им «Капищем Плеонаксии», то есть храмом алчности, куда стекается всё достояние покоренных народов и военная добыча. Визири, сановники из турецкой администрации предстают как люди начисто лишенные совести, коварные, продажные и развращенные, не упускающие ни малейшей возможности обогатиться и постоянно плетущие сети интриг, используя в качестве сообщников некоторых молдавских и валашских бояр. В ограблении покоренных народов Оттоманская Порта порой действовала дифференцированно, потому что, замечает Кантемир, «богиня алчности Плеонаксия отбирает у богатых все, а у бедных половину» (стр. 133). Упадок Оттоманской империи изображен аллегорично, причем подчеркивается тот факт, что при столь непрочном фундаменте она рискует рухнуть сразу: «богиня Плеонаксия сидела на огненном троне, под которым находилась медная печурка, пыщущая жаром. А кругом ярко горели факелы. Лик ее увядший был желт, как у тех, кто страдает царской болезнью»* (стр. 133—134). Делается также намек на то, что народы поднимутся на борьбу за свое освобождение.

Кантемир убедительно доказывает, что интриги и политическое соперничество между молдавскими и валашскими боярами находят поддержку у турецких султанов, которые используют это обстоятельство, чтобы выжать

* Царская болезнь — гемофилия.

из этих княжеств как можно больше денег. Такой же иронией пронизаны и коллективные портреты. Молдавские бояре изображены в виде зверей. «Леопард, Медведь, Волк, Лис, Дикая кошка и другие им подобные, невинной кровью пробавляющиеся, живут за счет смерти других». Валашские бояре выступают под видом хищных птиц: «Стервятник, Сокол, Ястреб, Филин, Перепелятник и другие им подобные, которые, ежели хоть день один не отведают вкуса невинной крови, убеждены, что завтра погибнут» (стр. 30).

Ко второму сословию Кантемир относит бояр среднего достатка, занимающих менее значительные посты в государственной иерархии, а также боярских слуг, а к третьему — существа, которые «вечно покорны и жизнь которых всегда находится на волоске от гибели...» (стр. 31), то есть крестьян. Характеристики, которые Кантемир дает некоторым персонажам, вытекают из их манеры выражаться, участвовать в разговоре. Например, речь Лиса (Илие Цифеску) проникнута хитростью и притворством. Это свидетельствует о том, что автор является прекрасным знатоком психологии и человеческих нравов. «Сердце мое, о друзья, к великим трудностям и жестоким испытаниям было и остается готовым, дабы служить государствам нашим, и тешу себя надеждой, что так будет до последнего моего вздоха, потому как тот, кто не научился быть вместе со всеми в беде, тот и счастья со всеми вкусить не сумеет» (стр. 66—67). Или, например, расчетливая конформистская линия Волка (Лупу Богдан), который, разгадав хитрость и льстивость Лиса, «краткими и немногими, зато вескими и убедительными словами так ему отвечал:

— Древнее правило гласит, братец Лис, что желания и воля царей — закон непреложный для подданных. Вот почему и на этих выборах удивительного ничего нет, поелику воля и приказ великих властителей были таковы, стало быть, то что они повелели и выбрали, правильно повелено и мудро выбрано. И об этом больше ни говорить, ни думать нам не надлежит» (стр. 159).

Речью Волка Кантемир раскрывает деспотизм самодержцев, которые издают законы, нисколько не интересуясь мнением подданных. Множеством иносказаний, которыми пересыпан роман, Кантемир усиливает наступательность своей политической сатиры. Такой явля-

ется, например, притча о свинаре, который, «как только оказался у кормила власти, не полезным делом занялся, а свинство творить начал...» (стр. 296). Или притча о бедняке, его псе и о табунщике, который по глупости своей пренебрегает помощью тех, кто может принести ему пользу, и т. д. В этой связи П. Панаитеску и И. Вердеш отмечают в предисловии к «Иероглифической истории» (издание 1965 г.): «...заслуга Дмитрия Кантемира заключается в том, что он придал новую форму политическому памфлету, сочетав его с восточной притчей, со сказкой и опытом личной жизни» («Диван» стр. XXXV).

Разнообразные методы политической сатиры, использованные в его романе, ставят Кантемира в ряд с такими писателями-гуманистами, как Эразм Роттердамский и Джонатан Свифт, которые в своих произведениях затрагивали наиболее острые социальные и политические проблемы своей эпохи.

Весьма убедительно звучат утверждения В. Коробана о литературной ценности романа Кантемира, в частности, многообразие юмористических приемов, позволяющих автору «вскрывать в своем сочинении жизненные ситуации и конфликты во всей их обыденной и смехотворной наготе. Фабула произведения Кантемира «Иероглифическая история» — это фабула романа, в котором вымысел и историческая действительность, лирические отступления, повествование и описание, народная поговорка и философские суждения переплетаются и дополняют друг друга, подчеркивая мысль автора»[7].

Высокое мастерство Кантемира проявляется не только в обращени к злободневным проблемам, но и в драматизации конфликтов, в обрисовке портретов, в особенности, нравственного облика действующих лиц и в раскрытии их социальной, классовой сущности. В разрешении наиболее сложных проблем Кантемир занимает активную позицию. И это, главным образом, благодаря его художественному видению, обширной эрудиции, глубокому знанию истории, философии, современной ему социальной и политической действительности, большой любознательности и удивительной способности раскры-

---

[7] В. Коробан. Студий ши артиколе де критикэ литерарэ. Кишинэу, «Картя Молдовеняскэ», 1959, стр. 134.

вать многосторонний смысл явлений и человеческих характеров.

Будучи плодом социальных и политических размышлений, роман Кантемира является, следовательно, произведением обобщающего характера и с точки зрения арсенала художественных средств, памфлетного пафоса, и создания впечатляющих сатирических образов, как например, образ Хамелеона. Разностороннее исследование романа выявило бы большую художественную и идейную ценность этого произведения, которое в силу усложненности конструкции и стиля нуждается в определенном усилии при чтении и расшифровке некоторых мыслей и образов.

В научных произведениях, написанных в России, Кантемир возвращается к некоторым темам критики оттоманского режима, боярства и т. д., затронутым в «Иероглифической истории». В «Описании Молдавии» (1716) отрицательное, непримиримое отношение особенно резко проявляется к крупным боярам, занимающим посты в государственной администрации. Автор характеризует их как «людей спесивых, гордецов, упрямцев, которые не только не разбираются в государственных делах, но и отличаются отсутствием воспитания и лишены привычки жить честно» («Дескриеря Молдовей», стр. 166).

Галерея отрицательных типов — султанов, визирей, пашей, муфтиев, различных чиновников из турецкой знати — с памфлетным пылом воскрешена в «Истории Оттоманской империи», историческом произведении, пользующимся европейской известностью. Кантемир рассказывает не только об истории турок, их захватнических войнах, тяжелом положении порабощенных ими народов, но и о системе управления, о социальной и семейной жизни, нравах, обычаях, внутреннем положении империи. Например, описывая восстание янычар против визиря Сиабуса, Кантемир-гуманист рассуждает: «После совершенных над семьей и домом визиря жестокостей восставшие, как свирепые волки, рыщут по всем улицам крепости, убивают и грабят все на своем пути, словно весь город был причастен к преступлениям визиря. Какое ужасающее зрелище! Что за глубокая скорбь во всей крепости! Никогда еще Константинополь не был ближе к полной своей погибели; к счастью, улемы, которые пер-

выми выступили зачинщиками этого пожара, они же потом приняли все меры, чтобы потушить его»[8].

В полных драматизма, поистине шекспировских образах описана смерть Дели Гусейна-паши, подстроенная Кьопроли Мехмедом-пашой, турецкой разновидностью Яго. Диалог между этими людьми звучит, как отрывок из какой-нибудь трагедии. Кантемир показывает, как тесно связаны между собой ханжество и преступление. Кьопроли, который по сфабрикованному им ложному обвинению добился от султана смертной казни для Дели Гусейна-паши, «призвал его к себе и с полными слез глазами сказал:

— Вот, дорогой мой брат, что приказывает мне султан! Со своей стороны я не пожалел бы ничего — ни трудов, ни просьб, чтобы убедить султана помиловать тебя... Поэтому я считаю, что само божественное провидение уготовило эту смерть для тебя, и тебе как доброму мусульманину полагается принять ее со смирением, а не противиться ей.

А Гусейн-паша, говорят, ответил ему:

— Ах ты, старый кровопийца, ты поступаешь, как крокодил: сперва убиваешь человека, а потом плачешь над его трупом.

Молвив эти слова, достает он из-за пазухи золотую шкатулку, в которой хранил 24 осколка кости, извлеченных хирургами из ран, полученных им в разных сражениях, и, швырнув их, сказал:

— Я достиг должности визиря и почестей военачальника не как ты, мошенничеством и лжесвидетельством, а верной службой и пролитой собственной кровью. Отруби мне голову, если хочешь, трусливый еретик, а потом ноги мои воткни своей матери...» (стр. 524).

Драматизм цитированного отрывка проистекает из диалога этих двух людей, из контраста столкновения, сдобренного большой долей сарказма. Насколько прост комментарий Кантемира, настолько острым предстает изображаемый конфликт. Великий историк обладал интуицией и вйдением большого писателя-драматурга.

---

[8] Demetrie Cantemir. Istoria Imperiului Othoman. Traducere din germană de I. Hodosiu. Bucureşti, 1879, стр. 587.

В другой значительной работе Кантемира — «Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (1722) характеристика Оттоманской империи, которая сравнивается с чудовищем из народных сказок, принимает масштабы яростного памфлета.

Кантемир-историк одержим той же страстью памфлетиста, когда, стремясь установить правду, полемизирует со своими оппонентами, с псевдоисториками или, например, когда разоблачает преступления, совершенные правителями-тиранами. Так, исследование нравов Римской империи приводит его к ироническому выводу: «Видимо, вполне естественным был этот извечный конец римских императоров: они убивали своих предшественников, захватывали власть, а потом оказывались в свою очередь убитыми»[9].

Воскрешая и трактуя исторические события, Кантемир стремится выразить определенную философию истории, обобщить некоторые закономерности, понять значение исторических событий и личностей, сделать поучительные выводы. Памфлетная позиция, стремление критически рассмотреть и исследовать исторические события, социальные явления, людей и их дела, придают его произведениям наступательный характер, свежесть и злободневность. Не будучи знакомым с памфлетными, с сатирическими тенденциями в творчестве Кантемира, трудно во всей полноте оценить значение социальных, политических, философских и литературных раздумий великого ученого-гуманиста.

---

[9] Dimitrie Cantemir. Hronicul vechimei a Romano-Moldo-Vlahilor. Publicat de Gr. Tocilescu. Bucureşti, 1901, стр. 207.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Судьба рукописного наследия Дмитрия Кантемира

Великий ученый-энциклопедист, видный государственный деятель начала XVIII в., сподвижник Петра I, молдавский господарь Дмитрий Константинович Кантемир оставил значительное рукописное наследие. При жизни Д. Кантемира были опубликованы лишь два его сочинения: нравоучительный роман «Свет и душа» напечатан в Молдавии на греческом и молдавском языках в 1705 г. и написанный в России труд — «Книга систима, или состояние мухаммеданския религии» издан в Петербурге в 1722 г.

Саксонский резидент при дворе Петра I Вебер передал известие о том, что в Петербурге готовились издать самый значительный труд Дмитрия Кантемира, работа над которым была начата в Константинополе и закончена в России в 1716 г. — „Historia incrementorum atque decrementorum Aulae Othomanicae" («История роста и упадка Оттоманской империи»). Этот труд по поручению царя был переведен с латинского языка на русский Дмитрием Грозиным. Известие Вебера подтверждается сведениями, почерпнутыми из переписки профессоров Г.-З. Байера и Гросса, о чем подробно будет сказано ниже.

Многочисленные сочинения Дмитрия Кантемира остались после его смерти в 1723 г. в рукописях и по наследству достались его детям. Кроме того, значительная часть рукописей хранилась у Ивана Ильинского — секретаря князя Дмитрия Кантемира и воспитателя его детей.

Дмитрий Кантемир имел четырех сыновей: Матвея, Константина, Сербана (Сергея), Антиоха и дочь Марию. В завещании, составленном умирающим князем на имя императрицы Екатерины I, Матвей Кантемир был исключен из числа наследников. Из троих оставшихся сыновей

Дмитрий Кантемир должен был назвать одного, следуя указу Петра I о единонаследии. В завещании Д. Кантемир писал: «Из детей моих, а именно Матвея, Константина, Сербана и Антиоха хочу и прошу, чтобы (кроме Матвея) кто-нибудь из троих наследником был, как указы повелевают, и от сих трех лутчим рассуждаю сына Константина, а в уме и науках понеже меньшой мой сын от всех лутший, ежели впредь не в хуже переменится, намерен был в наследство его оставить: но и то прошу вашего величества, смотря их обхождение, как будут в законном росте, кого-нибудь из тех трех, то есть Константина, Сербана, Антиоха по вашего величества рассуждению определить в наследство»[1].

Пользуясь родственными связями, Константин Кантемир, женившийся на дочери влиятельного вельможи князя Д. М. Голицына, добился от Петра II получения всего наследства Д. Кантемира.

Профессиональный военный, служивший в Преображенском полку, кн. Константин, как можно увидеть, проявляя настойчивое желание завладеть недвижимой собственностью отца, не интересовался его рукописным наследием, которое хранилось у младшего сына Антиоха Кантемира.

Антиох Кантемир, оставшийся после смерти отца 15-летним юношей, обращался к Петру I с просьбой отпустить его за границу для получения образования. После открытия в 1725 г. в Петербурге Академии наук с университетом он становится одним из первых студентов[2]. Уже в первые годы обучения А. Кантемир сблизился с молодым профессором Г.-З. Байером, который занимал кафедру восточных и древних языков. В руках у Г.-З. Байера оказалось значительное количество рукописей Дмитрия Кантемира. Уже в 1727 г. Г.-З. Байер издал в I томе Комментариев Петербургской Академии наук описание каменной стены Каф-Даги, сделанное Дмитрием Кантемиром во время Персидского похода Петра I

---

[1] Завещание Д. Кантемира опубликовано в кн.: История о жизни и делах молдавского Господаря князя Константина Кантемира, сочиненная С. Петербургской Академии наук покойным профессором Байером с российским переводом и с приложением Родословия князей Кантемиров. М., 1783, стр. 307.

[2] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., 1962, стр. 33.

1722 г., в котором он принимал участие. Г. Ф. Миллер писал позднее, что Байер предполагал издать «Турецкую князя Кантемира историю на латинском языке с примечаниями и описанием жизни сочинителя, к чему вразумлен он был от детей его, если бы не возпрепятствовал в том отъезд в Англию принца Антиоха, меньшего сына Димитриева»[3].

Точность сведений, сообщаемых Г. Ф. Миллером, подтверждается наблюдениями над рукописями сочинений Дмитрия Кантемира, которые хранятся в настоящее время в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР[4]. Все рукописи, написанные на латинском языке, имеют поправки в тексте и многочисленные маргиналии на полях рукою Дмитрия Кантемира, о чем сообщено в приписках, сделанных Г.-З. Байером. Так, на титульном листе рукописи „Demetrii Cantemiri Principis Moldaviae. Descriptio Moldaviae" приписано: „autographum auctoris, passim in margine" — «рукопись автора на полях». Г.-З. Байер, очевидно, переписал для своей работы ряд рукописных сочинений Дмитрия Кантемира. На обложке „Descriptio Moldaviae" написано: „Demetrii Cantemiri Principis Moldaviae. Descripta ex autographo quod eius filius mecum communicavit. Petropoli, 1727" — «Димитрий Кантемир господарь Молдавии. Переписал с рукописи, которая была дана мне его сыном. Петербург, 1727».

---

[3] Предисловие Г. Ф. Миллера к немецкому переводу «Описания Молдавии» Дмитрия Кантемира написано в Петербурге в 1764 г. Автограф на немецком языке хранится в ЦГАДА. Портфели Миллера, ф. 199, № 149, ч. 3, № 5. Впервые напечатано в 1769 г. в III части издаваемого А. Бюшингом „Magazin für die neue Historie und Geographie", где помещена первая публикация «Описания Молдавии» — „Beschreibung der Moldau von Demetrio Kantemir ehemaligem Fürsten derselben", стр. 539—541. Вторично Предисловие Г. Ф. Миллера было напечатано при отдельном издании «Описания Молдавии», перепечатанного с издания А. Бюшинга, опубликованного в 1771 г. во Франкфурте и Лейпциге, стр. 25—30. Издание А. Бюшинга послужило источником русского издания «Описания Молдавии», переведенного с немецкого языка — «Дмитрия Кантемира бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя». С немецкого переложения перевел Василий Левшин. М, В университетской типографии у Н. Новикова, 1789.

[4] Отдел рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 25, оп. 1, №№ 1—9.

Сочинение Дмитрия Кантемира о жизни своего отца Константина Кантемира, также было переписано трудолюбивым Г.-З. Байером, о чем свидетельствует его приписка на обложке рукописи «Vita Constantini Cantemyrii», имеется приписка в правом верхнем углу обложки: «Auctore Demetrio Cantemire Principe Mold(aviae). Ex autographo auctoris» — «Автор Димитрий Кантемир господарь Молдавии. С рукописи автора».

Эта рукопись, пополненная Г.-З. Байером некоторыми примечаниями, была издана в 1783 г. под названием «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная С.-Петербургской Академии наук покойным профессором Байером с российским переводом и с приложением Родословия князей Кантемиров. В Москве, в Университетской Типографии, у Н. Новикова 1783 года».

«Предуведомление», предпосланное изданию описания жизни Константина Кантемира, Байер закончил следующими словами: «Предуведомление сие, утвердив по большей части на словах и свидетельстве князя Димитрия, приступим к повести о самой жизни князя Константина, из одних почти записок его же, князя Димитрия почерпнутой»[5].

В подстрочных комментариях Г.-З. Байер неоднократно воспроизводит примечания Дмитрия Кантемира к своему сочинению. Так, на стр. 31 при известиях о волошском воеводе Григории Гике в примечании написано: «Князь Димитрий Кантемир в своем экземпляре на стороне противу сих слов приписал: лжет, ибо был он породою албанец, родившийся в Молдавии». Очевидно, что Г.-З. Байер тщательно сохранил маргиналии Дмитрия Кантемира.

В работе над описанием жизни Константина Кантемира принимал участие молодой Антиох Кантемир. Об этом имеются известия в переписке проф. Гросса с проф. Байером. В 1730 г. по случаю коронации Анны Иоанновны Антиох Кантемир, служивший вместе с братьями в Преображенском полку, находился в Москве. Гросс сообщил из Москвы Байеру в Петербург: «Желаемые све-

[5] История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, стр. 15.

дения по описанию жизни князя Кантемира по обещанию нашего принца Антиоха должны быть отосланы»[6]. В следующем письме от 16 марта 1730 г. проф. Гросс внес дополнительные уточнения: «Те документы, которые его высокоблагородие ожидали для завершения жизнеописания князя Кантемира, доставлены с того времени предположительно по воспоминаниям, сделанным теперь трижды принцем Антиохом и должны быть возвращены господином Ильинским Вашему высокоблагородию»[7].

Издатель «Истории о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира» Н. Н. Бантыш-Каменский написал в конце предисловия о том, что латинская рукопись «сея Истории писана князь Антиохом Дмитриевичем Кантемиром», сохраняется «не инде где, как в Московском Архиве Государственной коллегии иностранных дел»[8].

Ближайшая задача нашей науки — разыскать в ЦГАДА рукопись «De vita et rebus gestis Constantini Cantemiri», подготовленную Г.-З. Байером при участии Антиоха Кантемира.

В конце 20-х годов XVIII в. Г.-З. Байер начал готовить к печати «Историю возвышения и упадка Оттоманской империи», работа над которой была начата Дмитрием Кантемиром в Константинополе и закончена в России в 1714—1716 гг. Ценные сведения о подготовке рукописи к публикации содержатся в упомянутой выше переписке Гросса и Байера. В письме из Москвы 26 февраля 1730 г. Гросс сообщил Байеру, что Ильинский должен возвратить ему портрет князя Дмитрия, находящийся в Петербурге. «Принцы, сыновья князя, полагают, — пишет Гросс, — что его высокоблагородие должно иметь желание изготовить гравюру на меди, для того, чтобы предпослать ее Турецкой истории. Они готовы содействовать всему, что может быть полезным для украшения этого труда. Особо они также приказали попросить господина Ильинского передать Академии около 20 медных пластин, на которых изображены все портреты турецких сул-

---

[6] Helmut Grasshof. Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966, стр. 270.

[7] Там же, стр. 271.

[8] История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, стр. XXXI—XXXII.

танов, изготовленные под наблюдением покойного князя. Они также сказали мне о медной пластине, которая предположительно должна храниться в Синодальной типографии, находящейся в распоряжении нашей Академии, на этой пластине довольно хорошо должен быть вытиснен город Константинополь по рисунку покойного князя»[9].

Феофан Прокопович в письме к проф. Г.-З. Байеру от 1 марта 1732 г. напоминает ему: «Rand bemerkung: Demetrii Cantemiri Historia Turcica»[10].

Упоминаемые в письме проф. Гросса медные пластины с портретами турецких султанов и с видом Константинополя по рисунку Дмитрия Кантемира с очевидностью свидетельствуют о точности сообщаемых Вебером сведений о том, что по распоряжению Петра I готовили к печати «Историю возвышения и упадка Оттоманской империи» Дмитрия Кантемира. Издание так и не было осуществлено вследствие смерти молдавского господаря в 1723 г. и смерти Петра I 28 января 1725 г. Старания проф. Г.-З. Байера напечатать «Историю» Дмитрия Кантемира тоже не увенчались успехом. В ноябре 1731 г. состоялось назначение Антиоха Кантемира на пост русского дипломатического представителя в Лондоне. Он уехал в Англию в начале 1732 г. и в Россию больше не вернулся. Рукописи сочинений Дмитрия Кантемира Антиох Кантемир увез с собой, рассчитывая опубликовать их на Западе.

Можно думать, что в руках у проф. Байера остались копии некоторых сочинений Дмитрия Кантемира, так как на некоторых его рукописях, как указывалось выше, Байером помечено, что он переписал их. Но самая грандиозная работа Дмитрия Кантемира «История возвышения и упадка Оттоманской империи», рукопись которой составляет 4 больших тома, вероятно, не была переписана Байером. Его работа шла непосредственно над авторской рукописью Дмитрия Кантемира.

Труды Дмитрия Кантемира, изученные Г.-З. Байером, сыграли большую роль в формировании интересов молодого ученого. Не случайно, по-видимому, то, что Байер

---

[9] Helmut Grasshoff. Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa, стр. 270.

[10] Там же.

продолжал работать над проблемой «Турция и Россия» и в 1734 г. подготовил «Краткое описание случаев, касающихся Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу». В 1738 г. вышел русский перевод этой книги, выполненный И. Таубертом.

В конце 1736 г. Байер, поссорившись с советником Академической Канцелярии Шумахером, уволился из Академии наук и отправил в Кенигсберг свою ценную библиотеку и архив, намереваясь в следующем году уехать из Петербурга. Но в феврале 1738 г. тяжело заболел и скончался от горячки.

По-видимому, не лишено смысла сделать попытку разыскать библиотеку Г.-З. Байера, в которой должны находиться материалы, связанные с именем Дмитрия Кантемира и молодого Антиоха Кантемира.

В 1734 г. в Лондоне вышло первое издание «Истории возвышения и упадка Оттоманской империи» Дмитрия Кантемира. Перевод был осуществлен Тиндалем с «авторской рукописи», о чем сказано в заглавии книги: «The Histoire of the Growth and Decay of the Othoman Empire. Written originally in Latin by Demetrius Cantemir, late Prince of Moldavia. Translated in to English from the author's own manuscript by N. Tindal, M. A. Vicar of Great waltham in Essex. London, 1734».

В 1743 г. в Париже было опубликовано два издания «Истории» Дмитрия Кантемира: в 4-х томах в 8° и в 2-х томах in folio. Перевод был сделан Жонкьером с латинской рукописи, которая становится во Франции широко известной еще до выхода французского издания. Так, например, Вольтер получил от Антиоха Кантемира латинскую рукопись «Истории Оттоманской империи». В двух письмах Вольтера к А. Кантемиру (от 13 марта 1739 г. и от 19 апреля 1739 г.) выражена благодарность за пользование «оригиналом» сочинения Дмитрия Кантемира и высказаны суждения по ряду вопросов, связанных с историей России начала XVIII в.[11]

Во французском издании «Истории возвышения и упадка Оттоманской империи» 1743 г. в отличие от английского издания 1734 г. была помещена биография Дми-

---

[11] Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С введением и примечаниями проф. В. Н. Александренко. СПб., 1903, стр. 136—138, 141—142.

трия Константиновича Кантемира («Vie de Demetrius Cantemir») заканчивающаяся списком его сочинений из 10-ти номеров[12].

№ 1 — «L'Histoire de l'agrandiccement et de la décadence de l'Empire Othoman, en Latin, manuscrit». Несколько удивляет, что Антиох Кантемир не назвал английского издания этой рукописи 1734 г.

№ 2 — „Systême de la Relion Mahométane écrit et imprimé en Russien par les orderes du Czar Pierre le Grand, à qui il est dédie par l'Auteur; folio".

Обращает внимание, что А. Кантемир, хотя и сообщает, что труд написан и напечатан «по повелению царя Петра Великого», не указывает года издания (1722 г.) «Книга систима, или состояние мухаммеданския религии», а указывает его как листовую рукопись.

№ 3 — „Le Monde et L'Ame, imprimé en Moldavie en Grec et en Moldave, c'est un livre de sentimens moraux en forme de Dialogues".

№ 4 — „Histoire ancienne et moderne de la Dacie, grand in folio, en Langue Moldave, manuscrit. Le même en Latin sut perdu dans la mer Caspienne". «История древней и современной Дакии» на молдавском языке сохранилась, и нам предстоит об этом говорить ниже.

№ 5 — „Etat présent de la Moldavie en Latin, avec une grande Carte du païs. Il est àprésent sous la presse en Hollande, in quarto". Намерение А. Кантемира издать в Голландии сочинение Дмитрия Кантемира «Descriptio Moldaviae» не осуществилось по не известным нам причинам.

№ 6 — „Histoire de la Création avec des observations Physiques en Latin, c'est un manuscrit in folio, in titulé. Theologo-Physica".

№ 7 — „Histoire des deux Maisons de Brancovan et de Cantacucene, en Moldave, manuscrit in quarto". Это сочинение Дмитрия Кантемира опубликовано М. М. Щербатовым в «Журнале или Поденной записке Петра Великого» со ссылкой — «Из Кабинетской архивы № 14» — «Дивные революции праведного божия отмщения на фа-

---

[12] D. Cantemir. Histoire de l'Empire Othoman ou se voyent les causes de son Agrandissement et de ca Decadence. Tome II. Paris, 1743, стр. 324.

милию Кантакузиных в Валахии славных к Бранковану»[13].

№ 8 — „Histoire des Mahométans, depuis le faux Prophéte Mahomet jusqu au premier Empereur Turc, perdu dans la mer Caspienne". О судьбе рукописи «Истории магометанства со времен ложного пророка Магомета до первого императора Турции» говорится и в самой биографии Дмитрия Кантемира в связи с рассказом об участии молдавского господаря в Персидском походе 1722 г. и о штурме на Каспийском море, когда утонуло судно, в котором хранился «Кабинет» Д. Кантемира.

№ 9 — „Un Livre d'airs, selon la Musique Turque, in quarto".

№ 10 — „Introduction à la Musique Turque, en Moldave, in octave".

Изучая список сочинений Дмитрия Кантемира, составленный Антиохом Кантемиром, мы замечаем отсутствие двух его работ. Одна — «Monaichiarum phisica examenatio» («Исследование природы монархий») находится в рукописи 1714 г. вместе с «Панегирическим всесожжением», посвященным Петру I от имени Сербана (Сергея) Кантемира. Хранится в собрании Петра I БАН (1. 5. 78). Вторая полемическая статья, направленная против педагогических взглядов Феофана Прокоповича,— «Loca obscura in Cathechisi» («Темные места в Катехизисе»). Хранится в ГБЛ. Иностр. 2124.

Но, возможно, составляя список сочинений Дмитрия Кантемира, Антиох Кантемир писал о тех его рукописях, которые он взял с собой, когда уезжал за границу. Об этом как будто бы свидетельствует указание формата рукописей (in folio, in quarto, in octavo). В единственном случае он не называет формат, когда говорит о рукописи «Истории магометанства», погибшей во время штурма на Каспийском море.

Принимая непосредственное участие в подготовке изданий «Истории Оттоманской империи» на английском и французском языках (о степени его участия в гамбургском издании „Geschlichte des osmanischen Reiches" 1745,

---

[13] Журнал, или Поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира. Части второй, отд. I. СПб., 1772, стр. 291—297.

в переводе с английского изд. 1734 г., вышедшем из печати после смерти А. Кантемира, мы не располагаем достаточными сведениями), Антиох Кантемир в сотрудничестве с аббатом Гуаско готовит перевод латинской рукописи своего отца на итальянский язык. Работа над переводом началась, по-видимому, вскоре после переезда Антиоха Кантемира во Францию (1738 г.), так как на титульном листе рукописного перевода указано лишь английское издание «Истории» 1734 г. Николо Тиндаля: „Deu Accrescimento e Decadenca deu Impero Othomano o sia Epitome deu Istoria Turca. Parte Prima che contiene l'Accrescimento dal MCCC, al MDCLXXII. Originalmente Scritta in Latino da Demetrio Cantemir, Principe de Moldavia, gia tradatta in Inglese da Nicolo Tindal, ed ora in Italiano da Antioco Principe Cantemir Fiqlio deu Autore"[14].

Этот замысел Антиоха Кантемира оказался неосуществленным.

Проживая за границей, Антиох Кантемир продолжал интересоваться судьбою той части наследия своего отца, которая осталась в России. Узнав о смерти И. Ильинского, секретаря Дмитрия Кантемира и воспитателя его сыновей, Антиох 21 июня 1737 г. пишет проф. Гроссу: «Я получил известие, что бедный г. Ильинский, переводчик Академии наук, умер, я об этом весьма сожалею»[15]. А. Кантемир просит Гросса разыскать среди книг покойного Ильинского начатый им русско-латинский словарь и Библию. Ответное письмо Гросса к А. Кантемиру не сохранилось. В письмо от 2 сентября 1737 г. Антиох Кантемир благодарит Гросса за хлопоты и выражает удивление по поводу пропажи рукописей Дмитрия Кантемира, находившихся у И. Ильинского: «Выражаю Вам тысячу нижайших благодарностей за труды, которые Вы любезно потратили на поиски моих глобусов и прочих бумаг, находившихся в руках покойного г. Ильинского. Я не могу скрыть от Вас моего удивления по поводу того, что среди его вещей не нашлось их следа,... достоверно также, что у него в руках были оригиналы «Истории турок» моего отца, русский перевод этого труда, переписанный неким Димитрием, переводчиком

[14] ЦГАДА, ф. 181, № 1363, 1°, л. 1.

[15] Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира, стр. 86—87. Перевод с французского

Dell'
Accrescimento e Decadenza
dell'Impero Othmano
o sia
Epitome dell'Istoria
Turca.

Parte Prima
che contiene l'Accrescimento
dal MCCC al MDCLXXII.

Originalmente scritta in Latino da
Demetrio Cantemir
Prencipe di Moldavia.
già tradotta in Inglese da Nicolò Tindal,
ed ora in Italiano
da
Antioco Prencipe Cantemir
Figlio dell'Autore

[illegible]

Титульный лист итальянского перевода «Истории возвышения и упадка Оттоманской империи».

ХРОНИКУЛ

ВЕКИМЕЙ А

РОМАНОМОЛДОВЛАХИЛОР

ДИМИТРИЕ КАНТЕМИР

1717

Титульный лист книги «Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (на молдавском языке)

Морской математической школы, и множество других тетрадей, написанных моим отцом, не говоря уже о большом количестве его писем».

Из письма Антиоха Кантемира Гроссу становится совершенно ясным, что оригинал «Истории Оттоманской империи» был написан Дмитрием Кантемиром на молдавском языке. С молдавского языка на латинский его перевел И. Ильинский. Кроме того, у И. Ильинского хранился и русский перевод этого труда, выполненный Дмитрием Грозиным. И. Ильинский после смерти Дмитрия Кантемира был оставлен Петром I в Петербурге и назначен переводчиком Академии наук. По-видимому, целесообразно приложить усилия к тому, чтобы разыскать следы библиотеки и архива Ивана Ильинского[16].

В апреле 1744 г. Антиох Кантемир умер. О трагической судьбе его библиотеки сохранил известия Г. Ф. Миллер: «Князь Антиох скончался, и пожитки его проданы с публичного торга. В Париже тогда находился граф Томсон, зять великого Бургава. Он купил рукописи старого князя Кантемира и послужил тем, что остались оные для России. Для того после смерти его подарены они от графини Томсонши дяде ее Аврааму-Раафу-Бургаву, бывшему профессору здешней Академии наук, после коего наследовал их статский действительный советник и императорский лейб-медик господин Фон-Крузе»[17].

Граф Томсон купил латинские рукописи сочинений Дмитрия Кантемира[18]. В начале 50-х годов XVIII в. они уже находились в Петербурге. Сначала у брата Германа

---

[16] Приношу сердечную благодарность М. И. Автократовой, С. Р. Долговой и другим сотрудникам ЦГАДА за большую помощь в работе.

[17] ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, ф. 199, № 149, ч. 3, № 5, лл. 5 об. 6.

[18] Граф Томсон купил в Париже рукописи Дмитрия Кантемира, как можно думать, не случайно. Учеником его тестя — знаменитого голландского химика и врача Германа Каау-Бургаве (Hermann Kaau-Borhaave) — был Павел Кондоиди, племянник близкого друга Д. Кантемира и учителя его сыновей — Анастасия Кондоиди. В семье Германа Бургаве, по-видимому, были осведомлены о рукописях Дмитрия Кантемира, увезенных за границу его сыном Антиохом. О занятиях Павла Кондоиди в Лейденском университете в начале 1830 г. у Германа Каау-Бургаве см.: М. В. Разумовская. «История Оттоманской империи» и роман аббата Прево.— «Русская литература», 1974, № 2, стр. 149. Германн Каау-Бургаве прибыл в Россию в 1746 г. и умер в Москве в 1753 г.

Кааү-Бургаве, Авраама Кааү-Бургаве, который умер в Санкт-Петербурге в 1758 г., затем они перешли к лейб-медику, доктору медицины и члену Петербургской Академии наук (с 1756 г.) Карлу-Фридриху фон-Крузе, женатому на дочери Авраама Кааү-Бургаве[19]. Карл-Фридрих фон-Крузе подарил Г. Ф. Миллеру латинскую рукопись «Описания Молдавии» («Descriptio Moldaviae»), который предполагал первоначально, как он пишет сам, издать этот труд Дмитрия Кантемира, снабдив его комментариями, но из-за недостатка времени отказался от этого намерения и передал рукопись Антону Бюшингу[20]. Это сочинение Дмитрия Кантемира в переводе на немецкий язык было впервые опубликовано, как уже написано выше, в Гамбурге Антоном Бюшингом[21]. В 1789 г. появилось русское издание «Описания Молдавии» в переводе с немецкого Василия Левшина. Объяснить это несколько странное обстоятельство (в Петербурге находилась латинская рукопись Дмитрия Кантемира, а перевод делали с немецкого издания) следует, по-видимому, тем, что Карл-Фридрих фон-Крузе, получивший рукописи Дмитрия Кантемира по наследству от проф. Авраама Бургаве, хранил их как личное имущество. И лишь после смерти фон-Крузе в 1799 г. рукописи Дмитрия Кантемира были приобретены Библиотекой Петербургской Академии наук. 11 ноября 1818 г. в Петербурге был открыт Азиатский музей, и основатель его акад. Христиан Фрэн передал туда латинские рукописи Дмитрия Кантемира. После Великой Октябрьской революции в 1930 г. был открыт Институт востоковедения АН СССР, куда передана вся востоковедческая литература.

Так рукописи Дмитрия Кантемира, начав свой путь

---

[19] Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Составил Григорий Геннади, т. II. Берлин, 1880, стр. 88—89, 184; С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. (Аарон-Кутков). Петроград, 1915, стр. 422.

[20] ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, ф. 199, № 149, ч. 3, № 5, л. 6. В архиве Г. Ф. Миллера осталась копия «Описания Молдавии Дмитрия Кантемира», о которой в 1783 г. было сообщено Екатерине II («Портфель 143, № 5»). См.: Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. СПб., т. XI, стр. 682.

[21] Beschreibung der Moldau von Demetrio Kantemir ehemaligem Fürsten derselben. — Magazin für die neue Historie und Geographie, t. III. Hamburg, 1769—1770, стр. 539—574; t. IV, стр. 1—120.

из Константинополя в Петербург, из Петербурга в Лондон и Париж, вернулись в начале 90-х годов XVIII в. в Петербург, переменив несколько владельцев, в настоящее время являются достоянием советской науки и хранятся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР[22]. В 1973 г. впервые по этим подлинным рукописям Дмитрия Кантемира в Кишиневе издано «Описание Молдавии»[23].

Не менее сложна судьба и других рукописей Дмитрия Кантемира.

Антиох Кантемир умер в Париже в 1744 г. В России оставались его братья: Константин (умер в 1746 г.), Матвей (умер в 1771 г.), Сергей (умер в 1780 г.) и сестра Мария (умерла в 1754 г.). По завещанию Антиоха Кантемира тело его было перевезено в Москву. Он похоронен рядом с отцом в Греческом монастыре[24]. Сергей Дмитриевич Кантемир, бригадир в отставке, и Матвей Дмитриевич Кантемир определили распродать в Париже книги Антиоха и прислать в Россию «лишь сочинения оригинальные и переводные их брата»[25].Так, в Москву в библиотеку Сергея Кантемира были привезены и некоторые рукописи Дмитрия Кантемира.

В 1783 г., как уже было сказано выше, в Москве издана «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная... проф. Байером». К изданию была приложена биография Дмитрия Кантемира из французского издания «Истории Оттоманской империи» и список сочинений, пополненный посредством примечаний издателем книги, ближайшим родственником Кантемиров Н. Н. Бантыш-Каменским[26].

---

[22] Архив ЛОИВ АН СССР, ф. 25, оп. 1, №№ 1—9.

[23] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии. Перевод с латинского Л. Панкратьева. Общая редакция, вступительная статья, примечания и комментарии профессора В. Н. Ермуратского. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 1973.

[24] В 1935 г. останки Дмитрия Кантемира были перевезены в бывшую столицу Молдавии г. Яссы.

[25] И. И. Шимко. Новые данные к биографии кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891, стр. 145—146.

[26] Отец Н. Н. Бантыш-Каменского был вывезен в Россию «из Молдавии в 1711 г. в малолетстве двоюродным дядею Дмитрием Константиновичем Кантемиром». См.: Словарь достопамятных людей Русской земли.., составленный Дмитрием Бантыш-Каменским. М., 1836, т. А, В, стр. 85.

4. Histoire ancinne et moderne de la Dacie, grand in folio, en langue Moldave, manuscrit. Le même en latin sut perdu dans la mer Caspienne[27].

4. Хроник Романо-молдо-влахский, или Древняя и Новая история о Дакии, на Молдавском языке с пространным латинским предисловием, сочиненная в С.-Петербурге в начале 1717 года, рукописная, в лист. Перевод оной на латинском потерян, в низовом походе во время штурма на Каспийском море.

Прим. «Подлинная рукопись сея Истории, начинающейся от древнейших времен и доведенной до 1383 года, найденной в библиотеке князя Сергея Кантемира, отдана в Московский архив Государственной коллегии Иностранных дел»[28].

В настоящее время в ЦГАДА хранится «Хроника велимейа Романо-Молдавлахилор... Димитрие Кантемир»[29], работа над которой была закончена в 1717 г. На листе 1 приписка Н. Н. Бантыш-Каменского: «Книга сия подарена в Московский Иностранный архив от надворного советника Николая Бантыш-Каменского. 1783 года».

Н. Н. Бантыш-Каменским подарены в бывший Архив Министерства иностранных дел и другие рукописи Дмитрия Кантемира: «Historia Moldo-Vlachia»[30], «Історіа јероглуфикъ»[31]. В числе дополнительных (против французского текста) рукописей названо сочинение Дмитрия Кантемира «Compendium Universae Logices institutionis, то есть Краткая логика. Рук. в 8°». К тексту дано примечание о том, что «Подлинник отдан в Московский архив Государственной коллегии иностранных дел»[32]. Этот труд Дмитрия Кантемира также передан Н. Н. Бантыш-Каменским[33].

Очевидно, что после смерти последнего из сыновей Дмитрия Кантемира — Сергея (умер в 1780 г.) все ос-

---

[27] L'Histoire de l'agrandissement et la decadence de L'Empire Othoman. Paris, 1743, t. II, стр. 324.

[28] История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783, стр. 313.

[29] ЦГАДА, ф. 181, № 1420, 1°, лл. 1—343 об.

[30] ЦГАДА, ф. 181, № 1325, 1°, л. 225.

[31] ЦГАДА, ф. 181, № 1419, 1°, лл. 1—333.

[32] История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, стр. 314, прим. «Щ».

[33] ЦГАДА, ф. 181, № 1329, лл. 1—43.

тавшиеся у него рукописи отца[34] сохранил и передал в архив Коллегии иностранных дел (теперь — ЦГАДА) Н. Н. Бантыш-Каменский, назначенный в 1783 г. после смерти Г. Ф. Миллера его директором.

В настоящее время советские ученые располагают значительным количеством подлинных рукописей Дмитрия Кантемира и имеют возможность издать по многим спискам творческое наследие великого ученого-гуманиста и просветителя.

---

[34] Исключение составляет рукопись итальянского перевода «Истории Оттоманской империи», выполненного Антиохом Кантемиром, которую Н. Н. Бантыш-Каменский купил. Об этом он сообщил в приписке на рукописи: «Книга сия, писанная рукою тайного сов[етника] и российского министра при французском дворе, мною купленная в авкционе, подарена в Московский Иностранных дел Коллегии архив в 1783 году». ЦГАДА, ф. 181, № 1363, л. 1.

Е. М. ДВОЙЧЕНКО-МАРКОВА

Пушкин и Дмитрий Кантемир

«Чрезвычайной широте умственного кругозора Пушкина и глубине его познаний удивлялись его современники»,— пишет академик М. П. Алексеев. — «Изучение этих его сведений и их разнородных источников... еще далеко не закончено и требует новых, дополнительных разысканий»[1].

В этом отношении наименее полно исследован и освещен период пребывания Пушкина в Бессарабии. Известно, что значительную часть своих кишиневских записок, планов и набросков произведений Пушкин сжег, опасаясь обыска в 1825 году. И все же то, что дошло до нас, а также свидетельства его современников помогают восстановить общую картину кишиневских занятий поэта и определить разнородные источники его вдохновений.

Исследования пушкинистов подчеркивают большое значение тесной связи поэта с наиболее передовой частью интеллигенции Кишинева. В доме генерала Орлова Пушкин имел возможность познакомиться и сблизиться с членами кишиневской ячейки декабристов: В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым, П. С. Пущиным и И. П. Липранди. Не раз отмечалось, что собрания и беседы у Орлова «заставляли молодого Пушкина пристальнее глядеть на самого себя и в то же время вообще направляли его мысли к занятиям умственным»[2]. Они «дали толчок к дальнейшему развитию научно-умственных способностей Пушкина по предметам серьезных наук»[3]. «Ни

---

[1] М. П. Алексеев. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., «Наука», 1972, стр. 4.

[2] П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России. М., 1862, стр 72.

[3] Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, стр. 217.

одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь»[4].

Как Пушкина, так и его друзей привлекало своеобразие края, сохранившего особый национальный колорит, неоднократно отмеченный в воспоминаниях современников. Попадая в Бессарабию, многие из русских обращались к истории этой древней земли и подчеркивали ее связь с античным и средневековым миром. Из кишиневских декабристов следует особо выделить В. Ф. Раевского, оказавшего «несомненное влияние на формирование мировоззрения и литературно-теоретических взглядов Пушкина»[5]. Живо интересуясь молдавской действительностью, Раевский в то же время собирал материалы по истории Бессарабии и молдавского народа. В сравнительно недавно опубликованной исторической записи Раевского рассказывается о далеком прошлом Бессарабии, которая служила «театром браней» между племенами варваров и где «процветали некогда колонии греческие»[6]. По свидетельству Липранди, разговоры на эту тему часто возникали между Пушкиным, Раевским и Охотниковым, причем Раевский «очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и, в особенности, географией»[7]. Сверяя некоторые из заметок Пушкина с набросками Раевского, можно заключить, что обоих занимали одни и те же вопросы, связанные с прошлым и настоящим Бессарабии, а в творчестве обоих поэтов затронуты схожие темы, навеянные бессарабскими впечатлениями. Для примера возьмем заметки Раевского и Пушкина о крепостном праве в Молдавии. В сохранившейся рукописи Раевского о современном состоянии Бессарабии говорится:

«Природные жители молдаване все без изъятия свободны и пользуются теми же правами, какими пользовались некогда поселяне русские,— но цыгане здесь состав-

---

[4] **П. А. Плетнев.** Сочинения и переписка, т. I. СПб., 1885, стр. 366.

[5] В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. М.—Л., 1949, стр. 4.

[6] Вечер в Кишиневе. (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского).— «Литературное наследство», 1934, кн. 16—18, стр. 657.

[7] Пушкин в рассказах и воспоминаниях современников, стр. 206.

ляют класс рабов, на том основании, на каком находятся ныне наши господские крестьяне»[8].

В наброске этнографического примечания к «Цыганам» Пушкин пишет:

«В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы». Подчеркивая отсутствие крепостного права среди молдаван, Пушкин в послании «К Овидию» замечает:

Здесь солнце ясное катилось надо мною:
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг.

Здесь не место доказывать, насколько правы были оба поэта, считая, что среди молдаван не было крепостных. Нас интересует, из какого источника могли заимствовать свое утверждение и Раевский, и Пушкин.

Известно, что, обращаясь к прошлому молдавского народа, современные Пушкину русские историки и молдавские писатели всегда ссылались на труды Дмитрия Кантемира, главным образом на его «Описание Молдавии». Труд этот был известен и Раевскому, и Пушкину по русскому переводу Василия Левшина, изданному в 1789 году[9]. В главе XVI второй части этого произведения, озаглавленной «Об остальных жителях Молдавии», Кантемир особо подчеркивает, что «крепостных среди молдаван нет», потому что основатель Молдавии, воевода Драгош, «найдя новую страну, лишенную жителей, раздал всю землю своим товарищам по походу» и «было бы несправедливо, чтобы благородный работал на благородного». Там же Кантемир отмечает, что «цыгане рассеяны по всему государству, и нет почти ни одного боярина, который бы не владел несколькими цыганскими семьями»[10].

---

[8] ФЦГВИАЛ, ф. 9, лит. «В», № 42, лл. 217—227; И. Иовва. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963, стр. 78.

[9] Димитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии. Москва, 1789.

[10] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 147—149.

О том, что Пушкину было известно «Описание Молдавии», упоминает Липранди, описывая совместную с Пушкиным поездку по Бессарабии:

«Начинало рассветать, когда я ему показал через Прут молдавский городок Фалчи. Не отвечая, он задумался... и потом сказал, что он где-то читал о Фалчи, но теперь не может вспомнить; когда же я ему назвал Кантемира, он вдруг припомнил все, но находил только, что происхождение Фалчи от Тайфал, тут живших, находит очень натянутым. Я его спросил, как он думает, что тайфалы — не то ли же самое, что бессы, которые жили за несколько веков тут же, и что на готском или германском языке «тайфал», пожалуй, то же, что по-славянски «бесы».— «А пожалуй»,— отвечал он»[11].

Пушкин несомненно припомнил следующий текст из «Описания Молдавии» Дмитрия Кантемира, где описывается:

«Фалчинский округ, в котором находится не лишенный красоты город Фалчиу на Хиерасе, где некогда жили тайфалийцы, в чем убеждают найденные нами остатки очень древнего города (крепости). Как-то мы читали в исторических рукописях Геродота, что у Хиераса в трех днях пути от нижнего течения Дуная жил очень воинственный народ тайфалийцы и основал там большую крепость. Так как ее развалины не были обнаружены в открытом поле, то я отправил нескольких старожилов в прилегающие к Хиерасу леса разузнать и поискать какие-либо следы, на основании чего можно было бы более точно установить подлинное место этого города. Возвратившись, они сообщили, что видели в густейших лесах, расположенных к западу на расстоянии пяти италийских миль вдоль реки, фундаменты стен и башен, сложенных из обожженного кирпича и имеющих форму удлиненного круга, не выступающего, однако, за пределы леса. Кроме того, мое мнение подтверждает современное название этого округа, ибо сходство названий, как нам кажется, показывает, что слово Фалчий является искаженным Тайфалия»[12].

---

[11] Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, стр. 219.

[12] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии, стр. 17—18.

В том же путешествии с Липранди по Бессарабии Пушкин интересовался и другими молдавскими городами, о которых прочел у Кантемира. Так, услышав, «что со второй станции есть поворот на Килию, ... он неотступно желал, чтобы заехали туда, и даже несколько надулся; но я ему доказал, что теперь этого сделать никак нельзя»[13]. О Килии Дмитрий Кантемир писал, ссылаясь на польского историка Сарницкого:

«Станислав Сарницкий, колеблясь, склоняется к мнению, что это — крепость Томи, знаменитая по пребыванию там изгнанника Овидия Назона»[14]. В другом месте Кантемир добавляет: «О том, что Овидий был сослан в Сармацию, в город Томи, свидетельствуют следующие его слова: «Пусть мой прах не покроет сарматская земля». Это же подтверждает надгробный камень, который был найден одним поляком в селении Исак, на котором написаны следующие слова: «Здесь лежит поэт, которого заставил уйти из родной земли яростный гнев Августа Цезаря. Часто несчастный выражал желание умереть на земле отцов, но напрасно; судьба дала ему это место». (Сарнициус. Летопись 1, 2, гл. 4 и дальше)»[15].

Строки Кантемира об Овидии должны были особенно интересовать Пушкина, любившего сопоставлять свою судьбу с участью римского поэта-изгнанника, сосланного Августом на берег Черного моря. Местные легенды указывали на Бессарабию как на место ссылки Овидия, но Пушкин знал ошибочность этого предания и в примечании к своему посланию «К Овидию» отмечал, как и Кантемир, что Овидий в своих элегиях «ясно назначает местом своего пребывания город Томис при самом устье Дуная». Но и легенда питала его поэтическое воображение: ему нравилось воображать себя в краю,

Где прах Овидиев пустынный мой сосед

(«Чаадаеву»)

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил.

(«Из письма к Гнедичу»)

---

[13] Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, стр. 216.
[14] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии, стр. 27.
[15] Там же, стр. 12—13.

Его стихи говорили о том, что:

Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона.
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого.

(*«Баратынскому из Бессарабии»*)

И, обращаясь к тени любимого поэта, Пушкин подчеркивал, что живая память об Овидии продолжает жить в том краю, где и он влачит свои дни в изгнании:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.

(*«К Овидию»*)

Но полное свое воплощение бессарабская легенда об Овидии нашла в поэме поэта «Цыганы». Пушкин, как известно, вложил ее в уста старого цыгана:

Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изганье... и т. д.

Монолог старого цыгана передает в общих чертах молдавскую легенду об Овидии, записанную еще в XVIII веке французским путешественником Ж.-Л. Карра, который включил ее в свою книгу «История Молдавии и Валахии»[16]. Книга эта была переведена в 1791 году на русский язык под названием: «История Молдавии и Валахии с рассуждением о настоящем состоянии обоих княжеств». Из книги Карра легенда об Овидии была почти дословно переведена известным московским литератором П. П. Свиньиным, совершившим в 1816 году археологическое путешествие по Бессарабии, запрутской

---

[16] J.-L.-Carra. Histoire de la Moldavie et de la Valachie. Iassi, 1777.

Молдавии и Буковине. Свиньин поместил эту легенду в своем очерке «Воспоминание в степях бессарабских» без упоминания источника[17], и его статья живо обсуждалась в разговорах Пушкина с Раевским и Охотниковым. Липранди пишет, что «определение ссылки Овидия в Аккерман» считалось «одним из результатов поездки Свиньина»[18] по Бессарабии. Однако это неверно. Версия о ссылке Овидия в Аккерман издавна существовала рядом с версией «официальной» (о Томисе). Она основывалась на местных преданиях и на свидетельствах старинных молдавских летописей. Возникшее разногласие между двумя вариантами было отмечено тем же Кантемиром, который писал:

«Последнее и славнейшее между всеми есть озеро Овидиево, от жителей Лакул Овидулуй называемое, при Аккермане — Alba Iulia — в Бессарабии наиболее в рассуждении имени известное, ибо сказывают, что славный римский стихотворец Овидий сюда в ссылку был изгнан»[19]. Приводя обе версии, ссылаясь на исторические труды польских ученых и цитируя слова самого Овидия, Кантемир колеблется в окончательном решении вопроса о ссылке римского поэта и говорит: «Перед всеми этими столь разнообразными мнениями авторов я не могу судить, которое из них верное»[20].

В этом отношении и Пушкин, как мы уже указывали, прекрасно зная «официальную» версию, отдавал должное и легенде, отразившейся в его художественных произведениях на «Овидиеву» тему.

Необходимо отметить, что не только Пушкина привлекала «бессарабская» версия о ссылке Овидия. Ссылаясь на Кантемира, упоминали молдавское предание об Овидии и современники Пушкина, и последующие русские и

---

[17] П. П. Свиньин. Воспоминания в степях бессарабских. — «Отечественные записки», 1821, ч. 5, № 9, стр. 7—10. Заимствование Свиньина было нами обнаружено и исследовано в статье: «Источники легенды об Овидии в «Цыганах» Пушкина.— В кн.: «Вопросы античной литературы и классической филологии». М., «Наука», 1966, стр. 321—329.

[18] Летописи Государственного лит. музея. Кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 556.

[19] Димитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии, стр. 9, примечание 2.

[20] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии, стр. 27.

молдавские писатели. Кишиневский приятель Пушкина А. Ф. Вельтман посвятил специальную статью вопросу о месте ссылки Овидия[21]. Бессарабский знакомый Пушкина молдавский писатель К. Стамати написал статью «О Бессарабии и ее древних крепостях»[22], где передает ту же молдавскую легенду об Овидии, которой воспользовались Карра и Свиньин. Стараясь как-то примирить обе версии о ссылке Овидия, Стамати предполагает, что «Овидий по какому-либо случаю, во время своего девятилетнего изгнания, перешел из Томи в страны Бессарабии, где и скончался близ Аккермана, который потому и назван даками «Видово», а Аккерманский лиман — «Лаку Овидулу». Далее, придерживаясь текста Кантемира, Стамати отмечает, что «крепость Томи, как уверяет Сарницкий, была там, где теперь Килия»[23].

Другой бессарабский современник Пушкина, полковник А. И. Корнилович, в «Статистическом описании Бессарабии», составленном в 1828 году, опираясь на труды Кантемира, тоже упоминает Овидия и в сноске пишет: «Овидий по изгнании из Рима жил в городе Томи или Томис; место, на коем существовал сей город, историки различно определяют: одни полагают там, где ныне город Килия, а другие — за Дунаем в Болгарии при Черном море, где нынешний Томисвар»[24].

Знакомство с текстом Кантемира обнаруживает и знакомый Пушкина по Кишиневу прапорщик Ф. Н. Лугинин, сослуживец Вельтмана и Корниловича. В своем дневнике[25] Лугинин, вслед за Раевским и Пушкиным, отмечает отсутствие крепостного права в Молдавии, пов-

---

[21] А. Ф. Вельтман. Место ссылки Овидия Назона. — «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те», 1866, кн. 2, стр. 1—61. О «Лакул Овидулуй» со слов Кантемира Вельтман упоминает и в статье «Бессарабские воспоминания о Пушкине». (В. кн.: Л. Н. Майков. Пушкин, СПб., 1899, стр. 109—110.

[22] Записки Одесского общества истории и древностей, 1848—1850, т. 2, стр. 805—815.

[23] Там же, стр. 808—809.

[24] Г. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963, стр. 90—91. Вопрос о месте ссылки Овидия поднимался в русской литературе еще в XVIII веке (М. П. Алексеев. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В сб.: «Радищев». Л—д, 1950, стр. 158—213).

[25] Из дневника прапорщика Ф. Н. Лугинина. — «Литературное наследство». М., 1934, т. 16—18, стр. 666—678.

торяет бессарабскую версию о ссылке Овидия и рассказывает о происхождении Траянова вала, на описании которого, как известно, подробно останавливается Кантемир[26].

Траянов вал должен был заинтересовать и Пушкина, когда он проезжал в декабре 1821 года мимо Каушан, тоже упомянутых Кантемиром как столица буджакских татар. «Первая от Бендер станция Каушаны», пишет Липранди, «опять взбудоражила Пушкина... Спутник мой никак не хотел мне верить, что тут нет никаких следов, все разнесено»[27].

Молдавский исследователь Г. Ф. Богач высказывает предположение, что в той же совместной поездке с Липранди Пушкин должен был проезжать недалеко от исторического молдавского кургана, названного в труде Кантемира «Могила Рабий», или, по-татарски, «Хан-Тепеси», т. е. ханский курган[28].

Кантемир писал, что «о происхождении этого кургана существует много разных легенд», и передал содержание двух из них[29].

В воспоминаниях бессарабских современников Пушкина не сохранилось свидетельства о том, что поэт проявил внимание и к этому памятнику молдавской древности.

Однако, значительно позже, в 1835 году, когда Пушкин взялся за перевод «Записок» участника Прутского похода, француза Моро-де-Бразе, он встретился с третьим вариантом предания о кургане. Моро-де-Бразе, находясь с русским войском вблизи этого любопытного памятника, тоже записал легенду о кургане со слов местных жителей. Работая над переводом этого молдавского предания, Пушкин не мог не вспомнить, кто был его безмолвным путеводителем по степям бессарабским и первым автором легенды об Овидии.

---

[26] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии, стр. 29—30.
[27] Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, стр. 214.
[28] Г. Ф. Богач. Указ. соч., стр. 124.
[29] Димитрий Кантемир. Описание Молдавии, стр. 18.

ИОН ОСАДЧЕНКО

К. Негруци и М. Когэлничану о Дмитрии Кантемире

Д. Кантемир, выдающаяся фигура молдавской культуры конца XVII и первой четверти XVIII столетия, пользовался огромным уважением и популярностью среди писателей движения 1848 года. Его обширное и значительное научное и литературное творчество явилось неиссякаемым документальным и вдохновляющим источником для наиболее талантливых литераторов XIX века.

К. Негруци, автор знаменитой новеллы «Александру Лэпушняну», с упоением читал «выцветшие страницы», написанные когда-то «рукою древних ученых-мирян». Наиболее обширные и глубокие познания в области национальной и всемирной истории он почерпнул из научных трудов Д. Кантемира «Описание Молдавии» (1716), «История Оттоманской империи» (1714—1716), «Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (1717—1723). Первые две фундаментальные работы были написаны на латинском языке, а третья, «Хроника» — на молдавском Издана она была значительно позднее в двух томах в 1835—1836 гг. в Яссах филологом Георге Сэулеску (1799—1875).

Некоторые буржуазные историки литературы безосновательно утверждали, что у К. Негруци были чрезвычайно слабые познания в области всемирной истории[1]. Более пристальное исследование творчества молдавского писателя свидетельствует о том, что он был не только художником слова, но и эрудированным историком.

Новелла К. Негруци «Собесский и румыны» (1845)

---

[1] См.: Ион Осадченко, Константин Негруци. Вяца ши опера. Кишинев, 1969, стр. 152; Ф. Левит. Студий де историе литерарэ, предисловие Х. Корбу. Кишинев, 1971 (глава «Историзмул ын опера луй К. Негруци, стр. 161—196).

написана на основе одного из эпизодов из «Истории Оттоманской империи», научного труда всемирного значения, который новеллист прочитал во французском издании[2].

К. Негруци, воскрешая в живых художественных образах героизм наших предков, резко критикует «выродившихся бояр его времени», которые состязались в бесчинствах и самодурстве. Этот «горький контраст, между славным прошлым и подлым настоящим», как выражается В. Александри, углубляет реализм исторической новеллы и подчеркивает ее актуальность для антифеодальной борьбы, которую вели прогрессивные силы Молдавии в преддверии 1848 года.

«История Оттоманской империи» предоставила К. Негруци возможность узнать не только некоторые аспекты политической, культурной и религиозной жизни турецкой империи с древних времен до начала XVIII века, но и некоторые важные данные, относящиеся к истории Молдавии и России, союзу Д. Кантемира с Петром I, а также к Прутскому походу 1711 года.

В сборнике писем «Черным по белому» К. Негруци часто обращается к творчеству Д. Кантемира, чтобы подкрепить свои утверждения и выводы. В «Письме III» («Вандализм», 1838) автор обвиняет феодальное боярство, которое не знает истории своей родины, ее языка и не проявляет никакого интереса «к древним крепостям» и к другим памятникам «славы наших предков». Невежественному боярину, который вопрошает «что он за двуногое существо и к какому классу животных может быть отнесен», К. Негруци рекомендует старинные хро-

---

[2] Histoire de l'Empire Othoman où se voyent les causes de son agrandissement et de sa décadence, avec des notices très instructives, par S.A.R. Demetrius Cantemir, Prince de Moldavie, traduite en français par M. de Joncqèieres, Paris, 1743. Перевод издан попечением выдающегося русского поэта-сатирика Антиоха Кантемира (1709—1744), сына Д. Кантемира, который в это время был русским послом при дворе короля Людовика XV. Несколько раньше (1734—1735) эта же работа вышла в двух томах в Лондоне на английском языке, тоже при содействии А. Кантемира. (The history of the growth and decay of the Othoman Empire, translated in to english by N. Tindal, Londra). В 1745 году в Гамбурге выходит немецкое издание (Geschichte des Osmanischen Reiches nach seinem Anwachsen und Abnehmen, Hamburg.) В оригинале работа называлась: Incrementa atque decrementa aulae Othomanicae («Рост и упадок Оттоманского двора»).

ники Григория Уреке и Мирона Костина, а также монументальный научный труд Д. Кантемира «Хроника стародавности романо-молдо-влахов». Эти книги, по мнению Негруци, содержат подлинную историю страны.

В письмах «О митрополии Молдавии» (1841), «Ретроспективный взгляд» (1845) и «Церковь трех святителей» (1846) Негруци с уважением говорит о Д. Кантемире, называя его выдающимся литературным деятелем и дальновидным политиком, который стал союзником русского царя Петра ради спасения своей страны от турецкого ига. Автор писем глубоко сожалеет, что великие планы двух государственных деятелей были сорваны в результате неудачного сражения при Станилештах на Пруте (1711) и что Молдавия оказалась «в когтях фанариотов».

Животрепещущей проблемой литературного и культурного движения 40-х годов прошлого столетия была проблема литературного языка. К. Негруци один из тех писателей, которые, по выражению М. Еминеску, «писали языком медово-сладким». Источником постоянного обогащения языка его художественных произведений являлись, по его собственному свидетельству, «старинные книги и народный глас», иными словами — хроники и фольклор.

В «Письмах» 1844 г.[3] К. Негруци рассматривает с научных позиций некоторые актуальные вопросы, касающиеся происхождения языка, лексики, путей обогащения языка и орфографии. Примечательно предпочтение, которое писатель отдает творчеству древних молдавских книжников — Дософтея (1624—1693) и Д. Кантемира. К. Негруци относит Дософтея к числу «наиболее ученых мужей, которыми по праву гордится Молдавия», и считает его «одним из самых видных писателей того времени»[4]. Его поэзия отличается «наивностью и непритязательностью», отмечает Негруци, она «нежная и гладкая, а не жесткая и угловатая». Последнее—намек на некоторые несовершенные поэтические писания первой половины XIX века.

Призведения Д. Кантемира «Диван, или беседа мудре-

---

[3] Константин Негруци. Избранное. Составление и вступительное слово И. Осадченко. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 1973, стр. 205—209.

[4] Там же, стр. 208.

ца с миром» (1698), «Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (1717—1723), написанные по-молдавски, К. Негруци считает образцом литературного языка. Они преодолели все тяготы и беды безвременья, оставаясь выдающимися памятниками нашей многовековой культуры. С болью констатирует К. Негруци в своем «Письме XXXII» (1862), что в течение XVIII и в начале XIX веков были периоды, когда «мы вообще рисковали потерять самое дорогое — язык!». Он писал: «Вспомним о бедственном положении, в котором оказался наш язык во время чужеземных господств. Всеобщая коррупция затронула и его. Он уже не был больше языком *Дософтея и Кантемира* (подчеркнуто мной.— *И. О.*) и даже языком церковных книг; существовал некий гибридный жаргон, смешанный с греческими, турецкими и другими словами. Тогда считалось хорошим тоном разговаривать только по-гречески или на каком-то пестром румынском. Наши дамы утратили вдруг способность произносить звуки «ши», «чи», «г». Они говорили так: «Музик, ты разве не знаесь, сто нельзя сидеть в присутствии дамоцек»[5].

Как видим, язык Дософтея и Кантемира, вышедший из живой речи народа и обогащенный выразительными элементами и новыми стилистическими формами, почерпнутыми из фольклора, был высоко и верно оценен К. Негруци. Труды Дософтея и Кантемира, как и летописи Гр. Уреке и М. Костина, явились началом традиции, продолжили основные направления, по которым будет развиваться под искусным пером К. Негруци, Ал. Донича, В. Александри и других древний и мудрый язык.

Среди научных произведений Д. Кантемира наибольшее значение представляет для нас «Описание Молдавии». В нем содержатся чрезвычайно важные сведения о географии, экономике, социально-политическом и культурном положении Молдавии. Книга была написана в России на латинском языке и озаглавлена «Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae». («Описание древнего и современного состояния Молдавии»). Автор стремился познакомить ученый мир России и Западной Европы со своей родиной — Молдавией. Этот труд был переведен на немецкий язык берлинским профессором Иоанном Людвигом Редзловым и впервые издан в Гам-

---

[5] К. Негруци. Указ. соч., стр. 231.

бурге в 1769—1770 гг. Бюшингом[6]. Затем последовало новое издание отдельной книгой во Франкфурте и Лейпциге в 1771 г.[7] С этого издания его перевел и опубликовал в Москве русский ученый Василий Левшин (1746—1826), секретарь Вольного экономического общества[8].

По инициативе молдавского ученого Вениамина Костаке (1768—1846) в 1825 году в монастыре Нямц выходит молдавское издание под заглавием «Описание Молдавии, сделанное ее господарем Димитрием Кантемиром».

Текст переведен Василе Вырнавом с немецкого издания 1771 года. Вначале находим краткое обращение «К читателям, любящим науку», подписанное видным монастырским книжником иеромонахом Геронтием. В обращении отмечается, что эта книга «высокого сочинителя и многомудрого ученого Димитрия Кантемира очень любима и полезна» и что до сих пор она была «незнакома патриотам». Затем в продолжении утверждается, однако без каких-либо доказательств, что «Описание Молдавии» сперва сочинено было по-молдавски, затем переведено на латынь, а с латыни на немецкий[9].

Немецкий ученый Герхард Фридрих Миллер (Федор Иванович (1705—1783), долгое время занимавший пост секретаря Российской императорской академии, указывал в 1764 году, что «Описание Молдавии» ему было знакомо уже лет сорок и что он якобы слышал, что оно было написано на молдавском языке и затем переведено на ла-

---

[6] См.: Димитрие Кантемир, Дескриеря Молдовей, перевод Петри Пандря с предисловием А. Борща. Кишинев, 1957, стр. 16 (вступительная статья). Название первого перевода на немецкий язык следующее: Demetrii Kantemirs... Historisch-geographisch- und politische Beschreibung der Moldau, „A. F. Büsching's Magazin für die neue Histoire und Geographie", III. Hamburg, 1769, стр. 537—574 и IV Hamburg, 1710, стр. 3—120.

[7] Demetrii Kantemirs. Historisch-geographisch- und politische Beschreibung her Moldau. Frankfurt und Leipzig. 1771. См. Н. Мадан. Енчиклопедие а времий. 200 де ань де ла апариция ын едиције апарте а «Дескриерий Молдовей» де Д. Кантемир, «Молдова сочиалистэ», 30 октября 1971 г.

[8] См. Димитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии. Историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя. С немецкого переложения перевел Василий Левшин. Москва, в университетской типографии у Н. Новикова, 1789, XLIV—388 стр.

[9] Скрисоаря Молдовей де Димитрие Кантемир, домнул ей, Мэнэстиря Нямцул, ла анул 1825 аугуст ын 19 («Кэтре юбиторий де штиинцэ чititоръ»).

тинский секретарем Д. Кантемира Иваном Ильинским (умер в 1737 г.)[10], воспитанником Московской славяно-латинской академии, хорошим знатоком латыни и греческого. Это, разумеется, неправдоподобно, хотя встречаем и утверждение, будто Иван Ильинский изучил молдавский язык[11]. Сам же автор обращения «К читателям, любящим науку» утверждает в следующих строках, «что молдавская рукопись найдена не была», по каковой причине книга Д. Кантемира переведена была с немецкого еще в 1806 году. Переводчик, как предполагается в предисловии, напечатал бы его еще тогда, «если бы не известные события времени, этому помешавшие»[12]. И только в 1825 году наступило «подходящее для издания время», ставшего беспрецедентным по своему значению культурным событием.

Вступительная часть «Описания Молдавии» содержит следующее «представление»:

1. Жизнь Димитрия Кантемира, господаря Молдавии.
2. Сколько книг им сочинено, какие напечатаны, а какие еще нет.
3. Предисловие Бюшинга.
4. Предисловие графа Миллера.
5. Другое вступление — переводчика.

Страницы о жизни и научной деятельности нашего великого ученого содержат неизвестные до сих пор молдавскому читателю факты[13].

---

[10] См.: Цит. произ. стр. 24—25 («Кувынт ынаинте ал Графулуй Миллер»). То же предисловие находится и в немецком издании «Описания Молдавии», 1771 г. (стр. 25—30). См. так-же G. Bezviconi. Contribuţii la istoria relaţiilor romîno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea) Bucureşti, 1962, стр. 134.

[11] П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, том. I. Введение в историю просвещения (СПб., 1862, стр. 233—236).

[12] Скрисоаря Молдовей, цит. произ. («К читателям, любящим науку»). Румынский исследователь Ион Никола сообщает в одной статье, опубликованной недавно, что обнаружена рукопись «Описание Молдавии», которая, предположительно, относится к 1806 г. См.: Ion Nicola. Un manuscris românesc al „Descrierii Moldovei". „Limba şi literatură", 25, Bucureşti, 1970, стр. 159—161.

[13] Молдавский ученый Г. Асаки публикует в «Спикуиторул» 1841 г. (октябрь—декабрь; стр. 18—70) «Жизнь Димитрия Кантемира (по молдавским хроникам)». Журнал «Фоае пентру минте, инимэ ши литературэ» (V, 1842, № 41, стр. 321—326; № 42, стр. 329—333; № 43, стр. 337—342) воспроизводит эту статью. См.: George Em. Ma-

В 1851 году К. Негруци издает в Яссах «Описание Молдавии», вновь подчеркивая особый интерес и горячую любовь к выдающемуся основоположнику молдавской культуры. Новое издание под редакцией К. Негруци содержит тот же текст, что и публикация 1825 года, некоторые примечания и «Краткое жизнеописание князя Д. Кантемира», датированное 1 января 1851 года. Эта сжатая биография является, в свою очередь, переложением с некоторыми изменениями, дополнениями и пропусками текста «Жизнь Димитрия Кантемира, господаря Молдавии», который предпослан «Описанию Молдавии» 1825 года издания.

Необходимо напомнить, что первая наиболее подробная биография Дмитрия Кантемира была написана полатыни (Vita principis Demetrii Cantemiri) воспитателем Антиоха Кантемира академиком Теофилом С. Байером (1694—1738) из Петербурга[14]. Она опубликована в немецком издании «Описания Молдавии» 1771 года[15], которым воспользовался молдавский переводчик Василе Вырнав. На русском языке биография появляется позднее, в 1783 году, дополненная после смерти Т. С. Байера многими новыми фактами[16]. Уже в первой четверти XIX века эта же биография включается в труд русского ученого Н. Н. Бантыш-Каменского (1737—1814) «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», Москва, 1821 г. Следовательно, издатель «Описания Молдавии» 1825 года воспользовался в качестве источника информации для «Жизни Димитрия Кантемира, господаря Молдавии» не только немецким изданием 1771

---

rica, Foaie pentru minte, inimă şi literatură, bibliografie analitică cu un studiu monografic. Bucureşti, 1969, стр. 411.

[14] См.: В. Н. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956, стр. 5; P. P. Panaitescu, Dimitrie Cantemir, Viaţa şi opera. Bucureşti, 1958, стр. 14—15.

[15] См.: Demetrii Cantemirs... Beschreibung der Moldau. Цит. произ., стр. 1—22 („Das Leben Demetrius Kantemirs, Furften von Moldau"). В молдавском издании 1825 года в начале главы «Жизнь Димитрия Кантемира...» автор отмечает в сноске, что «это описание жизни Кантемира переведено с немецкого языка по «Турецкой истории», написанной этим господином, которую передал для немецкой печати в 1745 г. Бертхаймер Шмид, ученый переводчик Библии...», (стр. 1).

[16] Ф. С. Байер. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783, XXXII, 407 стр.

года, но и русскими трудами Т. С. Байера и Н. Бантыш-Каменского.

Ко времени публикации второго издания «Описания Молдавии» в 1851 году К. Негруци располагал куда более обширной и богатой литературой о жизни Д. Кантемира. Он был очень хорошо знаком с хроникой Иона Некулче, историческим и литературным памятником, который обессмертил великие события 1711 года и благословил русско-молдавский союз как залог освобождения Молдавии от турецкого ига[17]. В 1844 году в содружестве с Александром Доничем К. Негруци перевел с русского «Сатиры и другие поэтические сочинения князя Антиоха Кантемира». Книга имела предисловие: «Жизнь князя Антиоха Кантемира»[18], написанное Октавианом Гуаско (1712—1781), который в 1749 году перевел сатиры на французский язык. В этом предисловии содержались важные данные о семье Кантемиров и о деятельности Д. Кантемира в России. Стремясь лучше узнать русскую литературу и культуру, К. Негруци, вероятно, прочитал биографию «Князь Димитрий Кантемир», опубликованную в 1836 году историком Дмитрием Бантыш-Каменским (1788—1850)[19], сыном Н. Н. Бантыш-Каменского, о котором мы упоминали выше. Автор «Александру Лэпушняну», как нам кажется, теперь, в год переиздания «Описания Молдавии» (1851), являлся первым среди современных ему писателей знатоком жизни и многосторонней деятельности Дмитрия Кантемира.

Что содержало «Краткое жизнеописание князя Д. Кантемира», отредактированное К. Негруци и приспособленное к нормам литературного языка середины прошлого столетия? Вначале—некоторые сведения о семье Д. Канте-

---

[17] См.: Ион Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул цэрий Молдовей. Едиция а доуа, ревэзутэ, Вступительная статья Е. Руссева. Кишинев, 1974, стр. 230—285.

[18] Константин Негруци. Опере алесе. Составление и вступительная статья Г. Богача, Кишинэу, 1966, стр. 361—375.

[19] Д. Бантыш-Каменский. Князь Д. Кантемир, см.: в книге: Словарь достопамятных людей русской земли, том III. Москва, 1836, стр. 34—42; Николай и Дмитрий Бантыш-Каменские — ученые молдавского происхождения, выходцы из семьи матери Д. Кантемира. Среди наиболее известных работ Д. Бантыш-Каменского: 1) Путешествие в Молдавию, Валахию, Сербию. Москва, 1810, 192 стр.; 2) Жизнь Н. Н. Бантыш-Каменского. Москва, 1818, 79 стр.; 3) История Малой России, издание III, том. I—III, Москва, 1842.

мира и о годах его пребывания в Константинополе. «В то время, когда он там находился, — пишет биограф,— он занимался языком и особенно турецкой музыкой, доведя ее до совершенства, которого она была полностью лишена, так как он первым упорядочил турецкую нотную запись»[20]. Затем сообщается, как он стал господарем Молдавии в 1710 году и как заключил союзнический договор с Петром I в апреле 1711 года в Луцке. В взволнованных строках передано прибытие русских войск в Молдавию:

«Русские войска стали лагерем на Пруте, — пишет К. Негруци, — а царь посетил в месяце июле Яссы, где бояре и весь народ встретили его с почетом и уважением, которые полагаются такому великому монарху. Царь оставался в Яссах два дня, по прошествии которых возвратился в свой лагерь»[21].

Читатель узнает интересные подробности о Прутской кампании, об отъезде Д. Кантемира в Россию, его деятельности в Харькове, Москве и Петербурге. Оказавшись в благоприятной для своих научных и литературных занятий среде, Дмитрий Кантемир активно включается в политическую и культурную жизнь России, благодаря чему, как подчеркивает биограф, «Петр проявляет благодарность и щедрость».

В 1722 году Дмитрий Кантемир сопровождает царя в Персидском походе, ведает «политическими делами» и вместе с двумя другими видными сановниками — Петром

---

[20] Цит. по С. Negruzzi, Opere complete, vol. I. Proză, Ed. II, „Minerva", București, 1916, стр. 355.

Семья Кантемира всегда увлекалась музыкой. Советский исследователь Т. Ливанова отмечает следующее:

«В двадцатые годы в доме Кантемиров устраивались ассамблеи, на которых присутствовал Петр I, играли музыканты Екатерины, гости танцевали модные танцы, а затем слушали пение слепого казака под бандуру» (см.: Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, том I. Москва, 1952, стр. 392). В период пребывания в Константинополе Д. Кантемир занимался также турецкой музыкой, написал в 1703—1704 гг. музыкальный трактат „Tarifu ilmi musiki ala vêghi maksus" («Краткое объяснение музыкальной теории»), сочинил много восточных песен (см.: I. C. Chițimia. Dimitrie Cantemir, reprezentant al epocii sale în plan european, „Revista de istorie și teorie literară", 1973, 2, стр. 180; T. T. Burada. Scrierile muzicale ale lui Dimitrie Cantemir. Extras din „Analele Academiei Române". București, 1911; Halil Bedîi Jönetken. Dimitrie Cantemir dans l'histoire de la musique turque, „Actes du Colloque international de civilisation balkanique". Sinaia, 8—14 juillet 1962, București, стр. 145—149).

[21] Там же, стр. 356.

Матвеевичем Апраксиным (1659—1728) и Петром Андреевичем Толстым (1645—1729) входит в «тайный совет царя». Позднее, заболев, «он скончался 21 августа 1723 года».

Биография содержит и некоторые подробности о повседневной жизни Кантемира. Они дополняют величественный облик этой большой и сложной личности. «Дмитрий роста был среднего,—пишет К. Негруци,— худощавый, всегда веселый, голос у него был мягкий и приятный; вставал рано утром и до полудня занимался литературой, потом обедал, после чего, поспав немного по южному обычаю, вновь брался за чтение или письмо. Он был однако вынужден несколько изменить свой образ жизни, когда стал советником Петра Великого и взял в жены молодую женщину»[22].

Автор биографии отмечает эрудицию великого ученого, его постоянную тягу к различным отраслям точных и гуманитарных наук и даже его несомненный талант в архитектуре. Вот соответствующий отрывок:

«Он говорил по-турецки, персидски, арабски, гречески, на латинском, итальянском, русском и молдавском языках; очень хорошо разбирался в древнегреческом, славянском и французском. Больше всего занимался историей, хотя любил философию и математику. Чрезвычайно нравились ему архитектура, и церкви, построенные в трех его селах, свидетельствуют о его таланте в этом искусстве, потому как они, будучи его творениями, отличаются изящным и оригинальным стилем»[23].

Характеристика Д. Кантемира, содержащаяся в биографических заметках издания 1825 года, кажется К. Негруци недостаточной. Это заставляет его внести в данное

---

[22] Там же, стр. 358—359.

[23] Там же, стр. 359. В 1845 году знаменитый русский критик В. Г. Белинский говорил в исключительно хвалебном тоне о Д. Кантемире:

«Князь Димитрий был человек ученый, — говорил он,— с особенным удовольствием занимался он историею, «был весьма искусен в философии и математике и имел великое знание в архитектуре; был членом Берлинской академии; говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латыни, по-италиянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках...» (См.: В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, том 2, Москва, 1948, стр. 734). Заметим кстати идентичность оценки К. Негруци и В. Г. Белинского, данной Д. Кантемиру.

жизнеописание некоторые похвальные оценки в адрес Д. Кантемира и подчеркнуть, в частности, значение этого крупного ученого и его трудов для молдаван. К. Негруци пишет:

«Большинство его трудов известны и ценимы в ученом мире; нет сомнения в том, что место его — среди лучших писателей, живших в конце XVII и начале XVIII веков. Молдаванам же он вдвойне дорог—и как господарь, и как историк. Хотя княжение его было коротким и бурным, все же он проявил мудрость и разумение в управлении делами страны. Как писатель он был первым, кто высказал о Молдавии верные исторические и статистические суждения»[24].

Приведенный отрывок отсутствует в издании 1825 года. Взамен в этом издании под заглавиями «Книги изданные» и «Книги неизданные» включено несколько работ Д. Кантемира[25], которые остались вне поля зрения К. Негруци в 1851 году.

Из сказанного выше приходим к выводу, что К. Негруци принадлежит большая заслуга в оценке и популяризации творчества и личности Д. Кантемира среди молдавских читателей середины прошлого столетия. Следует отметить положительное отношение К. Негруци к Кантемиру — политическому деятелю, человеку, сохранявшему нерушимую веру в святой русско-молдавский союз и его победоносную силу. С этой точки зрения биографический очерк «Краткое жизнеописание князя Д. Кантемира», вышедшее под редакцией К. Негруци в 1851 г., опровергает ошибочные идеи некоторых буржуазных историков, которые позднее станут утверждать, что Д. Кантемир «оставался в России экзотическим гением», что он был личностью, которая «не проявляла желания участвовать в русской жизни»[26].

---

[24] C. Negruzzi. Указ. соч., стр. 359.

[25] Описание Молдавии, цит. произв., стр. 21—22.

[26] Ştefan Ciobanu. Dimitrie Cantemir în Rusia, „Academia Română, Memoriile secţiunii literare", seria III, tomul II, mem. 5, Buc., 1925, стр. 50. См.: В. Н. Ермуратский. «Кончепцииле филозофиче ши сочиал-политиче але луй Димитрие Кантемир» в книге «Дин история гындирий сочиал-политиче ши филозофиче ын Молдова» под. ред. В. Н. Ермуратского, А. В. Щеглова. Кишинев, 1970, стр. 63; P. P. Panaitescu. Указ. соч., стр. 9—13.

Как и К. Негруци, некоторые современные ему писатели также исследуют жизнь и выдающуюся деятельность Д. Кантемира[27].

В 1837 году молодой историк и литературный критик М. Когэлничану издает в Берлине на немецком языке исследование «Молдова и Мунтения. Румынские и валашские язык и литература»[28]. Его целью было ознакомление Запада с некоторыми аспектами литературной и культурной жизни в Дунайских княжествах. Автор возмущен тем, что даже «наиболее образованные люди имеют самые ничтожные сведения о Молдавии и Валахии». Он дает решительную отповедь французскому филологу Фридриху Густаву Эйхгофу (1799—1875), который в своей книге «Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde», Paris, 1836 («Параллель между языками Европы и Индии», Париж, 1836) осмелился огульно ут-

[27] См.: Е. Двойченко-Маркова. Александру Хашдеу и Дмитрий Кантемир «ЛЛМ», 1973, № 3, стр. 70—73; Б. П. Хашдеу. Нотицэ асупра дуор опере а луй Кантемир воевод, ын «Фоица пентру историе ши литературэ», 1, 1859, кол. 69—70; В. Александри в своих заметках по поводу легенды «Думбрава рошие» (1872) указывает как на источник вдохновения творчество «князя Д. Кантемира», из которого цитирует следующий отрывок: «Штефан V, князь Молдавии, победив ляшское войско в Котнаре, где делают знаменитое вино, совсем перебил его; только 15.000 оставшихся в живых впрягли в ярма и заставили вспахать землю длиной две мили и шириной одну милю, в которую пахоту те же ляхи посеяли два леса, которые поляки по сей день называют Буковиной, а молдаване Красной дубравой или Красными лесами, потому как сеяли и сажали их с польской кровью». (См.: Василе Александри. Соч., т. II, Поезий. Сост. В. Коробан и А. Рошка. Кишинев, 1958, стр. 321). Литературный критик из Бессарабии Г. Горе (1839—1909) публикует в кишиневской газете «Бессарабские Областные Ведомости», 6 мая 1867 г. статью «Князь Дмитрий Кантемир (Биографический очерк)», в которую включает и отрывки из биографического очерка, напечатанного в «Описании Молдавии» (1851) под редакцией К. Негруци (См.: И. Е. Осадченко. Русская газета «Бессарабские Областные Ведомости» о Дмитрии Кантемире, в «Материалах научной конференции профессорско-преподавательского состава Кишиневского государственного университета имени В. И. Ленина по итогам научно-исследовательской работы за 1970 год, секция общественных и гуманитарных наук». Кишинев, 1970, стр. 142—144; тот же автор: «Релаций литераре молдо-русешть. Литератул басарабян Георге Горе 1839—1909), газ. «Култура», 1969, № 48, 29 ноября, стр. 12—13.

[28] Михаил Когэлничану, Опере алесе, ку префацэ ши коментарий де И. А. Сорока. Кишинев, 1966, стр. 145—161. Заглавие в оригинале: „Moldau und Wallachei. Romänische oder Walachische Sprache und Literatur". Работа подписана «Молдаванин».

верждать, что молдавский язык «представляет небольшой интерес»[29].!!! Между прочим, этому филологу резко возразил и Карл Маркс в письме к Фридриху Энгельсу, датированном 5 марта 1856 года. К. Маркс отзывался о работе Ф. Г. Эйхгофа «Histoire de la lanque et de la littérature des Slaves», Paris, 1839 («История языка и литературы славян», Париж, 1839) как об «очень плохой книге»[30]. В свою очередь Фридрих Энгельс называет Ф. Г. Эйхгофа «филологическим шарлатаном»[31], допустившим грубые ошибки в трактовке славянских проблем.

Когда М. Когэлничану говорит о литературе прошлого, он отмечает, что «молдаване имеют трех больших историков»: Гр. Уреке, Мирона Костина и Дмитрия Кантемира. Среди них Д. Кантемир, господарь Молдавии, «известен всей Европе», — пишет Когэлничану и добавляет, что он «написал историю Молдавии, которая была напечатана лишь в начале текущего столетия в Яссах»[32]. Далее он представляет труды Д. Кантемира на молдавском языке («Мир и душа», «История двух родов — Брынковяну и Кантакузины», «Вступление к турецкой музыке») и те, что на «иностранных языках» («История роста и упадка Оттоманской империи», «Книга систима, или состояние мухаммеданския религии», «Нынешнее состояние Молдавии» и т. д.).

М. Когэлничану уточняет год и место издания произведений Д. Кантемира, язык, на котором они написаны, и авторов перевода. Порой он очень кратко комментирует названную работу, стремясь таким путем повысить ее значимость в глазах читателя. Так он поступает с «Историей роста и упадка Оттоманской империи», которую рекомендует как «лучшую историю Турции после работы г-на Хаммера»[33].

---

[29] Михаил Когэлничану. Указ. соч., стр. 145 и 400.

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1. Москва, 1957, стр. 532.

[31] Там же, стр. 533.

[32] М. Когэлничану. Указ. соч., стр. 151.

[33] Там же, стр. 152. Иосиф Хаммер-Пургстал (1774—1856) — известный историк-ориенталист, австрийский дипломат. Издал на немецком языке «Историю турецкой империи» в 4 томах (1834—1836). В 1824 г. опубликовал рецензию, в которой резко, хотя не всегда объективно, критикует «Историю Оттоманской империи» Д. Кантемира, утверждая, что «она пользовалась узурпированной репутацией». (См.: P. P. Panaitescu. Указ. соч., стр. 172—173.)

В той же брошюре М. Когэлничану делает обзор творчества ряда современных ему писателей: Г. Асаки, считавшегося «самым крупным поэтом» того времени, К. Стамати, автора «красивых стихотворений», А. Хрисоверги, молодого поэта, «одушевленного любовью к родине», Ал. Белдимана, «достойного молдаванина», который написал «большую поэму о революции Ипсиланти 1821 года», и других. Тут же мы находим ценные сведения о «народных балладах и песнях», которые «составляют ядро нашей национальной поэзии», о печати, школах, научных обществах, музеях и других культурных учреждениях. Исследование М. Когэлничану является первой попыткой написать историю национальной литературы и популяризировать среди европейских читателей наиболее видных представителей молдавской культуры, в первую очередь Д. Кантемира.

Во время своего обучения в Берлине в 1837 году М. Когэлничану издает также, на этот раз на французском языке, обширный обобщающий труд, озаглавленный «История Валахии, Молдавии и задунайских валахов» («Histoire de la Valachie, de la Moldavie et des valaques transdanubiens»). Как и Д. Кантемир, он выражает твердую уверенность в том, что Молдавия и Валахия сбросят тяжкое многовековое турецкое ярмо только с помощью России. Русский народ он называет «северным ангелом-хранителем, который через Адрианопольский мир вернул княжествам древние свободы», которыми они теперь пользуются. «Наше спасение придет с севера, — пишет М. Когэлничану. — Все связывает нас с Россией: она наша мать»[34]. В последующие десятилетия история полностью подтвердила справедливость этих пророческих слов. Мечта двух выдающихся деятелей молдавской культуры осуществилась.

Некоторые страницы этой работы посвящены событиям 1711 года, в частности, дружественным отношениям между Д. Кантемиром и Петром Великим[35].

Несколько позднее в знаменитом «Вступительном слове к курсу национальной истории», произнесенном 24

---

[34] Цит. по Mihail Kegălniceanu. Opere, tomul I. Scrieri istorice. București, 1946, стр. 170. Introducere şi note de Andrei Oţetea.

[35] Там же, стр. 420 и послед.

ноября 1843 года, М. Когэлничану с особой гордостью вспоминает, что в начале XVIII столетия «Молдова видела одну из самых выдающихся личностей — Петра Великого»[36]. Он называет его «великодушным монархом», «героем России», подчеркивая, что он «с сочувствием обращает свой взор на христианские народы» и «для общего блага объединяется с Брынковяну и Кантемиром»[37]. До конца своих дней М. Когэлничану сохраняет чувство глубокого уважения к России и Петру I, верному другу Д. Кантемира. Подтверждением этих мыслей являются слова талантливого оратора, произнесенные в одной из его речей:

«Петр Великий, — говорил М. Когэлничану, — величайший человек, оставил о себе в Молдавии, господа, память, которая никогда не исчезнет. Множество страниц в наших хрониках говорит о его большой душе и сверхчеловеческом гении»[38].

Как известно, М Когэлничану проявил себя как собиратель и издатель молдавских хроник («Летописицеле Цэрий Молдовей», Яссы, т. 1, 1852; т. 2, 1845; т. 3, 1846). В «Нотице биографиче а кроникарилор Молдовей» («Биографические заметки о летописцах Молдавии») он называет Петра I «освободителем христианских народов Турецкой империи»[39]. Стремясь, главным образом, сделать национальную историю достоянием своих соотечественников, М. Когэлничану в то же время не забывает знакомить также иностранцев с наиболее интересными страницами наших хроник. В 1845 году он издает в Яссах на французском языке два тома, озаглавленных: «Избранные места из молдавских и валашских хроник к изучению истории Петра Великого, Карла XII, Станислава Лещинского, Дмитрия Кантемира и Константина Брынковяну» («Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand, Charles XII, Stanislav Leszczynski, Démètre Cantemir et Constantin Brancovan»). Отрывки из произведений Мирона Костина,

---

[36] М. Когэлничану. Указ. соч., стр. 254.
[37] Там же, стр. 261.
[38] Цит. по И. Сорока. Михаил Когэлничану и русская культура, в книге: «Релаций литераре молдо-русо-украинене». Кишинев, 1962, стр. 95.
[39] См.: Летописецеле Цэрий Молдовей, том. 1. Яссы, 1852 стр. 19.

Иона Некулче, Аксинте Урикару и других подробно комментируются издателем. Страницы из хроник выявляют наши тесные многовековые связи с соседними народами — русскими, украинцами, поляками и раскрывают различные аспекты совместной кровавой борьбы против общего врага — турецких и татарских захватчиков.

Русская печать XIX столетия высоко оценивала научную деятельность М. Когэлничану и, в частности, «Избранные места» из хроник, значительная часть которых была воспроизведена[40].

Перевод «Сатир» Антиоха Кантемира на молдавский язык, сделанный в 1844 году А. Доничем и К. Негруци, двумя видными писателями своего времени и лучшими знатоками русского языка и литературы, был событием огромного значения.

Интересно отметить, что еще до выхода «Сатир» К. Негруци и М. Когэлничану намеревались издать де-

---

[40] См.: Н. Г., Петр Великий на берегах Прута. «Журнал Мин. нар. просвещения», 1847, ч. 53, № 1—3, стр. 29—76 и 85—123; Рецензия в «Современнике», 1847 г., т. 5, стр. 112—118; Л. Т. Чебан. Прутский поход русской армии в молдавских летописях в переводе на русский язык Н. Гербановского (источниковедческий анализ), «Материалы научной конференции Кишиневского госуниверситета, посвященной 300-летию со дня рождения Дмитрия Кантемира (1673—1973)». Кишинев, 1974, стр. 57—66; «Русский инвалид», 1847, № 121, 3 июня, стр. 484; № 122, 4 июня, стр. 488; «Северная пчела», 1838 (№ 75, 77, 82); «Очерк истории, нравов и языка цыган (из сочинений Когэлничана)» — комментированный перевод „Esquisse sur l'histoire, les moeurs et la langue des cigains, connus en France, sous le nom de Bohémiens par Michel de Kogalnitschan", изданный в Берлине в 1837 г. 2 декабря 1841 г. М. Когэлничану становится действительным членом Одесского Общества истории и древностей (см.: «Записки Одесского Общества истории и древностей», 844, т. 1. Одесса, стр. 568). К вопросу о связях М. Когэлничану с Россией см.: Ю. Я. Баскин. К вопросу о формировании общественно-политических взглядов Михаила Когэлничану, «Ученые записки» Кишиневского госуниверситета, 1960, т. LII (Юридический), стр. 102; Е. М. Двойченко-Маркова. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. М., 1966, стр. 227—244. Dan Simonescu. Mihail Kogălniceanu şi poporul rus, „Veac nou", 1956. N 25. 22 iunie; M. Kogălniceanu. Scrieri alese, ediţie îngrijită şi prefaţă de Dan Simonescu. Ediţia a II-a, Bucureşti, 1956, стр. 20 (Prefaţă); N. Bagdasar. Concepţia istorică a lui Mihail Kogălniceanu, „Studii şi cercetări ştiinţifice. Filologie", VIII, 1957, fasc. 2, стр. 239—264; Al. Husar. Patriotul Kogălniceanu şi Europa, „Studii şi articole de istorie", vol. XII, 1968, Bucureşti, стр. 75—76; G. Bezviconi. Contribuţii... Указ. соч., стр. 274—278.

вять томов сочинений Дмитрия и Антиоха Кантемиров[41]. Оба писателя, «побуждаемые многими боярами, ревнителями национальной литературы, и, главным образом, их собственной наклонностью»[42], подписали прошение господарю М. Стурдзе — дать свое соизволение, «дабы возможно было выпустить в свет целое собрание трудов Дмитрия и Антиоха Кантемиров»[43]. Оригинал этого текста написан рукой К. Негруци. Просители говорят в самых высоких степенях об этих двух выдающихся людях и их творчестве, которое, к великому сожалению, «в Молдавии неизвестны».

Дмитрию Кантемиру, «ученому князю, желавшему своей родине счастья и просвещения», повезло, что «заслугами своими он завоевал расположение и дружбу бессмертного просветителя России». Пламенный патриот, выдающийся писатель, историк и философ Дмитрий Кантемир, пишут авторы прошения, «в своих нетленных писаниях обессмертил имя Молдавии (которая до того считалась в цивилизованной Европе дикой пустыней, населенной варварскими ордами) ...и воздвиг себе вечный памятник как на чужбине, так и в сердце своих земляков»[44].

К. Негруци и М. Когэлничану отмечают, что «труды его, написанные по-гречески и по-латыни, переведены чуть ли не на все культурные языки» и только то, что написано на родном языке, осталось ненапечатанным, «однако с благоговением сохранено в библиотеках знаменитых университетов России, президентом которых он назначался великим Петром»[45].

Далее говорится о писателе Антиохе Кантемире, «который первым упорядочил славянское стихосложение (как утверждает Шафарик), а его поучительные сочинения под названием «Сатиры», напечатанные по-русски

---

[41] См.: Ион Осадченко, Василе Александри и русская литература (А. С. Пушкин и Антиох Кантемир) в книге «Де ла кронографие ла литература модернэ», Студий историко-литераре. Кишинев, 1974, стр. 170.

[42] Цит. по Dan Simonescu, Mihail Kogălniceanu ca tipograf şi editor la Iaşi. „Studii şi cercetări de bibliologie", II, Bucureşti, 1957, стр. 178 (прилож. 1). Далее: «Студий ши черчетэрь».

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] Там же.

и сразу же переведенные на французский, принесли ему славу русского Буало»[46].

К. Негруци и М. Когэлничану выделяют также деятельность Антиоха Кантемира в качестве «посланца русского двора» в Париже «в самые бурные времена Франции». Благодаря его дипломатическому таланту, «он сумел заставить уважать страну, которую представлял».

Доводы, выдвинутые издателями с такой страстной и убедительной силой, а также обещание написать посвящение господарю «в начале трудов Кантемиров», способствовали удовлетворению просьбы. Доказательством служит резолюция господаря: «Поставить в известность подписавшихся, что их предложение нами с благодарностью принимается. 20 августа 1839 г.»[47]

Поданное господарю прошение сопровождалось специальным издательским планом, напечатанным на четырех страницах в типографии «Албина» 1 декабря 1838 г. и озаглавленным «Полное собрание сочинений Димитрия и Антиоха Кантемиров, опубликованные кэминаром К. Негруци и адъютантом[48] М. Когэлничану». Приводим здесь вступление к этому знаменательному документу эпохи, кстати сказать, мало известному нашему читателю.

«Ежели у молдаван есть писатели, которыми они могут гордиться перед Европой, то ими, несомненно, являются Кантемиры, отец и сын. Дмитрий Кантемир, известный господарь Молдавии, советник и друг Петра Великого, знаменит во всем просвещенном мире своими сочинениями. «История Оттоманской империи» переведена почти на все языки и печаталась многократно. Сын его Антиох Кантемир, вынужденный обстоятельствами избрать себе другую родину, — первый поэт-сатирик России; своими остроумными «Сатирами» он стал не менее известным, чем блистательный его родитель, и заслужил славу русского Буало. Двое из самых видных русских писателей, Жуковский и Батюшков, столь похвально отозвались о нем, что к его прославлению мы уже более ничего добавить не можем. И вот, когда вся Европа восторгается этими двумя выдающимися людьми, только мы, мол-

---

[46] Там же.
[47] Там же, стр. 179.
[48] Кэминар, адъютант — придворные звания.

даване, соотечественники их, оказались невнимательными к их славе, хотя ее лучи освещают и нас. Все цивилизованные народы увековечивают имена великих соотечественников в бронзе, на полотне и в книгах. А у нас даже нет на родном языке полных сочинений этих двух молдаван, которые столь же славно послужили родине своим пером, сколь Штефан своим мечом. Подобная невнимательность — позор, который мы должны поспешить искупить достойным Кантемиров и молдаван образом. Самым прекрасным памятником, который мы могли бы возвести этим двум выдающимся мужам, было бы полное издание их сочинений. Вот позиция, которая объединила нас и укрепила высокую уверенность в том, что все румыны и особенно молдаване оценят и будут способствовать осуществлению этого начинания, которое окажет честь нашей эпохе. Мы сказали достаточно; пусть нам помогут, и наши дела докажут большее, нежели наши обещания»[49].

Несомненно, что этот документ является одной из самых волнующих страниц истории нашей литературы. Воодушевленные высоким патриотическим чувством, К. Негруци и М. Когэлничану не без основания считали, что предпринятое ими издание не только «окажет честь нашей эпохе», но и станет действенным вкладом в укрепление традиционных молдаво-русских литературных связей и ускорит прогресс культуры в Молдавии, повышая одновременно авторитет нашей литературы «перед Европой».

Условия подписки предусматривали, что все девять томов будут выпущены «со всей типографской роскошью», на мелованной бумаге и с «портретами обоих Кантемиров». Затем следовали заглавия соответствующих томов с именами автора, составителя или переводчика. Изучая ценный документ эпохи, ученый-историк Дан Симонеску сделал вывод, что намерение «издать многотомное полное собрание сочинений, иллюстрированное, сопровождаемое вступительными библиографическими статьями, свидетельствует о весьма передовых позициях в области научного издательства»[50].

В предисловии к изданию «Сатир» А. Кантемира в 1844

[49] «Студий ши черчетэрь...», стр. 179.
[50] Там же, стр. 169.

году К. Негруци с глубоким сожалением отмечал, что «к несчастью, ни один голос не отозвался на призыв» и что план-проспект, опубликованный в 1838 году в «Албине» Г. Асаки, который предусматривал издание полного собрания сочинений Антиоха и Дмитрия Кантемиров, «был гласом вопиющего в пустыне». Однако, несмотря на это, он сыграл большую положительную роль в нашей литературной жизни и показал «недоброжелательным чужакам нечто лучшее, нежели хромоногие переводы и немощные поделки, которых у нас такое множество»[51]. Проспект был реализован частично и с определенным опозданием, так как издатели не собрали необходимого количества в «двести подписчиков», которые гарантировали бы, что «издание начнется и закончится за полтора года»[52]. К. Негруци и М. Когэлничану рассчитывали на то, что числящиеся в списке «не поскупятся оценить их труды и помочь в столь сложном предприятии»[53]. Но надежды эти оправдались не полностью. Были изданы, как указывалось выше, только «Сатиры» Антиоха Кантемира в 1844 г. и «Описание Молдавии» в 1851 году.

К. Негруци и М. Когэлничану не указали в своих работах на противоречия, неточности и ошибки, встречавшиеся порой в некоторых трудах Д. Кантемира. Это является почетной обязанностью нашей современной науки[54].

---

[51] Там же.

[52] Там же, стр. 179.

[53] Там же, стр. 178.

[54] Обращаем внимание на ряд ценных работ последних лет, которые не были указаны в данной статье: И. Вартичан. «Иероглифическая история» Д. Кантемира (вступит. статья к книге: «Димитрие Кантемир, История иероглификэ»), второе издание. Кишинев, 1973, 394 стр.; тот же автор. «Выдающийся ученый и общественно-политический деятель», «Коммунист Молдавии», 1973, № 10, стр. 44—50; В. Потлог, Мисия елибератоаре а Русией ын опера луй Димитрие Кантемир, «Нистру», 1971, № 9, стр. 135—140; того же автора, Димитрие Кантемир ын Русия, «Ынвэцэторул советик», 1973, № 9, стр. 45—50; Димитрий Кантемир. Описание Молдавии. Перев. с латинского Л. Панкратьева. Общая редакция, вступительная статья, примечания и комментарии профессора В. Н. Ермуратского. Кишинев, 1973, 222 стр.; В. Ермуратский, Дмитрий Кантемир—мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973, 154 стр.; В. Коробан. «Димитрий Кантемир—писатель-гуманист». Кишинев, 1973, стр. 284; Т. Урсу, Лимба хроникулуй луй Димитрие Кантемир. Под редакцией академика И. К. Вартичана, Кишинев, 1973, 256 стр.; Е. Русев, Димитрие Кантемир — ом политик кларвэзэтор, «Нис-

Исследование и оценка обширного научного и литературного творчества Д. Кантемира — это дань глубокой благодарности нашему великому ученому и писателю к 300-летию со дня его рождения.

тру», 1973, № 10, стр. 84—94; А. Матковски, Референце русешть ла опера ши персоналитатя луй Димитрие Кантемир, «Нистру», 1973, № 10, стр. 108—114; «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1973, № 3, стр. 1—73, номер, посвященный 300-летию Д. Кантемира. Статьи Е. Руссева, В. Коробана, И. Осадченко, А. Матковски, В. Бадиу, Ф. Котелник, Е. Двойченко-Марковой; Ion Verdeş. Dimitrie Cantemir, patriot, gânditor şi om de ştiinţă, „Din istoria filozofiei în România", vol. II. Buc., 1957, стр. 35—111; Constantin Măciucă. Dimitrie Cantemir. Buc., 1962, 302 стр.; Dan Bădărău. „Filozofia lui Dimitrie Cantemir". Buc., 1964, 410 стр.; Petru Vaida. Dimitrie Cantemir şi umanismul. Buc., 1972, 302 стр.; „Revistă de istorie şi teorie literară", 1973, № 2, стр. 177—218; на статьи И. К. Кицимии, Михая Морару, Мирчи Ангелеску, В. Хари, Т. И. Константина, Жеорже Ницу, посвященные 300-летию со дня рождения Димитрия Кантемира. Dimitrie Cantemir, Descrierea Moldovei. Traducere după originalul latin de Gh. Guţu, întroducere de Maria Holban. Comentariu istoric de N. Stoicescu... Bucureşti, 1973, 401 стр.

В. П. ГРЕБЕНЮК

Д. Кантемир и Ф. Прокопович. Литературная полемика

Полемический отклик Дмитрия Кантемира на книгу Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» отразил существенные стороны идеологической жизни петровского времени, эта полемика раскрывает нам позицию Дмитрия Кантемира по ряду вопросов, волновавших русское общество[1].

Реформатор России Петр I ясно понимал, что «когда нет света учения, нельзя не быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем»[2], что поэтому всякая реформа только тогда укореняется в народе, когда она начинает проводиться с молодого поколения. С этой позиции Петр обратил главное внимание на подрастающее поколение, в котором таились будущие обновительные силы России и которое отличалось большею восприимчивостью к новым впечатлениям и порядкам. Большое значение для распространения грамотности среди широких слоев населения придавалось азбуковникам и букварям. Все допетровские печатные буквари отличались витиеватостью изложения и проводили идеи строгого следования традициям отцов и презрения к иностранным ересям; даже «Букварь языка словенска, сиречь начало учения детям», изданный по распоряжению и под надзором Петра в 1704 г. и перепе-

[1] На эту полемику впервые обратил внимание И. А. Чистович в своей книге «Феофан Прокопович и его время». СПб., 1868, стр. 50—57. Специально этому вопросу была посвящена небольшая статья Д. Извекова «Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича»— журнал «Заря», август 1870, отд. II, стр. 1—35. Касается полемики и П. Морозов в статье «Феофан Прокопович как писатель» — «Журнал Министерства народного просвещения», 1880, ч. 210, стр. 295—301.

[2] Духовный регламент — цит. по кн.: Полное собрание законов Российской империи, т. VI, № 3178. СПб., 1830, стр. 330.

чатанный в Москве в 1708 г., не мог отойти от этой старой традиции. В 1717 г. в С.-Петербурге появилось «Юности честное зерцало», предназначенное для широких масс народа, где ясно и понятно излагались основные правила поведения молодых людей. Эта книга сыграла немалую роль в борьбе за перестройку идеологии и быта русских людей, но ее было явно недостаточно. Повелевая сочинить новую книжицу для детей, приступающих к изучению грамоты, Петр желал, чтобы в ней были раскрыты те же воззрения, какие лежали в основании его церковно-образовательной реформы и которые с достаточной полнотой и ясностью были выражены в правительственных указах, а особенно в «Духовном регламенте». Вследствие таких соображений он и поручил «главному церкви всея правителю» и «правой руке своей на троне» Феофану Прокоповичу составить букварь. В 1720 году Ф. Прокопович напечатал свой букварь-катехизис под названием «Первое учение отроком в нем же буквы и слоги, таже: краткое толкование законнаго десятословия, Молитвы Господни, Символа Веры и девяти блаженств». Катехизис Прокоповича вполне отвечал требованиям и пожеланиям Петра, отличаясь от массы современных ему букварей простотой и доступностью изложения, а также тем, что было очень важным, что в нем не было порицания иноземцев и их вероучений. Петр сразу же приказал назначить «Первое учение» для воспитания всем отрокам и обязал читать его по всем церквам дважды в день, так чтобы все прочитать в четверть года. Чтобы подчеркнуть, какое значение придавали этой книжице, отметим, что с 1720 г. по 1724 г. букварь выдержал 12 изданий и был разослан по епархиям, с которых за него в принудительном порядке взимались деньги[3]. Эту книгу в соответствии с указом от 26 февраля 1723 г. было положено читать в Великий Пост в церквах вместо творений Ефрема Сирина[4].

Противники Петровской реформы и одного из ее идеологов Феофана Прокоповича, ясно понимая цель и назначение «Первого учения отроком», ожесточенно обруши-

---

[3] С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, стр. 66.

[4] Полное собрание законов Российской империи, т. VII, № 4172. СПб., 1831.

лись на Прокоповича. Особый интерес вызывает тот факт, что среди критиков Феофана Прокоповича оказался человек многообразованный и прогрессивный, разделявший основные направления петровских реформ, — Дмитрий Кантемир. До нас дошли два списка его полемического произведения: один из них на латинском языке находится в Москве, другой на русском языке хранится в Ленинграде. Московский список представляет собой автограф Дмитрия Кантемира и носит название Loca obscura in Kathechisi, quae ad anonimo autore Slaveno ediomat edita et «Первое учение строком» intitulata est, dilucitate autore principe Demetrio Cantemirio— «Темные места в Катехизисе, который безыменно на словенском языке издан и «Первое учение отроком» именован бысть, объясненные князем Димитрием Кантемиром». Рукопись хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в собр. Московской духовной академии № 277[5].

Статья Д. Кантемира обширна, содержит более 100 листов и состоит из предисловия, исследования и эпилога. Кантемир последовательно разбирает содержание «Первого учения отроком» и останавливается на тех частях, которые противоречат его взглядам, а также разбирает выражения и понятия, которые, по его мнению, неверно объясняются Ф. Прокоповичем. В какой-то мере полемика Д. Кантемира с Ф. Прокоповичем — продолжение старых споров, идущих от XVII века: по какому пути идти развитию образования на Руси. Ориентироваться ли на Запад, или развивать наследие православного Востока. Еще Симеон Полоцкий, учитель детей царя Алексея Михайловича, написал книгу «Жезл правления», где все ссылки и примеры приводятся из западных источников, цитируются отцы церкви, почитаемые на Западе, и опускаются Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, Иоанн Дамаскин и другие столпы православного Востока. При Петре, когда влияние Запада особенно сказывалось на всех сторонах общественной жизни, религиозное восприятие части духовенства сближалось с западным протестантизмом. Видным сторонником этого направления был Ф. Прокопо-

---

[5] Рукопись на латинском и русском языках, переплет картонный, обтянут кожей с золотом тиснением, скоропись 1 пол. XVIII в, филигрань — Герб Амстердама с литерами MARCPAIX и литерами JB (Клепиков — 1719—1720 гг.), размер 20+15,5. Содержит 126+VI лл.

вич. Д. Кантемир был верным приверженцем древнего греческого благочестия и образования. Это и послужило причиной столь резкого отзыва на букварь-катехизис Ф. Прокоповича. Не вдаваясь в догматический характер полемики, отметим, однако, что Кантемир выступил против пренебрежительного отношения Ф. Прокоповича к иконопочитанию и обрядовой стороне народного православного обихода. Ф. Прокопович с осуждением говорил, что простой народ оказывает чрезмерное почтение своим домашним иконам, носит их в церковь и перед ними молится, пренебрежительно отзывался о почитаемых русских святых и их мощах. Д. Кантемиру чуждо было суеверное отношение к святыням, он сам осуждает различные сказки о почитаемых волосах Иисуса Христа, молоке Божией Матери, слезах Марии Магдалины и обличает тех священнослужителей, которые распространяют эти небылицы. Вместе с тем Д. Кантемир стоит за уважение традиций русского народа, бережного отношения к его святыням, за почитание русских святых и укоряет Ф. Прокоповича в суровости приговора простоте и невинности суеверия, в которое впадают простые люди из народа.

Особое внимание привлекает отношение Д. Кантемира к толкованию пятой заповеди в катехизисе Прокоповича, где говорится: «А дети должни родителем всякое усердие... И без их благословления не начинать ни каковаго дела важнаго, наипаче не избирать чина жития брачнаго или монашескаго»[6]. Нужно отметить, что в толковании этой заповеди Ф. Прокопович стоял на традиционной, идущей еще от Домостроя точке зрения. Возражая против этой трактовки, Д. Кантемир с удивительной для своего времени смелостью решительно выступает против принуждения детей к браку во имя богатства или чинов, против какого-либо насилия над личностью. Он пишет: «А еже, глаголется не избирати чина жития брачного, за позволением автора, рекл бы: не подлежит сему общественному закону, яко же бо сын не должен без поизволения и благословления родителей сию или оную отроковицу или вдову в супружество пояти, тако ж ни же родители сына понудити могут, да оный браком не сочетается. Или сию, или оную отроковицу или вдову в жены себе

[6] Первое учение отроком... 2-ое изд., СПб., Троицкий Александро-Невский монастырь, 1721, лл. 12 об. — 13.

поймет, с каковыми ему ни по возрасту, ни по люблению, каковое-либо сходство быти. Показуется, яко грешит сын без благословления родителей брачное творя сочетание, тако грешат и родители насилию сынов своих браком с таковыми сопрягающими от каковых и возвраст и естества склонность и страсти душевные их отвращают»[7]. На конкретном примере Д. Кантемир разъясняет свое положение, что если родители понуждают своего сына четырнадцати лет взять в жены сорокалетнюю, или с каким-либо пороком, а сын отказывается, но «родители в своем лакомстве и похотном желании непреклонны пребывали, а паче меры душу его оскорбляли, таковой сын, яко мню, не обязан повиноваться таковым своим родителем»[8]. Отстаивая право детей самим решать вопрос о принятии монашеского пострига, Кантемир ссылается не только на святое писание, но и на славнейших из язычников Платона и Вергилия. Это был выпад не только против Прокоповича, но и самого Петра, так как Петр, стремясь уменьшить количество монахов, ставил различные препоны принятию монашеского сана и требовал от своих приближенных, чтобы они не разрешали детям своим уходить в монастырь.

Следует отметить, что традиционно на Руси проблема взаимоотношений отцов и детей решалась в плане безоговорочного и безусловного подчинения детей своим родителям. Но уже XVII век расшатал домостроевские устои. В «Повести о Горе-Злочастии», в «Комедии притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого хотя и показывается, к чему приводит стремление жить по своей воле и уму, но уже нет безоговорочного осуждения героя. В «Повести о Фроле Скобееве» плут и ябедник Фролка Скобеев уводит Аннушку, дочь знатного стольника Ордина-Нащекина, которая сама помогает ему обмануть своего отца и добиться признания их брака. Чувства бедного дворянина Фрола Скобеева и дочери знатного стольника одерживают верх над сословными преградами, симпатии автора, хотя и не высказанные, явно на стороне плута Фролки Скобеева.

Д. Кантемир, осуждая людей, которые хотели упрочить свое положение и благосостояние с помощью удач-

---

[7] ГПБ, собр. Толстого № 433, л. 59 .
[8] Там же, л. 60.

ного брака, действовал в духе новых петровских веяний в раскрепощении человека как личности. Для петровской эпохи этот вопрос был особенно злободневен. Впервые женщина стала появляться в обществе, невест уже не держали взаперти, а возили по ассамблеям, молодые люди уже могли «наперед видеть своих невест, с кем навек должны совокупитися», личные качества стали играть бо́льшую роль, чем чины и богатства. Как свидетельствовал историк XVIII века Щербатов, «страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чювствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чювствующия красоты, начали силу ея познавать»[9]. Постановка Д. Кантемиром проблемы освобождения человека от брака по принуждению была, несомненно, своевременной и актуальной: через 2—3 года эта мысль нашла свое законодательное воплощение в Указе Петра I, где под угрозой больших штрафов запрещались браки по принуждению, в чем родители детей должны были давать специальную клятву[10].

Примечательно, что обличение Д. Кантемиром тех, кто ставит богатства и чины выше личных достоинств, было продолжено его сыном Антиохом Кантемиром, который во второй сатире прямо говорит о возвышении людей в результате личных заслуг и достойных большего уважения, чем богатые тунеядцы из знатных фамилий.

Д. Кантемир, вообще избегающий резких полемических выпадов, заключает свой разбор «Первого учения отроком» ироническим замечанием насчет автора этой книги: «Мнози быть могут, иже отвне жезл и одежду пастырскую носити являются; внутрь же наемници волкам безопасно лохищати покушающии; паче же сами, овчею прикрывшеся кожею, волцы суть. Восклицаше иногда Кикерон, римского краснословия начальник: o tempora, o mores! не потребно ли ныне восклицати: о церкви, о пастырей!»[11]

---

[9] М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. — Сочинения князя М. М. Щербатова, том. II, Статьи историко-политическия и философския. СПб., 1898, стлб. 152.

[10] Указ Святейшаго Правительствующего Синода генваря в 4 день 1724 года.

[11] ГПБ, собр. Толстого № 433, л. 93.

Полемическое выступление Д. Кантемира вызвало немедленный отклик Ф. Прокоповича, который написал «Письмо к преподобнейшему отцу», где язвительно и резко обрушивается на своего оппонента, называя его рассуждения легкомысленным учительством, однако ничего серьезного и глубокого по существу замечаний в Письме не приведено. Прокопович очень опасался, что «слышавше оное прекословие, человеци простии не похотят отрокам своим сего толь полезнаго давати наставления, и тако многие отроци в грубости и неставлении останутся, и желание царского величества и желание всех нелицемерно благочестных, вотще пойдет за положенное учение, сему препятие прекословием толь неискусным и неправедным»[12].

О том, что эта полемика привлекла внимание общества, говорит тот факт, что «Темныя места в катехизисе» Д. Кантемира и «Письмо к преподобнейшему отцу» Ф. Прокоповича были переведены на русский язык. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в собрании Ф. А. Толстого под № 433 хранится рукопись, включающая эти полемические произведения[13]. Рукопись писана рукою Ивана Ильинского, переводчика и домашнего учителя детей Д. Кантемира, на бумаге императорской бумажной фабрики начала 20-х годов XVIII в. Рукопись принадлежала Дмитрию Михайловичу Голицыну — зятю Д. Кантемира, видному деятелю XVIII века и владельцу одной из самых богатых библиотек петровского времени. Поскольку Голицын хорошо знал латынь, то едва ли перевод этих произведений был предназначен для его библиотеки, вероятнее, что рукопись досталась ему после смерти Д. Кантемира, кото-

---

[12] Там же, л. 105.

[13] Рукопись первой трети XVIII в. на русском языке с отдельными словами на греческом и латинском языках, переплет картонный, обтянут кожей, 4°, бумага императорской бумажной фабрики нач. 20-х годов XVIII в., 105+II лл. На л. 1 пометы: «№ 251» и «№ 104»; «1755 году»; экслибрис: «из библиотеки графа Ф. А. Толстого» отдел II № 433. На л. 1 экслибрис библиотеки Д. М. Голицына: «Ex Bibliotheca Arcangelina». На лл. 2—4 автограф князя Дмитрия Михайловича Голицына. Рукопись содержит: лл. 1—193 — «Темныя места в катихисисе» от безыменного автора на словенском языке издан. И Первое учение отрокомименован есть»; лл. 94—105 — «Письмо к преподобнейшему отцу» Феофана Прокоповича.

рый, видимо, приказал сделать этот перевод для ознакомления широкого круга людей, не знающих латыни.

Сам факт, что Д. Кантемир так глубоко интересовался проблемами, стоящими перед Россией, откликался искренне, не страшась гнева людей, стоящих у кормила власти, гнева самого императора, под чьим покровительством Ф. Прокопович создавал свой учебник, характеризует его как человека принципиального, отстаивающего свои убеждения и взгляды и переживающего за страну, которая стала для него второй родиной.

Е. Ф. БЕЛОУСОВА

Влияние Дмитрия Кантемира на Антиоха Кантемира

Очень естественно, что у такого отца дети были людьми учеными и образованными.

В. Г. Белинский

В канун трехсотлетия со дня рождения Дмитрия Кантемира в нашей стране и за рубежом появились новые исследования, посвященные его многогранной научной, литературной и общественной деятельности. Интерес к личности и сочинениям бывшего молдавского господаря не только дань уважения к его памяти по случаю знаменательной даты.

Труды выдающегося молдавского ученого и писателя получили всеевропейское признание еще в первые десятилетия XVIII века, в период пребывания его в России. Берлинская Академия наук избирает Кантемира своим почетным членом (1714), а позже Вольтер использует материалы его исторических трудов в своих сочинениях. Такая оценка заслуг редко выпадала на долю даже выдающихся писателей.

С именем Дмитрия Кантемира связано и формирование глубокого и оригинального дарования его сына, первого русского поэта — Антиоха Кантемира. Еще задолго до публикации его сочинений в России (1762) за Антиохом прочно укоренилось мнение как об одном из самых образованных людей своего времени.

Его сатиры и басни в рукописных списках были широко известны русскому читателю, его блестящие научные и дипломатические способности получают признание в Англии, а пребывание Антиоха Кантемира во Франции оказало воздействие на развитие русской темы во французской литературе.

Впервые вопрос о духовной и творческой близости двух выдающихся просветителей, Дмитрия и Антиоха Кантемиров, был поставлен в статье Белинского «Кантемир» (1845).

В примечаниях к сатире «О воспитании» (1739) Антиох Кантемир вводит в русский язык слово «критика», но именно литературная критика целое столетие оставалась в долгу перед поэтом и его творчеством. Русские исследователи до Белинского глубокого анализа сочинениям сатирика не давали, ограничиваясь общей оценкой творчества (Новиков) или видя в первом русском поэте «нашего Ювенала и Горация» (Жуковский). С недооценкой творчества Антиоха Кантемира мы встречаемся и в ранних статьях Белинского («Литературные мечтания», 1834; «Русская литература в 1840 году», «Русская литература в 1841 году»).

Выдающийся русский критик, выдвинувший в это время тезис «у нас нет литературы», недооценивал не столько Кантемира, называя его «великим талантом», сколько роль сатиры и русской литературы XVIII в. в целом.

В 40-е годы критический талант Белинского достигает своего расцвета, в этот период он создает самые зрелые исследования в области литературы и общественного развития.

Только с учетом принципа историзма Белинский мог прийти к новому решению многих вопросов реалистической эстетики, по-новому взглянуть на русскую литературу допушкинского периода и провозгласить: «У нас есть литература». Именно в это время и создавалась статья «Кантемир». В ней, как известно, Белинский уделяет большое внимание личности и научной деятельности бывшего господаря Молдавии. Новым в русской и мировой критике было то, что Белинский, говоря о Кантемирах, показывает их жизнь и творчество в неразрывной связи с общественным развитием России и прогрессивными для своего времени преобразованиями Петра. Отдавая дань глубокого уважения Дмитрию Кантемиру, говоря о его колоссальной эрудиции во многих областях науки, просвещения и культуры, русский критик особо подчеркивает роль отца в воспитании и образовании его детей и особенно Антиоха. Здесь же было упомянуто имя Феофана Прокоповича, сыгравшего немаловажную роль в жизни русского общества и судьбе Кантемира.

Таким образом, Белинский называет основные факторы, определившие формирование нравственно-интеллектуального облика сатирика: русская действительность периода петровских реформ, усилия учителей и отца и под-

держка Прокоповича. В то же время критик понимает, что эти факторы могли дать положительный эффект только при наличии исключительных способностей Антиоха и его тяге к знаниям.

Глубокий анализ русской действительности, оценка ее воздействия на Кантемира предваряют разбор сочинений поэта, находясь в неразрывной связи друг с другом.

В процессе формирования личности и творческих интересов Антиоха Кантемира можно рассматривать три основных этапа. Это, во-первых, обучение и воспитание под руководством учителей и отца; во-вторых, пребывание в Заиконоспасском монастыре; в-третьих, занятия в Петербургской Академии наук, созданной Петром.

Исследователи жизни и творчества первого русского сатирика, говоря о влиянии на него Дмитрия Кантемира, рассматривают названные этапы в отрыве друг от друга, отдавая явное предпочтение первому и не видя их диалектического единства. Каждый из названных этапов, на наш взгляд, хотя и имеет временные границы и свою специфику, способствовал интеллектуальному развитию молодого Кантемира и являлся необходимым звеном в единой цепи воздействия на формирование его личности и творчества.

Заиконоспасская академия менее всего оказала влияние на будущего поэта-сатирика. Это объясняется не только краткостью пребывания в ней Кантемира, но и прежде всего тем, что здесь царила схоластика, претившая любознательному юноше, отличавшемуся строгостью суждений и рационалистичностью ума. Риторика, пиитика и богословие не могли удовлетворить его пытливый ум.

Московская духовная академия сыграла определенную роль в просвещении, но в петровское время она решительно не отвечала требованиям, которые выдвигала сама жизнь. Не принесла она и той пользы, какой ожидал от нее ее знаменитый основатель Симеон Полоцкий. Если из нее вышли такие светила русской науки и культуры, как А. Кантемир и М. Ломоносов, то Россия этим обязана не столько Заиконоспасской академии, сколько духу времени, торжеству которого так много содействовал Петр.

По свидетельству ученых прошлого, влияние Московской академии на Кантемира «не могло быть значитель-

ным»[1]. В самом деле, риторика здесь сводилась к заучиванию чисто механических приемов, к набору громких фраз; логика была не чем иным, как набором силлогизмов, непригодных к жизни. Здесь ломали голову над тем, человек ли женщина или отчего у нее не растет борода; обсуждался вопрос, росли ли в раю розы без шипов, существует ли рай и в настоящее время и каким он был при Адаме и Еве и т. д.

И все же этот период в жизни будущего сатирика нельзя обойти молчанием, потому что здесь Антиох Кантемир совершенствует свои знания в области русской словесности и здесь было прочитано первое произведение, написанное им в десятилетнем возрасте. Вот как описано это событие биографом Кантемира.

«Утром 26 октября 1719 года на дворе Заиконоспасского монастыря стояло множество экипажей; в церкви была страшная давка и теснота: десятилетний преображенский солдат светлейший князь Антиох Кантемир говорил панегирическое слово в похвалу св. великомученика Димитрия Фессалоникийского. Сам царь нарочно приехал послушать своего малолетнего преображенца; остался чрезвычайно доволен его проповедью и свое удовольствие изъявил отцу его Димитрию Константиновичу, тут же присутствовавшему»[2].

Исследователи творчества Антиоха Кантемира по-разному относятся к этому выступлению юного поэта, но все они единодушны в следующем: первое сочинение будущего сатирика было написано на греческом языке; оно было посвящено отцу Дмитрию Кантемиру; следы этого сочинения были утеряны; его нельзя считать самостоятельным, т. к. в его написании, по-видимому, участвовал отец или наставник Антиоха.

Литературоведы сомневаются в оригинальности сочинения Антиоха Кантемира только на том основании, что пятью годами раньше (1714) с подобным «Словом» выступил в Петербурге старший брат нашего поэта Шербан, которому шел в то время седьмой год. Его «Слово» было написано под прямым влиянием отца и адресовано Петру I. Сочинение Шербана Кантемира также было на-

[1] А. Д. Кантемир, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893, стр. 33.

[2] Собрание сочинений известнейших русских писателей. Вып. II, Избранные сочинения князя А. Д. Кантемира. М., 1849, стр. 3.

писано на греческом языке, в том же году было переведено на русский и латинский языки и опубликовано в Петербурге с сохранением авторства за семилетним поэтом. Мысли, содержащиеся в «Слове», использование аллегорий, библейской фразеологии, вся художественная манера письма свидетельствуют о том, что такое сочинение не мог написать юный поэт, оно принадлежало перу Дмитрия Кантемира.

Дмитрий Кантемир, воздавая должное гению Петра, выражает горячую надежду на то, что русский царь возглавит новый поход против турок и возвратит Молдавии независимость. Таким образом, молдавский господарь устами своего малолетнего сына выражал свои чаяния и надежды, заботясь об освобождении своей родины от турецкого владычества.

Семилетний Шербан, которого русские исследователи прошлого ошибочно называют Сербаном и даже Сергеем, конечно, не мог выразить идеи высокого государственного порядка, тем более, что он никогда выдающимися способностями не отличался. Но можем ли мы механически переносить этот случай на творческую биографию Антиоха? Если предположить участие отца или наставника в создании первого сочинения Антиоха, то можно и нужно возразить следующим образом.

По способностям и успехам в науках Шербан ни в какое сравнение с Антиохом не ставился ни одним исследователем. Наоборот, все они решительно отдавали предпочтение будущему сатирику как самому талантливому из детей Кантемира. На это неоднократно, вплоть до духовного завещания, указывал и сам князь Дмитрий.

Последний представитель семьи Дмитрия Кантемира Шербан дожил до глубокой старости и всегда был человеком, по мнению многих, «весьма заурядным». Ничего нет удивительного в том, что именно он нуждался в помощи отца, тем более, что мальчику шел тогда только седьмой год.

Другое дело — Антиох Кантемир. В год написания «Похвального слова» ему было уже 10 лет, и раннее его развитие поражало учителей и отца. Есть еще ряд немаловажных обстоятельств, свидетельствующих в пользу младшего сына молдавского господаря. Если «Слово», произнесенное Шербаном, было адресовано Петру I и носило характер аллегории, но с явной тенденцией государ-

ственного порядка, то «Похвальное слово» Антиоха посвящалось отцу и было прочитано в день его рождения, т. е. носило характер, так сказать, сугубо личный. Такого рода сочинения были обычным делом в ученической практике слушателей Московской академии. Исследователи говорят также, что успеху «Слова» Антиоха радовался отец и Кондоиди, первый учитель греческого языка в семье Кантемира. Ни Дмитрий Кантемир, ни Кондоиди не могли радоваться «успеху» юного поэта, будь они авторами или соавторами сочинения.

Не все сочинения Антиоха Кантемира стали достоянием русского читателя. Многие из них, как, например, интимная лирика, до нас не дошли, некоторые же остались в рукописях. Это касается прежде всего переводов античных авторов и «Трактата по алгебре». Панегирическое слово в честь Дмитрия Кантемира также не было опубликовано, но нами недавно обнаружено, что в середине минувшего века оно находилось в рукописи и хранилось «в Московской патриаршей библиотеке под № 230»[3].

Первое сочинение Антиоха Кантемира, безусловно носившее следы ученичества, особой роли в творчестве сатирика не сыграло, т. к. не одический жанр определил его дальнейшую литературную судьбу. Оно, тем не менее, может служить ярким свидетельством взаимоотношений двух выдающихся людей, связанных не только узами кровного родства.

Свое восхищение отцом, его эрудицией и заботой о воспитании детей поэт выражает не только в первом своем произведении, но и гораздо позже.

Поэт-сатирик, возглавивший критическое направление русской литературы, создал только два хвалебных произведения (не считая посланий императрицам), и оба они посвящены людям, которыми Антиох восхищался всю жизнь, — Дмитрию Кантемиру и Петру I. К образу отца и его творчеству Антиох Кантемир будет возвращаться в наиболее зрелый период своей жизни, преобразователю России он посвятит «Петриду» (1730). И хотя героическая поэма о Петре поэтом не была закончена, именно в ней он называет его великие заслуги перед обществом.

---

[3] Сочинения, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира. СПб., т. II. 1868, Библиографические примечания, стр. 443. Издание П. А. Ефремова.

В сатире «О воспитании» Кантемир укажет на Петра как на образец в формировании высоких гражданских качеств и большое внимание уделит роли семьи и среды в образовании ребенка. Таким образом, спустя 20 лет после «Слова» в честь отца по случаю дня его рождения в названной сатире Антиох Кантемир снова возвращается к мысли о Дмитрии Кантемире и о Петре I. Феофану Прокоповичу, птенцу «орлиного гнезда Петра», по словам Белинского, Кантемир посвящает специальную сатиру и называет ее «О различии страстей человеческих. К Феофану архиепископу Новгородскому» (1730).

Участник Прутского похода, сподвижник Петра в его прогрессивных начинаниях, Феофан Прокопович знал Антиоха ребенком, следил за его успехами в науках и горячо поддержал молодого поэта в период бироновщины, посвятив автору сатиры «На хулящих учения» (1729) стихотворное послание. Чувство признательности к главе «Ученой дружины» Кантемир сохранил на долгие годы.

Труды буржуазных исследователей творчества Дмитрия Кантемира, как известно, не лишены предвзятости и прямых извращений.

С появлением в печати сочинений Антиоха Кантемира (сначала за границей, а затем в России) намечается новый поворот в истории исследования творчества молдавского просветителя: биографы Дмитрия Кантемира неизменно обращаются к личности и деятельности его младшего сына, русского поэта и дипломата. Это вызвано прежде всего той значительной ролью, которую сыграл Антиох в переводах, публикации и распространении трудов своего отца за границей, главным образом во Франции. В настоящее время почти невозможно представить себе солидное исследование творчества Кантемира, в котором имена этих двух выдающихся деятелей науки и просвещения не стояли бы рядом.

Начало такому подходу, повторяем, было положено Белинским еще в первой половине XIX века в статье «Кантемир». В ней Белинский показал неразрывную связь между отцом и сыном.[1] Она определялась общностью взглядов, нравственными качествами, эрудицией и отношением к исторической действительности обоих Кантемиров. После Белинского на эту связь двух писателей и общественных деятелей указывает профессор Московско-

го университета О. П. Тихонравов. В своем курсе «Русская литература XVIII века» он предлагает студентам перечень узловых вопросов, среди которых есть и такой: «Личность Дмитрия Кантемира в сатирах Антиоха»[4]. Особое внимание Тихонравов уделяет VIII сатире, настаивая на автобиографичности ее содержания, и приводит в качестве примера из нее отрывок:

Стыдлив, боязлив и всегда собою
Недовольным быть во мне природы рукою
Втиснуто или отческим советом из детства.

Такое прямое указание поэта на роль отца в воспитании «недовольства собой», сдержанности и трудолюбия является не единственным.

Личность Дмитрия Кантемира в сатирах Антиоха не всегда раскрывается в прямой и открытой форме, как, скажем, в процитированном отрывке. Придерживаясь канонов классицизма, русский поэт не мог называть своего отца. Традиция требовала указания на античных авторов. Но виной завуалированного изображения Дмитрия Кантемира была не только эстетика классицизма. После смерти Петра I, когда многие его реформы и преобразования предавались забвению, а реакция завоевывала все новые рубежи в управлении государством, трудно было воздавать должное преобразователю России и его ближайшему сподвижнику. И тем не менее личность бывшего господаря Молдавии «присутствует» во многих сатирах, баснях и переводах Кантемира. Дмитрий Кантемир, сам человек в высшей степени образованный, внушил своему сыну любовь к наукам и презрение к невежеству. Столкновения его с реакционным духовенством после написания «Книга систима, или состояния мухаммеданския религии» тоже хорошо были известны Антиоху, сопровождавшему отца в Персидском походе. «Не желая ни на минуту спустить глаз своих с любимого сына, — говорит Белинский, — князь Дмитрий взял Антиоха с собой в Персидский поход, в котором он сопровождал Петра Великого в 1722 году».

Уже в первой своей сатире молодой поэт воплотил свое резко отрицательное отношение к невежеству и ре-

---

[4] Русская литература XVIII века. Лекции, читанные О. П. Тихонравовым. М., 1879—80 г., стр. 8. Рукопись.

акционному духовенству. Имена хулителей наук и просвещения, ставшие нарицательными (мракобес Критон, стяжатель Сильван, любитель «веселой жизни» Лука и щеголь Медор), взяты Кантемиром из русской действительности, но ведущая идея сатиры — невежество является тормозом общественного развития — была близка и выдающемуся молдавскому просветителю. Сатирическая линия, так ясно проступающая в творчестве Дмитрия Кантемира, стала ведущей в сочинениях русского поэта.

Антиох Кантемир прошел строгую литературную школу еще у себя дома под руководством первых учителей и отца, принимавшего большое личное участие в воспитании своих детей. Интерес к античным писателям и философам зарождается у Антиоха также в период его ученических лет. Гораций, Ювенал, Сенека и другие были любимыми авторами и Дмитрия Кантемира. Сатирическая линия творчества Антиоха свидетельствовала не только о строгости, ясности и неподкупности его ума, но и об исторической необходимости сатиры для русского общества в послепетровскую эпоху.

В уже названном курсе лекций Тихонравов говорит: «При уме ясном и свободном, при замечательной неподкупности нравственного чувства Кантемир во время царствования Анны Иоанновны не чувствовал себя способным на торжественные оды»[5].

Между мыслями поэта и словами, между чувством и делом у него не было противоречия. Сам Кантемир об этом писал:

Не могу никак хвалить, что хулы достойно;
Всякому имя даю, какое пристойно;
Не то в устах, что в сердце иметь, я не знаю.

Об этом поэт говорит открыто не только читателю, но и самой императрице Анне Иоанновне: «Сатиру лишь писать нам сродни, в другом неудачливы».

В современной Кантемиру литературе преобладала ода похвальная над сатирой, торжественная придворная литература поглощала все силы тогдашних поэтов, но Кантемир этого делать не мог. Он «был слишком реалист по уму и характеру, чтобы отдаться торжественной

---

[5] Там же, стр. 256.

оде; он благоговел перед личностью и реформами Петра Великого; он убежден был, что Петру можно было бы дать скипетр всего мира, и однако, когда он принялся писать похвальную поэму в честь его — «Петриду»,— и здесь реализм взял свое»[6].

В Сатире II «На зависть и гордость дворян злонравных» (1730), где с наибольшей ясностью отражена поэтом позиция Петра в оценке человека по его личным заслугам, а не по происхождению, Кантемир устами Филарета высказывает и свое отношение к современной ему действительности. В лице Евгения он категорически осуждает «дворян злонравных», кичащихся своим древним происхождением». Беспочвенные претензии, жажда наживы и власти, лень и паразитизм всегда претили скромному, требовательному к себе и трудолюбивому поэту. Мотивы сатирического обличения дворянских привилегий, борьбы за власть мы находим и в «Иероглифической истории» Дмитрия Кантемира, известной Антиоху. Используя в своем сатирическом романе аллегорию, молдавский писатель дает целую галерею образов бояр, стремившихся к чинам и власти без всякого на то основания.

Антиоху Кантемиру были известны основные произведения отца: «Описание Молдавии», «Книга систима...», «История Оттоманской империи», «Иероглифическая история» (с последним произведением его могла познакомить сестра Мария, человек образованный и близкий Антиоху по духу).

По мнению румынского исследователя В. Хари, именно «Описание Молдавии» и «Иероглифическая история» оказали решающее влияние на создание некоторых басен Антиоха Кантемира и его второй сатиры. (В. Харя. «Влияние Дмитрия Кантемира на Антиоха Кантемира», 1967).

Автор статьи приводит ряд доводов, с которыми нельзя не считаться, но следует отметить, что в своем увлечении сопоставлениями произведений двух писателей он забывает о главном. В. Харя помещает Дмитрия Кантемира и его сына Антиоха как бы в «безвоздушное пространство», т. е. не говорит, что на русского сатирика влияла прежде всего русская действительность, что он

---

[6] Там же, стр. 257.

писал сатиры и басни для своего времени и для своего общества. А известно, что Дмитрий Кантемир и Антиох как писатели принадлежали разным эпохам и разным литературам, и у каждой эпохи и литературы были и свои черты, и свои заботы. Несмотря на ценность высказываний румынского исследователя относительно влияния Дмитрия Кантемира на творчество русского сатирика, проблема эта еще ждет своего решения в будущем.

Особое место в рассмотрении вопроса о влиянии Дмитрия Кантемира на формирование личности Антиоха занимает его сатира «О воспитании». Она, как и некоторые его другие сатиры (IV, VI), полнее всего раскрывает личность автора, его отношение к Петру I и к отцу. Именно эта сатира, по мнению Белинского, должна была бы быть напечатанной «золотыми буквами», молодые люди, вступающие в брак, должны бы ее «вь учить наизусть».

По свидетельству биографов А. Кантемира, наружность его отца «была приятна, обхождение любезное, разговор увлекательный. Он вел умеренный образ жизни и вечера проводил всегда в семье, с которою он старался не расставаться и во время продолжительных своих путешествий. Мать была женщиной обаятельной, образованной и много внимания уделяла воспитанию детей»[7].

«Отношения между родителями были прекрасные; оба они одинаково заботливо пеклись о воспитании детей, как и о том, чтобы дать им самое лучшее и полное образование»[8].

В Антиохе Кантемире, по мнению исследователей, отразились главные черты отца — ученость и нравственные достоинства.

Давая положительную программу воспитания молодого человека, полезного обществу, А. Кантемир подробно останавливается на роли семьи и среды в формировании характера ребенка. Требования, выдвигаемые поэтом, во многом напоминают пример и опыт его родителей. В автокомментариях к сатире «О воспитании» Кантемир, заимствуя стих из IV сатиры Горация, говорит: «Мой добрейший отец приучил меня избегать это-

---

[7] А. Д. Кантемир, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М., 1905, стр. 3. Составил В. Покровский.

[8] Там же, стр. 6.

го, показывая примеры всех пороков; он убеждал меня жить бережливо, порядочно и довольствуясь тем, что он мне оставит...» В тексте самой сатиры мы встречаем такую мысль поэта:

...Родителей — злее
Всех пример. Часто дети были бы честнее,
Если б и мать и отец пред младенцем знали
Собой владеть и язык свой в узде держали.

А однако ж требую, чтоб сын мой доволен
Был малым, чтоб смирен был и собою волен
Знал обуздать похоти...

Говоря о воспитании гражданина, поэт останавливается на делах Петра, видя в них пример для подражания:

Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев...

Антиох Кантемир неоднократно подчеркивал, что добродетель, чистую совесть он предпочел бы злому, жестокому уму и сердцу. Но писателя-гуманиста волновали в программе воспитания не только вопросы нравственно-этического порядка, но и прежде всего общественно-социальные. Ясная и глубокая мысль заключена в словах поэта: «Вверил бы я все добро тому, кто с чужого стыдится жиреть добра...» (Сатира VIII, стих 135).

Мы остановились только на некоторых моментах сатиры, т. к. не ставили перед собой задачи ее полного освещения. Нас интересовал только тот ее аспект, который хотя бы частично отражал благодарную память поэта о своих родителях, приложивших так много усилий для его воспитания, что это могло стать примером для многих.

В своем стремлении воспитать детей «учеными и образованными» бывший господарь Молдавии сталкивается с рядом трудностей. Так, Дмитрий Кантемир привез с собой из Молдавии в качестве наставника своих детей ученого священника Анастасия Кондоиди. Петр I определил его в духовную коллегию, лишив тем самым детей Кантемира

опытного и знающего учителя. Дмитрий Кантемир ищет ему достойную замену. Он, не страшась гнева Петра, просит царя отпустить к нему в дом другого наставника, священника Либерия Коллети, сосланного навечно в Соловецкий монастырь за причастность его к делу царевича Алексея, и Петр I должен был в конце концов уступить. Известно еще одно столкновение с царем по тому же поводу. Не довольствуясь иноземными наставниками, Дмитрий Кантемир приглашает в качестве учителя молодого талантливого русского студента Московской академии — Ивана Ильинского, которого Петр I собирался отправить за границу для продолжения образования. Иван Ильинский, на которого было возложено главным образом воспитание и образование Антиоха, привил будущему сатирику любовь к русскому языку и способствовал развитию его писательского таланта.

Но роль Дмитрия Кантемира в судьбе Антиоха не ограничивалась только кругом воспитательно-образовательных мер. Возлагая на своего младшего сына особые надежды, отец сознательно готовил его для будущей государственной деятельности. Пытливый ум и трудолюбие, сдержанность и скромность — эти черты интеллектуального и нравственного облика Антиоха выделяют его среди других детей и дают основание отцу смотреть на сына как на достойного своего преемника. Впоследствии, уже зрелым человеком и писателем, Антиох Кантемир с благодарностью вспоминает отца, привившего ему с детства любовь к труду и наукам.

Антиох Кантемир не только любил своего отца, но и очень заботился о его литературной славе, которую он, безусловно, ставил выше своей собственной литературной славы. Следует подчеркнуть, что одно из капитальных произведений Дмитрия Кантемира, написанное на латинском языке, — «История роста и упадка Оттоманской империи» стало именно благодаря Антиоху достоянием европейской культуры, служа верным источником по истории Турции на протяжении всего XVIII века.

В 1732 году Антиох Кантемир прибыл в Лондон как дипломатический представитель России. Образованный молодой князь сразу привлекает внимание не только политических деятелей Англии и самой королевы, но и лондонской литературной среды. У него образуется круг друзей, среди которых было много итальянцев, находив-

шихся в Лондоне в качестве преподавателей, певцов оперы, литераторов и т. д.

Приближенный царского двора барон И. А. Корф писал А. Кантемиру в 1735 г., что у него есть много сведений о популярности Антиоха среди лондонских ученых, которые восхищались его талантом и умением разбирать научные вопросы.

Сразу после прибытия в Лондон первой своей заботой Антиох Кантемир считает найти издателя для «Истории Оттоманской империи». Вскоре книга была переведена Н. Тиндалем на английский язык и увидела свет в 1734 году. Имеются сведения о ее быстром распространении и о большом интересе определенного круга читателей к этому труду. Антиох Кантемир следит за отзывами печати на книгу отца и старается ее популяризировать.

Еще находясь в Англии, Кантемир устанавливает связи с некоторыми французскими литераторами и предпринимает первые шаги для перевода книги на французский язык. Французский вариант перевода «Оттоманской империи», принадлежащий перу Жонкьера, вышел в свет лишь в 1743 году, когда русский поэт представлял Россию при французском дворе. Дополненная редакторскими комментариями, «История Оттоманской империи» была издана на немецком языке в 1745 году, уже после смерти Антиоха.

О том, что книга Дмитрия Кантемира стала достоянием общеевропейской исторической науки, широко известно. Книга была известна Вольтеру, который оценил ее как замечательный труд и использовал ее в своих сочинениях. Позже с похвалой отозвался о книге английский востоковед Джонс, признавал ее достоинства и не менее знаменитый английский историк Гиббон. К сожалению, о роли этого труда Кантемира в развитии европейской общественной мысли у нас еще мало сведений. Но уже Антиох Кантемир в письме к французской маркизе Монконсель, поклоннице Петра 1, обращал внимание на суть произведения своего отца. Он писал, что авторские комментарии к книге «давали представление об образе правления, нравах и институтах этой страны», т. е. Турции.

В книге Д. Кантемира впервые говорилось о признаках упадка непобедимой до тех пор Турецкой империи.

Политическое содержание книги являлось результатом тщательных наблюдений и долгих размышлений ее автора. Но помимо этого «История Оттоманской империи» знакомила читателей Запада с целым новым миром Востока, с его верованиями, суевериями, легендами, образом жизни, столь отличным от западного.

Замечательный кантемировский труд, в котором немало сатирических стрел против предрассудков и невежества, не мог не оказать определенного влияния на творчество русского сатирика. Переплетение литературных судеб Антиоха и Дмитрия Кантемиров продолжается и в дальнейшем.

После переезда Кантемира в Россию сведений в Молдавии о его жизни и в особенности о его научной и литературной деятельности было ничтожно мало. Подробно описывающий княжение Дмитрия в 1710—1711 гг., а также Прутский поход Петра I летописец Ион Некулче не говорит об исключительной образованности и научных занятиях бывшего господаря. Из его «Летописи земли Молдавской» можно почерпнуть только данные о крестьянском происхождении Кантемиров и о политической роли этой семьи в истории Молдавии. О том, что их соотечественник Дмитрий Кантемир был известен всей Европе и России как писатель и ученый, молдаване узнали лишь в 20-е годы XIX века, когда появляется его книга «Описание Молдавии», которая была опубликована на молдавском языке в 1825 году. Молдавская общественность впервые знакомилась с именем, которым могла гордиться. Несмотря на века унижения и турецкого гнета, осознавалось, что и среди молдаван могли появляться великие дарования. Поэтому фигура Д. Кантемира привлекает внимание всех писателей, начавших свою литературную деятельность в 30—40 годы XIX века. О нем с восхищением высказываются М. Когэлничану, К. Негруци, В. Александри, а позже М. Еминеску. Предпринимаются первые шаги для издания основных произведений Д. Кантемира, и этот план частично осуществляется. Когэлничану и Негруци в газете Г. Асаки «Албина Ромыняскэ» публикуют проспект издания всех основных сочинений Дмитрия Кантемира и его сына Антиоха. К сожалению, этот план был осуществлен не полностью. На молдавский язык были переведены сатиры и другие стихотворения первого русского поэта-сатирика.

В распоряжении переводчиков Донича и Негруци было два издания: французское 1749 г. и русское 1762 г. Сочинения русского поэта становятся актуальными в переломный исторический момент, накануне революционных событий 1848 года. Социальные пороки критикуются в произведениях А. Кантемира не абстрактно, как в эзоповских баснях, а рассматриваются в неразрывной связи с общественным развитием. Сатира Антиоха Кантемира была образцом критического отношения к современной ему русской действительности и становилась злободневной в Молдавии.

Он призывал не мириться с невежеством, мракобесием, кичливостью «дворян злонравных», ленью и жестокостью. Против всех этих пороков, бытовавших и в феодальной Молдавии, сатиры русского поэта могли быть эффективным средством. Вот почему его сочинения даже при имевшихся уже в Молдавии достижениях в области науки и культуры не стали явлением преходящим или «инородным телом», а нашли своих читателей и горячих поклонников.

После выхода в свет сочинений Антиоха Кантемира (1844) решительно все значительные газеты и журналы Молдавии, Валахии и Трансильвании помещают на своих страницах доброжелательные отзывы в адрес русского сатирика и его переводчиков. Его первая сатира «На хулящих учения» была целиком опубликована в передовом для того времени журнале «Прогресс» в том же 1844 году.

Вопрос о влиянии литературного творчества Дмитрия Кантемира и Антиоха Кантемира на молдавскую литературу прошлого века мало изучен. Отдельные высказывания и предположения, связанные с этой проблемой, не всегда существенны и обоснованны, т. к. их авторы, о чем было сказано выше, не рассматривают общественно-литературный процесс в целом, а пытаются выявить отдельные сюжетные сходства, используя не оправдавший себя сравнительный метод. Конечно, и эти данные не лишены интереса, т. к. могут дать основание для более серьезных выводов и обобщений. Но сторонники сравнительного метода порой делают слишком далеко идущие выводы на основании незначительных фактов, что противоречит принципу реалистического подхода к историческим и общественным явлениям.

Следы влияния Дмитрия Кантемира на творчество русского сатирика следует искать, на наш взгляд, не в частностях, не в том, какой аллегорический образ и где использован обоими писателями, а в главном, что составляло суть творчества, мировоззрения Дмитрия Кантемира и своеобразно, в связи с другими общественными явлениями, отразилось в творчестве и мировоззрении Антиоха—сына не только своего отца, но и главным образом своего века.

В. М. Жирмунский в статье «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» говорит: «Для того, чтобы влияние стало возможным, должна существовать потребность в таком идеологическом импорте...»[9]. Такая потребность существовала не только в период формирования русской литературы, первым крупным представителем которой был Антиох Кантемир. Она существовала и тогда, когда в Молдавии только закладывались основы демократического общественного сознания и национальной культуры. Вот почему сочинения русского сатирика, как бы переживая второе свое рождение в новой среде и в новой общественно-политической ситуации, могли оказать благотворное влияние и на молдавское общество и на молдавскую литературу.

В начале нашей статьи были названы этапы единого процесса формирования личности и творческих интересов Антиоха Кантемира. Нам необходимо хотя бы кратко остановиться на третьем, завершающем этапе — пребывании будущего русского поэта в Академии наук, т. к. и этот период, хотя и косвенно, связан с именем Дмитрия Кантемира. О том, как сильно заботило молдавского господаря образование детей, видно из документа, составленного во время принятия Кантемиром русского подданства, когда старшему из его детей, княжне Марии, было всего 11 лет. Князь Дмитрий, заключая с Петром соглашение о принятии русского подданства, выговорил себе право «послать сыновей своих для наук в знатные города и иные христианские страны»[10].

Мы уже останавливались на том, сколько усилий прилагал молдавский просветитель, чтобы воспитать

---

[9] Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., Изд. АН СССР. 1961, стр. 59.

[10] А. Д. Кантемир, его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М., 1905, стр. 6. Составил В. Покровский.

своих детей людьми «учеными и образованными». В издании сочинений Антиоха Кантемира под редакцией П. А. Ефремова (1867—1868) опубликованы документы, говорящие об особой заботе молдавского ученого о своих детях. Дмитрий Кантемир пишет Прошение на имя Петра I, в котором от имени Антиоха Кантемира, «по просьбе оного», просит русского царя о материальной помощи. Прошение было составлено 17 февраля 1721 года и заканчивается словами: «Руку приложил Дмитрий Кантемир»[11].

После женитьбы на Анастасии Трубецкой у Дмитрия Кантемира появилось много дополнительных расходов. Чтобы не ущемлять интересы своих детей от первого брака, Дмитрий обращается за материальной помощью к царю.

В это время уже ясно определились исключительные способности младшего сына, на которого молдавский господарь возлагал большие надежды; он использовал все доступные ему средства, чтобы дать возможность Антиоху получить блестящее по тому времени образование. Свое прошение Дмитрий написал от имени Антиоха, вероятно, еще и потому, что русский царь мог помнить блестящее «Слово» десятилетнего поэта в Заиконоспасском монастыре, прочитанное 26 октября 1719 года «при большом стечении народа».

В тот же день, 17 февраля 1721 года, Дмитрий Кантемир пишет еще одно прошение на имя Петра с просьбой отпустить к нему в дом для обучения детей Либерия Коллети, сосланного в Соловецкий монастырь. Коллети, принимавший активное участие в организации побега царевича Алексея за границу, был, по мнению Кантемира, достойной заменой учителя греческого, латинского и итальянского языков, вывезенного господарем из Молдавии и определенного Петром в Московскую духовную коллегию. Это новое прошение также было написано Дмитрием и подписано всеми его сыновьями: Матвеем, Константином, Шербаном и Антиохом[12].

Как известно, Петр I уступил просьбе Кантемира, и вместо Кондоиди в дом господаря в качестве учителя вошел опальный Коллети.

---

[11] Сочинения, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, т. II. СПб., 1868, стр. 341—342. Издание П. А. Ефремова.

[12] Там же, стр. 341.

После смерти Дмитрия Кантемира материальное положение его семьи ухудшилось. Но жажда знаний заставляет будущего сатирика искать новые пути для продолжения образования. Большой интерес представляет собственноручное прошение Антиоха Кантемира на имя Петра I, написанное юношей 25 мая 1724 года. В нем Антиох пишет: «Крайнее желание имею учиться, а склонность в себе усмотряю чрез латинский язык снискать науки, а именно знание истории древния и новыя, географию, юриспруденцию и что к статуту политическому надлежит. Имею паки и к математическим наукам не малую охоту...»[13]. Далее Антиох говорит, что названные науки «удобнее приобретаются в знаменитых окрестных государств академиях». Это указание на академии других государств наводит на мысль о том, что Антиоху было знакомо условие, оговоренное Дмитрием Кантемиром еще во время принятия им русского подданства и подтвержденное в духовном завещании. Прошение будущего сатирика заканчивается просьбой и о материальной помощи: «Того ради всеподданнейше прошу, да повелит высокодержавство ваше меня, нижайшего, для приобретения вышеупомянутых наук отпустить в окрестные государства и для моего сиротства, по монаршему своему великодушию, хотя малое что на томошнее иждивение милостивейше пожаловать»[14]. В этом юношеском заявлении в полной мере отразилась твердость характера А. Кантемира и его непреодолимое стремление к образованию.

Прошение Антиоха Кантемира было оставлено без ответа. Исследователи предполагают, что Петр I хотел оставить юношу в России для продолжения его образования в Академии наук, указ об учреждении которой уже был подписан Петром пятью месяцами раньше, 28 января 1724 года. Как бы там ни было, сын молдавского господаря, мечтавшего видеть своего сына Антиоха высокообразованным человеком, становится одним из первых ее слушателей.

Академия наук, 250-летие которой отметила вся наша страна, сыграла огромную роль в воспитании многих поколений русских ученых, прославивших научными от-

---

[13] Там же, стр. 343.
[14] Там же.

крытиями свою родину на весь мир. Велика роль Академии наук и в творческой судьбе первого русского поэта. У Кантемира появляется возможность усовершенствовать свое образование и без выезда за границу, тем более, что в Академию были приглашены крупнейшие ученые. Пребывание будущего сатирика в Академии наук было недолговременным (1724—1725), но оно оставило глубокий след в его жизни и творчестве. Здесь Антиох Кантемир углубляет свои знания по математике, физике, истории и нравственной философии. Математику и астрономию он относил к наукам «высшего строя». Результатом занятий естественно-математическими науками явился «Трактат по алгебре» и блестящее по тому времени определение алгебры как науки. «Алгебра,— говорит поэт в примечаниях к первой сатире,— есть часть математики, весьма трудная, но и преполезная, понеже служит в решении труднейших задач всея математики...»

Глубокое знание древней и новой истории, как и нравственной философии, нашло свое яркое отражение во всем творчестве поэта.

Сочинения Антиоха Кантемира оставили глубокий след в культурном развитии России, как и труды его отца в культурном развитии Молдавии.

Близость двух выдающихся мужей науки и просвещения нельзя объяснить только кровным их родством, хотя и эта мысль нашла довольно широкое распространение. Кантемиров, Дмитрия и Антиоха, объединяют гораздо более важные черты: энциклопедичность знаний, неустанный труд на благо общества, непримиримость к социальному злу, презрение к невежеству и непоколебимая вера в человеческий разум и торжество справедливости. Оба они высоко ценили личность и деятельность Петра, видя в нем не только преобразователя России, но и верного союзника в борьбе против турецкого ига в освобождении Молдавии. И если талант Дмитрия Кантемира достигает своего расцвета в пору наиболее радикальных мер Петра I, то талант Антиоха формируется под их воздействием и достигает своего наивысшего развития в период обострения общественных противоречий в послепетровскую эпоху.

Буржуазно-дворянские литераторы (Галахов, Дудышкин, Стоюнин и другие), игнорировавшие взгляды Белинского на творчество Антиоха Кантемира, пытались дока-

зать подражательность сочинений сатирика античным и западноевропейским образцам. Но именно Белинский усмотрел глубокое противоречие в подобного рода утверждениях. В статье «Кантемир» великий критик (вслед за Батюшковым) говорит, что русский поэт «писал бы стихи и на необитаемом острове, потому что он писал их в Париже, который в отношении к нему, как к стихотворцу, был для него действительно необитаемым островом».

12 лет, до самой смерти, находясь вдали от родины, отстаивая престиж своего государства, А. Кантемир ни на минуту не порывал связи с Россией, с ее общественно-культурным развитием. Даже в последние дни своей недолгой жизни, диктуя завещание секретарю посольства Гроссу (младшему брату профессора нравственной философии Петербургской Академии наук), русский поэт-дипломат обращает свои взоры к родине и родным: он просит перевезти его тело «в отечество», в Москву и похоронить его рядом с отцом в Греческом монастыре.

Глубокое чувство признательности отцу и уважение к его научным заслугам Антиох Кантемир пронес через всю свою жизнь, о чем свидетельствует не только его творчество, но и эпистолярное наследие.

Первый сатирик, «писавший не только русским языком, но и русским умом», по словам Белинского, многим обязан в своем духовном развитии отцу—Дмитрию Кантемиру, возлагавшему на Антиоха самые светлые свои надежды как на ученого, писателя и общественного деятеля.

ВАСИЛЕ БАДИУ

Литературные страницы о Кантемире

Художественная литература располагает целым арсеналом средств воскрешения далекого прошлого. Ее преимущество перед научным исследованием заключается в способности представлять в осязаемых образах события и людей, принадлежащих давно ушедшим временам. Не случайно читатель в поисках правдивой картины конкретных исторических событий обращается к художественным произведениям, которые образно воссоздают атмосферу времен Юлия Цезаря, Спартака, Стефана Великого, Петра Великого, Галилея, Робеспьера, Дантона, Пугачева, Кутузова, Маркса и Энгельса. Именно это свойство художественной литературы имел в виду Ф. Энгельс, говоря, что из творчества Бальзака он узнал значительно больше об общественной и экономической жизни, чем из трудов специалистов.

Под таким углом зрения заслуживают внимания литературные страницы, посвященные Дмитрию Кантемиру. Молдавская советская литература уже создала ряд стихотворных и прозаических произведений, отражающих определенные периоды жизни великого молдавского патриота и ученого, который сделал решающий шаг к сближению молдавского и русского народов, к их союзу в общей борьбе против турецких захватчиков. Естественно, что большинство произведений сосредоточено именно на этом факте, имевшем решающее значение для судеб молдаван.

В этих произведениях Д. Кантемир предстает как выдающаяся личность своего времени, как человек, отдававший себе отчет в чаяниях народа. Д. Кантемиру-мыслителю был ясен ход событий. Его мудрость помогла ему выбрать верное направление. Тем самым он заслуженно завоевал себе место в литературе. Именно об

этом его качестве Ем. Буков метафорически и обобщенно сказал: «Свет мудрости Дмитрия Кантемира». Этот свет льется из глубин времен, освещая путь к нашим дням.

Еще в коллективных поэмах сороковых годов воздавалась хвала историческому акту 1711 года как поворотному событию в судьбе молдавского народа: «И кто ж позабудет те давние годы, /Когда нерушимою дружбой живой / Мыслитель, Мудрец, просветитель народа /Связал Кантемир наши судьбы с Москвой».

В коллективной поэме «Слава Советской Молдавии!» этому событию отведено значительное место. В первую очередь сообщается об обстановке, в которой происходило братское сближение:

«Древний мир и времена седые
Летопись старательно хранит...
Наклонись, смотри, читай:
Россия с помощью к Молдавии спешит».

Картина конкретизируется определенными деталями, подчеркивающими вклад мудрого государя, который ясно увидел путь избавления от турецкого ига:

«И спешат молдавские отряды
Под знамена армии Петра.
Докатившись до ворот Царьграда,
Загремело русское «ура!»
Так пришел к своей великой славе
Дружелюбный русский богатырь...
Опершись о русскую державу,
Воевал Димитрий Кантемир»

Затем в поэме говорится о глубоком следе, оставленном в судьбе нашей литературы и искусства культурным сотрудничеством. Типографии, присланные Россией, приобретают символическое значение — «Свет познания и мудрость книг».

Сравнение с неиссякаемым источником, из которого предки черпают мудрость, также конкретизирует влияние русской культуры.

И, как дар великого соседа,
Молдаванин издавна постиг,
Кроме радостных плодов победы,
Свет познания и мудрость книг.

Бьет источник правды и науки
Из неисчерпаемых глубин,
И к Москве протягивали руки
Кантемиры — и отец и сын».

Молодые годы Д. Кантемира, его жажда знаний и мечты о мести поработителям составляют сюжет поэмы Ливиу Дамиана «Заложник своего призвания». Время пребывания в Константинополе в качестве заложника молодой князь широко использовал для познания своего окружения и накопления сокровищ знаний из различных областей. Находясь в турецкой среде, Кантемир яростно отвергал попытки сделать из него марионетку.

Он втайне проклинал «нерешительность сородичей своих». Ливиу Дамиан подчеркивает тесную связь Д. Кантемира со своей родиной. В отрывке, написанном в стиле народной поэзии, предстает облик ученого и писателя, поставившего все свои знания на службу делу возрождения своего народа, «тех, кто дома», как выражается поэт: «Но они стерегли тебя ценой своей собственной гибели. Только туча, потому что она туча, кочует, куда ей вздумается; туча — странница, ей не больно отрываться — у нее нет корней. Такие расходы, князь Дмитрий, столько шелков, накинутых на твою душу. Но когда ты глядел вдаль, ты видел «Описание Молдавии» и ты мечтал о своей высокой «измене». Десятки лет в Порте среди ученых и художников-греков, среди хитроумных придворных, ты собирал «Историю роста и упадка Оттоманской Порты», но не забывал родной язык. Осанна, Дмитрий, как ты статен и одарен! Они околдовывали тебя лестью и похвалой, но ты, все мужая, ждал своего часа». (Подстрочный перевод).

Позднейшая слава Д. Кантемира в представлении поэта подтверждает духовные качества «сородичей князя», которые «любили красоту», «имели золотые руки», ценившиеся в заморских странах, и «крылатое воображение». И что самое главное — умели противостоять любым напастям. Хоть и были они необразованными, «из их рядов поднялся князь Дмитрий Кантемир, молодая звезда константинопольских школ, гордость Берлинской академии, личный советник Петра Великого».

Проза, естественно, способна развернуть широкие, конкретные и значительные полотна. В этой области, помимо рассказа Георге Маларчука «Великий суд», кото-

рого мы уже касались[1], отметим две работы, написанные Владом Иовицэ и Георге Маданом.

Период формирования личности Кантемира и его княжения, включая битву при Станилештах, составляет основу, на которой Георге Мадан создает роман «Колос мечты». Первая часть, недавно вышедшая в издательстве «Картя Молдовеняскэ», включает события, предшествовавшие второму вступлению в княжение Дмитрия Кантемира, вплоть до его ухода в Россию. Следовательно, роман охватывает период меньше года. Но и в этих временных рамках автору удается насытить роман множеством фактов, сгруппированных вокруг цельного и простого сюжета, кульминацией которого является сражение при Станилештах. Страницы, посвященные пребыванию Дмитрия Кантемира в Царьграде, рисуют главного героя романа как ученого с обширными интересами, человека ясного и решительного ума, который рассматривал свои занятия как средство для достижения политических идеалов. Прослеживание, например, истории Оттоманской империи приводит его к выводу неизбежного падения Порты и, следовательно,— выхода из-под турецкого владычества захваченных ею стран. Процветавшие при султанском дворе взяточничество, коррупция, тирания подмечены и убедительно раскрыты в эпизоде расправы Ибрагима-эффенди с астрономом Хасаном Али как раз во время философского диспута с его молдавским приятелем в доме последнего, в непосредственной близости от султанского дворца Терхане Серай. Кантемир не только человек науки, но и опытный дипломат, умеющий извлечь пользу из всех дворцовых интриг, а также из отношений с дипломатическим корпусом. Нити его связей тянутся к самым сокровенным тайнам империи. Из них уже теперь складываются устремленные в будущее антитурецкие действия. Завоевание доверия и назначения на княжение переданы со множеством подробностей и дают ощущение правдоподобия. Разговор визиря Балтажи-паши с новым господарем перед отъездом его на родину, распоряжения, которые тот дал ему ввиду предстоящего военного столкновения с русским царем, раскрывают проницательность и силу воли Дмитрия Кантемира, который

[1] См. нашу статью «Ион Некулче — продолжатель и предшественник». «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1973, № 2.

в самых сложных ситуациях, сохраняя достоинство и в то же время внушая достаточно доверия, вводит в заблуждение правящую верхушку Оттоманской империи.

Страницы, посвященные жизни Кантемира в Турции, производят сильное впечатление, однако, если бы автор глубже проник в смысл «Иероглифической истории», он сумел бы ярче воспроизвести ту атмосферу интриг и столкновений интересов, предшествовавших вступлению Дмитрия Кантемира на престол, с большей убедительностью раскрыл бы соперничество Брынковяну—Кантемир. Обратившись к богатому и разностороннему арсеналу великого ученого, можно было обогатить и художественные средства современного романа.

Господарь вступает на престол в дни суровых испытаний. Со страниц, раскрывающих историческую панораму, мы узнаем, что молдавский престол был в сущности выставлен на торжище. Представлены все те, к кому переходил этот трон — от старого Кантемира к Дмитрию Кантемиру, к Константину Дука Водэ, к Антиоху Кантемиру, снова к Дука Водэ, к Михаю Раковицэ, опять к Антиоху, снова к Раковицэ, к Николаю Водэ Маврокордату и, наконец, снова к Дмитрию Кантемиру. Комментарий автора к этому длинному списку княжений, стремительно сменявших одно другое, лаконичен и точен. Он подчеркивает непостоянство, подозрительность и соперничество между различными враждующими группировками бояр, раскрывает раскольническую политику турок. К картине политической и социальной неустойчивости добавляются стихийные бедствия, обрушившиеся на страну в тот год.

После нескольких внутриполитических акций Дмитрий Кантемир решительно переходит к осуществлению своих планов сближения с Россией. Политическая и дипломатическая гибкость позволяет ему сохранить в тайне свои начинания, избежать доносов в Константинополь и возможного свержения в случае, если бы его выдали. В действие вводится Ион Некулче — хороший знаток исторических судеб Молдавии, занимавший пост спатария, т. е. военного министра. Первый, перед кем раскрывается Дмитрий Кантемир, это именно будущий летописец. В начале разговора Ион Некулче все больше помалкивает, подозревая в своем собеседнике отуреченного, но постепенно начинает кое-что понимать. Спафарий говорит от-

крыто, трезво оценивая положение в стране. Детали этой беседы убедительны и с точностью воссоздают момент возникновения единства политических взглядов между двумя людьми, которые поначалу не доверяли друг другу. После того как Некулче рассказал притчу о Петре Рареше, растоптанном копытами визирского коня, разговор приобретает большую значительность, касаясь самой сути проблемы: позиции Молдавии в будущем русско-турецком конфликте. Этот эпизод основан на документальном материале. Сам летописец позднее расскажет в своей хронике: «Видя, что весь христианский мир в ту пору держал надежду на православных, сиречь на москалей, стал и он (Кантемир) входить в сговор с православными». А Николай Костин, в то время великий логофет Молдавии, уточняет, что государь установил связь с царем через одного из своих капитанов, Прикопия, «посланного с письмами еще по зиме».

Когда доверенное лицо Дмитрия Кантемира (в романе—капитан Георгицэ) возвращается с благожелательным ответом царя, радость этой вести омрачается раскрытием новых боярских козней. Драматизм нарастает. К стародавним распрям добавляется еще и такая деталь: группа бояр пытается оклеветать господаря в глазах Петра I. Реакция господаря решительна и смела. Виновный будет отстранен от должности и заключен в темницу. Эти страницы романа выдержаны в строгой тональности, насыщены психологическими деталями, свидетельствующими о душевном богатстве героя, о его решительности и твердости. Поведение господаря мотивируется всей сутью сюжета, действия вытекают из всей сложности положения. Вот он произносит свою речь, в которой оповещает о торжестве политики сближения с Россией: «Досточтимые бояре! Люди на земле ввергнуты во вражду и войны. Вам хорошо известно величие и могущество Оттоманской Порты, проницательность его светлости турецкого султана, великого визиря, а также хана Крымского. Вы наслышаны и о другом достойном и мудром царе, царе Московии Петре Алексеевиче. Московская рать побила шведа, разнесла на куски, развеяв остатки его полков по всем уголкам, и вот теперь дерзает даже схватиться с турками. Близится большая война и великое кровопролитие... Честные бояре! Я позвал вас сюда, чтоб держать совет, потому как только при вашей помощи, самые мудрые

среди бояр Молдавии, разум мой решит верно, куда повернуть паруса корабля и каким образом совершить это. Мы слышали разное, якобы некоторые бояре и многие простолюдины кричат, чтобы мы отложились от Оттоманской империи. Много военного люда уже сбежало и присоединилось к московскому войску, да и другие отряды собираются скоро перейти. Итак, желаю узнать мнение ваше и решение!»

Одна за другой следуют сцены чтения договора, триумфального вступления русских войск, восторженно встреченных народом, батальные эпизоды и тягостный час расставания с родной землей. Во всех этих сценах личность господаря предстает каждый раз в новой ипостаси: осторожный и решительный с боярской оппозицией, радушный с доброжелателями, непримиримый к врагам, стойкий и умелый в военном деле, несгибаемый в несчастье.

Другим главным действующим лицом романа является Петр Великий. Хотя появляется он значительно позднее, вместе с приходом русских войск, с самого начала он присутствует в репликах остальных персонажей. Мы узнаем черты молодого царя, например, из характеристики, которую дает ему Балтажи-паша, когда Дмитрий Кантемир получает молдавский трон.

Отношение Петра к молдаванам внушает уважение. Он восхищен красотой и богатством нашей земли, древностью ее культуры. В батальных сценах он предстает как подлинный военачальник, обогащенный большим боевым опытом, предприимчивый, политически дальнозоркий. Его присутствие воодушевляет солдат. В тяжелые минуты он не утрачивает хладнокровия, находит наиболее верное решение — заключение выгодного мира.

Окружение — действительные или вымышленные персонажи — способствует обогащению общей картины, отражению социальной пестроты средневековой Молдавии: бояре различного достатка, рэзеши — вольные крестьяне, крепостные, гайдуки, торговцы и т. д. В целом творческая фантазия играет важную роль в романе. Наряду со сценами, строго документированными по Иону Некулче, Николае Костину или по архивным материалам, эпизоды, рожденные художественным вымыслом, создают ощущение бурной эпохи, времени испытаний и надежд. Сюжетная линия Георгицэ—Лина, столкновение с молод-

цами гайдуцкого капитана Константина Лупашку целиком вымышлены, но они созвучны главной линии. Разве только порой автор несколько утрачивает чувство меры, идеализируя отряд гайдуков, который он представляет как высокодисциплинированное и организованное движение, а его вожаков — как подлинных трибунов. С этих позиций выглядит неправдоподобной сцена суда в княжеском совете, где капитан гайдуков (в романе почему-то — атаман) держит бесконечную речь, местами пересыпанную весьма бранными выражениями. Сомнительно, чтобы господарь был расположен выслушивать все злоключения какого-то беглого монаха, тем более, что несколько раньше Георге Мадан отмечал нетерпимость Дмитрия Кантемира к гайдуцкому движению (не следует забывать, что он все же был представителем феодализма). В эпизодах с гайдуками автор пользуется также некоторыми банальными приемами приключенческого романа: неожиданное и необоснованное вызволение с княжеского двора Константина Лупашку его товарищами во время казни выглядит более чем неправдоподобно.

В романе имеются и другие просчеты — тяжеловесные фразы, неуместные в устах отдельных героев неологизмы, некоторое стремление осовременить историю, невыразительные и даже недейственные детали, как, например, фразы, которыми начинается роман: «Дмитрий Кантемир взял с низкого столика трубку с мундштуком из слоновой кости, немного подержал его в пальцах, которые сегодня казались упрямыми, ленивыми и слабыми. Вдруг ему померещилось, что руки его дрожат, как у больного, и уже не подчиняются ему. Он смотрел на них долго, насупленно, с досадой. Не может такого быть, чтобы руки его дрожали. Не может быть, чтобы они его больше не слушались. Ударил огнивом по кремню, словно хотел испытать их, подзадорить. И когда ощутил во рту горький вкус табачного дыма, высоко поднял голову, словно гордый тем, что преодолел упрямство рук». Не только как прелюдия, но и в общей характеристике Дмитрия Кантемира как человека молодого, энергичного и предприимчивого, подобные нотки неуместны. Или другое: положение русских войск стало критическим, генерал Эдельман просит, чтобы ему поручили руководство операциями, становится во главе войск, воодушевляет их на бой, войска стремительно и успешно атакуют. «Од-

нако,— добавляет автор,— неожиданно генерал Эдельман пал, пронзенный пулей, и драгуны кинулись вытаскивать его из схватки. Наступление захлебнулось». На этом и заканчивается описание сражения при Станилештах. Неужели гибель одного военачальника может быть причиной поражения? Это ошибка писателя, хотя Георге Мадан в остальном проявляет правильное понимание соотношения исторической личности и народных масс. Из характеристики Дмитрия Кантемира явствует, что личность только тогда может играть значительную роль в истории, когда она сочетает свои действия с устремлениями масс. Например, договор с Россией поддержан всем народом. При виде геройски сражавшегося отряда молдаван маршал Шереметев восклицает: «Вот они, храбрецы, которые поклонились нам на Днестре и призвали нас побить Махмед-пашу! Это они кричали во весь голос, что ежели господарь будет на стороне турок, то они могут стукнуть и по его золотому скипетру».

Задуманный как роман-хроника, «Колос мечты» правдиво отражает одну из значительных личностей в истории Молдавии, сложность политических и социальных отношений с фигурой Дмитрия Кантемира в центре действия. Заслуга Георге Мадана заключается в том, что на тщательно документированной основе он воссоздал правдивую картину эпохи, и хотя не всегда выдерживал наиболее верную тональность, все же сделал попытку, заслуживающую похвалы.

Влад Иовицэ в киноповести «Дмитрий Кантемир» пользуется короткими сценами, которые можно было бы назвать новеллами в новеллах. Они насыщены множеством выразительных деталей, воссоздающих убедительную картину описываемой эпохи. Историческая красочность вообще отличает вдохновенные страницы этой повести. Д. Кантемир предстает как крупный ученый, дальнозоркий государственный деятель и военачальник. Мы не встречаем лобовых характеристик, приемлемых в исторической науке или истории литературы. Автор пользуется различными художественными приемами, раскрывающими постепенно и во всей сложности образ господаря и ученого. Вот сцена оленьего гона со всеми охотничьими атрибутами — лаем быстроногих борзых, трубящим рогом и т. д. Вся эта обстановка является лишь фоном, на котором зарождается драматичное и дерзкое стремление

Д. Кантемира получить трон Молдавии. Осторожно, неощутимо внушает он своему собеседнику, влиятельному Раису-эффенди, аргументы в поддержку своей кандидатуры, используя конъюнктуру, сложившуюся в канун войны против России: «Сражение произойдет в Молдове. А Молдова не готова к войне. Ее крепости разрушены. Дороги заброшены. Села ее пусты. Жители, которые еще остались в деревнях, обессилены жадностью бояр и господаря. А сам господарь — какой-то грек, чужак, которому даже язык страны неведом, отупел от лени. О его лености говорит весь Стамбул. А теперь скажи ты мне, Раис-эффенди, может ли такой «работящий» господарь подготовить страну к войне в столь короткий срок?

Раис-эффенди, который до сих пор слушал Кантемира, не отводя от него глаза, встал и, снова бросив на него пристальный взгляд, сказал:

— Кантемир-бей, человек твоего ума не нуждается в деньгах».

Эта последняя реплика звучит как признание достоинств Д. Кантемира, возможного кандидата на престол, вопреки нехватке денежных средств, на которую он жаловался. Княжение не будет куплено: умный человек на молдавском троне теперь совсем не помешал бы, — заявляет визирю султан, принимая кандидатуру Кантемира. Этот прием выявления образа героя устами представителей противного лагеря использован широко. В том же эпизоде охоты узнаем из уст Раиса-эффенди исчерпывающие данные о Д. Кантемире-ученом, о многосторонних интересах господарского сына:

— Вай, какой ты хороший гяур, Кантемир-бей! Вай, как сладко поет твой тамбур! Будто ты и не гяур, Кантемир, будто ты самый настоящий турок.

— Двадцать два года в Стамбуле, Раис-эффенди...

— Нет, не годы делают человека человеком, Кантемир-бей! Не годы, а пытливый ум. Можно прожить в чужой стране всю жизнь и так ничего и не узнать о ней. Вот я — семь лет прожил в Персии. И что же, научился я там чему-нибудь? Нет. Затвердил несколько слов — и все. Ты же в глаза Персии не видал, а наизусть знаешь Рудаки, Фирдоуси, Саади. И среди французов ты никогда не жил, и среди русских, и среди итальянцев. А языки их тебе знакомы. Сколько языков ты знаешь, Кантемир-бей?

— Много,— улыбнулся Кантемир.

— Сколько?

— Столько, сколько пальцев на обеих руках, Раис-эффенди.

— Вай, как ты усерден, Кантемир-бей! И как я ленив!.. Как ленивы мы все, османы, если докатились до того, что ты, гяур, пишешь для нас нашу историю, толкуешь нам наш коран, играешь для нас на тамбуре и даже нашу музыку записываешь какими-то крючочками!»

Совсем в иной тональности звучит сцена между этими же собеседниками, но уже в обстановке военных действий, в канун битвы при Станилештах. И здесь Д. Кантемир предстает человеком сильного характера, последовательным и непоколебимым поборником вольности родной земли.

Утвердившись в Молдавии, новый господарь приступает к проведению различных реформ в соответствии с его представлениями о просвещенной монархии. Многозначителен эпизод изгнания палача под предлогом: «мы цивилизованная страна». Но его главная цель, которую он давно вынашивал, было сближение с Россией. Решительно и громко выступает господарь против бояр-туркофилов, открывая одновременно свершившийся факт — подписание договора.

«—Взвесить?! — срывая голос, закричал Кантемир, никогда ни на кого не кричавший.— Я уже все взвесил! Двадцать два года в Константинополе я думал об этом. С тех пор, как у меня пробудился разум, ни о чем другом не думаю я с такой любовью, так горячо, так мучительно. Я лицемерил, я прошел через море унижений, чтобы занять престол этой несчастной страны и отсюда, с этого престола, воззвать к вам и к народу: вставайте! Берите оружие!

Так громко, так мощно звучал голос господаря, что весь дворец пришел в движение. Челядь столпилась перед дверьми и окнами тронного зала, на крыльце, на лестнице, во дворе».

Народ встречает весть о заключении договора восторженно. Тогда берет слово сам господарь и раскрывает историческую значимость этого акта. Сцена динамична, эмоциональна и впечатляюща. Участие в ней народа усиливает ее и без того убедительное звучание: Господарь поклонился народу. Поднял руку, успокаивая людей.

«— Герой Полтавы, — начал он, когда стало тихо,— который превратил отсталую страну в мощное цивилизованное государство, повергшее в изумление Европу и ставшее грозой для Порты Оттоманской, протягивает нам сегодня руку. Нам и другим народам, томящимся под турецким игом. Балканы ждут его как своего освободителя. Мы поднимемся первыми. Мы подадим пример. И наш пример воодушевит на борьбу и валахов, и болгар, и сербов, и греков. Мы поступим так, ибо нет у нас иного пути к спасению. Наш спаситель — Россия! Еще мудрый Дософтей говорил: свет приходит с Востока. А я говорю вам и через вас всей стране: поднимайтесь! К оружию! Вставайте с открытой душой и со всей отвагой!

— Да здравствует господарь Дмитрий Кантемир!— снова зашумела толпа.— Да здравствует Петр — царь России! Да здравствует наше братство по оружию!»

Сцены, посвященные Петру I, выявляют черты характера царя такими, какими изобразил их Ион Некулче: простым, приветливым, дружелюбным, решительным, энергичным, искусным в военных делах. Дружелюбие к молдаванам проявляется еще во время событий, предшествовавших переходу через Днестр, но во всей полноте выражается во время знаменитого пира в разгар боев. Образ русского царя изображен по контрасту с тщеславным и упрямым интриганом шведским королем Карлом XII. Вот Петр I раскрывает перед молдаванами свою точку зрения на общее дело, для победы которого оба народа должны совместно бороться.

«— Ваша светлость,— начал он,— уважаемые гости! В мире есть большие народы и есть народы малые. Бывает, что большие народы мельчают, а малые крепнут. И не большие народы побеждают малых, и не малые больших. Верх всегда одерживают народы храбрые, трудолюбивые, стремящиеся к свободе. С вашего позволения, господа, я поднимаю этот бокал за ваш народ, который никогда не мирился с турецким игом, как и мой народ не мирился в свое время с игом татарским и в конце концов сбросил его. Ваши враги — наши враги. Наше оружие будет теперь и вашим. Так поднимем же бокалы во славу нашего братства!»

События в повести развиваются в хронологическом порядке и в большинстве случаев историческая правда

сохраняется. Право писателя на вымысел осуществляется во многих значительных частях сюжета, причем действие переносится вó времени. Так, даже в начальной сцене Д. Кантемир присутствует при казни серба-заложника. Но ведь в канун вступления на трон он-то не был заложником. Дотошный историк был бы шокирован, например, тем, что по воле автора Кантемир оставляет заложником своего старшего сына. Во-первых, у Дмитрия Кантемира не было заложника, а во-вторых — его сыновья были еще малолетки, чтобы выполнять подобную миссию. Но художественный вымысел находит себе оправдание в сюжетной ткани. Заложника доставляют на поле боя и используют для давления на господаря. Натолкнувшись на его стойкость, турки решают убить мальчика. Их ярость становится еще большей, когда заложник произносит единственную известную ему молитву: «Господи! Молю тебя в мой последний час — помоги отцу моему одержать победу». Таким образом, с точки зрения художественной отступление от исторической правды обоснованно.

Один анахронизм все же нельзя оправдать. Речь идет об использовании тактического приема из войн древности, когда на врага пускали стада быков с горящими хвостами. Для XVIII века такая тактика устарела. В последний раз она была применена в 1578 году господарем Петру Хромым в сражении у Даколины, но с обратным эффектом: казаки, встретившие стада частыми залпами, повернули их вспять и внесли дезорганизацию в его же войска. Тем более сомнителен эффект подобной тактики в условиях войны, которая ведется с использованием новейших по тому времени средств, с сильной артиллерией и пехотой, вооруженной огнестрельным оружием. Но таких неточностей немного. Влад Иовицэ пишет в целом в соответствии с исторической правдой, добиваясь удачного сочетания реальных фактов и художественного вымысла.

Следует, однако, отметить слабости другого характера. Личная жизнь Д. Кантемира принесена в жертву его государственной деятельности. Господарь постоянно находится в круговороте событий. Нет ни одного эпизода, когда бы в интимной обстановке раскрылся его внутренний мир. Многие второстепенные, особенно отрицательные персонажи, едва намечены. Местами действую-

щие лица и даже главный герой пользуются выспренним языком, который не всегда соответствует обстоятельствам.

Указанные недостатки компенсируются страницами высокого эмоционального накала, как, например, словесная дуэль между капитаном Даном Декусарэ и Раис-эффенди.

«Раис-эффенди крикнул им:

— Ваш пир окончен! Бросайте оружие и сдавайтесь. Пришло время пировать нам, победителям!

Декусарэ отделился от своих товарищей. Пробрался сквозь языки пламени и подошел к краю канавы. Одежды на нем были разорваны в клочья и прожжены. Лицо окровавлено.

— Прежде чем вы сядете за этот стол,— сказал он,— вам придется убрать с него наши трупы!

— И уберем! — ответил Раис-эффенди, — и украсим стол вашими головами. Пирамиду из ваших голов сложим посередине! И увенчаем ее головой Кантемира. Чтоб ему виднее был свет с Востока. Пусть любуется!

— Мы никогда не пресытимся светом свободы, — сказал капитан и взмахнул саблей».

Писатель искусно размещает эпизоды, которые в контексте приобретают символическое звучание. К таким относится многозначительный диалог между Петром I и Дмитрием Кантемиром, имевший место после того, как капитан Дан Декусарэ геройски спас знамя Молдавии.

«— Сколько лет занимал ты молдавский престол?— спросил его Петр.

— Всего девять месяцев.

— Как раз столько, сколько нужно, чтобы родился ребенок.

— Ребенок? — не понял Кантемир.

— Дух свободолюбия, — пояснил Петр, указывая рукой на молдавских воинов. — Он родился, а к тому времени, как мы вернемся сюда, — вырастет и окрепнет».

Множество сцен, как например, в господарской школе, где мы сталкиваемся с замечательной демонстрацией ненависти к угнетателям, или эпизоды сражения, где и борьбе за общее дело участвуют молдавские крестьяне, свидетельствуют о правильном понимании того, что поступок Д. Кантемира оправдан вековыми устремлениями

народа. В то же время автор не затушевывает социальное расслоение и классовые противоречия.

Рассмотренные в данной статье работы подтверждают, что обращение наших писателей к эпохе и фигуре Д. Кантемира — явление не случайное. В течение трех десятилетий созданы значительные работы, отражающие в художественных образах важный период молдавской истории, выдающуюся личность нашей культуры Д. Кантемира — патриота, мыслителя, писателя, ученого и политического деятеля, выдающегося представителя своей эпохи.

АЛЕКСАНДРИНА МАТКОВСКИ

Русские отзывы о творчестве и личности Дмитрия Кантемира

Блестящие страницы истории молдаво-русских связей принадлежат XVIII столетию, когда дружеские контакты между величественными историческими фигурами — Дмитрием Кантемиром и Петром I — выразили многовековое стремление двух соседних народов к культурному и политическому сотрудничеству. Молдаване стремились с помощью России сбросить ярмо турецкого владычества и в совместной борьбе добиться свободы и национальной независимости.

1711-й год, несмотря на все несчастливые последствия битвы при Станилештах, положил подлинное начало освобождению Молдавии и одновременно открыл новую эру в молдаво-русских отношениях.

Прибыв в Россию в период больших экономических и социальных преобразований, умный и проницательный Дмитрий Кантемир не мог оставаться в стороне от событий. Его участию в политической жизни России благоприятствовало и глубоко уважительное к нему отношение Петра I. Своими способностями и знаниями Дмитрий Кантемир вызывал восхищение современников, в воспоминаниях которых бывшему молдавскому господарю отведено особое, почетное место. Однако мы не можем оставаться безразличными к недобросовестным утверждениям некоторых буржуазных историков, считающих пребывание Дмитрия Кантемира в России «долгосрочным пленением», во время которого бывший господарь Молдавии якобы чувствовал себя отчужденным от своей родины и народа. Факты, в том числе исторические документы, опровергают эти необоснованные утверждения, раскрывая подлинное положение Кантемиров и других семей молдавских бояр, сопровождавших господаря в Россию. Дмитрию Кантемиру были предоставлены превосходные условия для научного труда, он стал прибли-

женным царя и по многим политическим вопросам — его советником.

Сыновья Дмитрия Кантемира служили в императорской гвардии, получили обширные поместья в Подмосковье, под Харьковом и Курском, а Антиох был русским послом в Англии и Франции, одним из родоначальников классицизма в русской литературе.

Русская литературная критика уделила заслуженное внимание жизни и творчеству представителей семьи Кантемиров и, в особенности, Дмитрия, писательская и политическая деятельность которого в России тесно связана с политическими и культурными событиями периода реформ, предпринятых Петром I. Дмитрий Кантемир не оставался в России «сторонним», «чужим» или «экзотическим гением», как пытался представить его буржуазный историк Штефан Чобану[1], а активным участником политической жизни. Даже часть его исторических трудов, написанных в этот период, является отзвуком осуществленных в России культурных реформ, а некоторые из них — прямым ответом на просьбу Петра I.

На эти важные моменты деятельности Дмитрия Кантемира обратили внимание и некоторые русские историки XIX века[2]. Вопреки враждебности, продемонстрированной частью румынских буржуазных ученых ко всему, что свидетельствует о славянских влияниях на молдавский язык, культуру и литературу, они не смогли противостоять исторической правде. Несомненно, что невозможно было глубоко исследовать литературную и научную деятельность некоторых представителей молдавской культуры XVII—XVIII веков, например, Спафария Милеску или Дмитрия Кантемира, без ознакомления с материалами и документами, хранящимися в библиотеках и архивах России. Только добросовестное изучение и объективное отношение к этим источникам позволило бы воссоздать литературное и научное творчество одного из самых светлых умов молдавской культуры эпохи феодализма. Незнание русских источников, касающихся жизни и деятельности Д. Кантемира, лишило литературоведов воз-

---

[1] Şt. Ciobanu. Dimitrie Cantemir în Rusia, — „Analele Academiei Române. Memoriile secţiunii literare, ser. 3, tom. II, 1925, стр. 430—431.

[2] См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II. СПб., 1862.

можности восстановить действительную картину биографии великого молдавского ученого.

Даже в тех случаях, когда буржуазная историография обращалась к русским документам, эти документы толковались искаженно, рассматривались сквозь призму реакционного и враждебного отношения к периоду жизни и деятельности Дмитрия Кантемира, последовавшему после 1711 года, то есть после его переезда в Россию.

О Дмитрии Кантемире русская печать писала много и по разным поводам — сообщения и биографические исследования[3], отводила страницы в исторических трудах, охватывающих события периода, когда Дмитрий Кантемир был связан с Россией[4], посвящала ему строки в обширных статьях, исследованиях или монографиях о семье Кантемиров[5].

Эти публикации в русской печати XIX века в большой степени сохранили свое документальное и научное значение и, будучи составной обширной критической литературы, — они и сегодня являются важной частью библиографии о Дмитрии Кантемире. Многие из них отражены в научных исследованиях, опубликованных в последние годы как у нас, так и в Социалистической Республике Румынии[6], другие же лишь упомянуты в обзорах.

[3] Ф. С. Байер. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, М., 1783; Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, т. III. М., 1836; Следует отметить и статью Г. Горе. Князь Дмитрий Кантемир. Биографический очерк, «Бессарабские Областные Ведомости», № 19, 6 мая, 1867.

[4] Н. Н. Петр Великий на берегах Прута, «Журнал Министерства Народного Просвящения» (ЖМНП), № 1—2, 1847; П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II, СПб., 1862; А. А. Кочубинский. Сношения румынов и югославян с Россией при Петре Великом, ч. CLXII, 1872.

[5] И. Шимко. Новые данные к биографии кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. (По документам, хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции), ЖМНП, ч. 274—275, 1891; Л. Майков. Княжна Мария Кантемирова. «Русская Старина», январь, март, июнь, август, 1897; Л. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С введением и примечаниями проф. В. Н. Александренко. СПб., 1903.

[6] См.: В. Ермуратский. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956; Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; П. Н. Берков, А. В. Степанов. Материалы для биографии А. Д. и Д. К. Кантемиров. В сб.: «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в». М.—Л., 1961; P. P. Panaitescu. Dimitrie Cantemir. Viaţa şi opera, Buc., 1958.

С появлением монографии П. П. Панаитеску («Dimitrie Cantemir. Viaţa şi opera») прояснились многие вопросы, связанные с политической, литературной и научной деятельностью, развернутой Дмитрием Кантемиром в России. Исследователь подчеркнул, что «...пребывание Д. Кантемира в России оказало большое влияние не только на развитие его политической, исторической и философской мысли, но и явилось неким озарением, окончательным переходом его творчества от мистицизма к науке, от метафизических изысканий к историческим...»[7].

Действительно, именно в этот период Кантемир пишет ряд значительных работ, имевших целью просветить тех, кто интересовался историей, географией, культурой Молдавии и, особенно, Оттоманской империи, о которой у него имелись исключительно широкие познания.

Огромная эрудиция молдавского ученого отмечалась в русских публикациях каждый раз, когда шла речь о фактах или событиях, прямо либо косвенно связанных с личностью Дмитрия Кантемира. До нас дошли как свидетельства современников Кантемира, так и оценки тех, кто позднее изучал его жизнь и творчество. И если бы мы поставили себе целью воспроизвести в хронологическом порядке то высокое мнение, которое снискал этот блистательный ум, мы начали бы с лаконичной оценки из путевых записок Петра I: «Оный господарь — человек зело разумный и в советах способный»[8]. Любовь царя к Дмитрию Кантемиру красноречиво выражена в его отказе выдать туркам бывшего господаря Молдавии: «Я лучше оставлю туркам всю землю, простирающуюся до Курска...», чем «предать Князя, оставившего свое владение из любви ко мне»[9].

Одной из первых монографических работ о семье Кантемиров, изданных в России, является труд историка Ф. С. Байера[10]. Это работа биографического характера, содержащая богатый документальный материал, касаю-

---

[7] П. П. Панаитеску. Указ. соч., стр. 118.

[8] Походные и путевые журналы императора Петра Первого. Походный журнал за 1711 г. СПб., 1854, стр. 49.

[9] Это сообщение встречаем во многих русских источниках; Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, т. III. М., 1836, стр. 38; Ф. С. Байер. Указ. соч., стр. 290; И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. IV. М., 1838, стр. 267.

[10] Ф. С. Байер. Указ. соч.

щийся жизни Дмитрия Кантемира, а также других представителей этой семьи, начиная с отца Дмитрия, Константина Кантемира, господаря Молдавии (княжил с 1685 по 1793 г.). Автор рисует физический и духовный облик Дмитрия Кантемира, описывая его следующим образом: «был среднего росту, более сух, нежели толст. Вид имел приятный и речь тихую, ласковую и разумную... Не недоставало ему ни способности к делам общественным, ни неустрашимости к военным»[11].

Большую научную ценность представляет также статья в «Словаре достопамятных людей русской земли», подписанная Дм. Бантыш-Каменским[12], сыном другого биографа Д. Кантемира. Речь идет о Н. Бантыш-Каменском, русском историографе, во владении которого находилась значительная часть рукописей трудов Дмитрия Кантемира. В 1783 г. он подарил их архиву Министерства иностранных дел.

Интерес представляет и дневник Ивана Ильинского[13], секретаря Дмитрия Кантемира и учителя его детей. Записки охватывают период с 1721 по 1730 гг. и содержат ранее не известные факты из биографии Дмитрия Кантемира, об отношениях Кантемира и Петра I, а также ряд других сведений об обстановке, в которой рос и формировался Антиох Кантемир, будущий русский сатирик первой половины XVIII столетия.

Мы не намереваемся излагать содержание многочисленных русских публикаций, касающихся определенных сторон жизни и деятельности Дмитрия Кантемира. Но хочется особо остановиться на некоторых сведениях, почерпнутых из исследования Полихрония Сырку, опубликованного в 1880 году в журнале Министерства народного просвещения[14]. Статья заинтересовала нас своими малоизвестными фактами, касающимися литературного наследия Дмитрия Кантемира периода пребывания его в России, тем более, что на него не ссылается ни одна из появившихся позднее в русской печати, а также у нас,

---

[11] Там же, стр. 312.

[12] Д. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 34—42.

[13] Дневник Ивана Ильинского был опубликован историком Л. К. Майковым в качестве приложения к монографии, посвященной жизни Антиоха Кантемира, которая вышла в Петербурге в 1903 г. с предисловием проф. В. Н. Александренко.

[14] П. Сырку. Путешествие румынских ученых по славянским землям. ЖМНП, ч. 210—212, 1880.

в Молдавии, работ, посвященных жизни и деятельности Дмитрия Кантемира. Статья важна еще и тем, что впервые предоставляет в распоряжение русского исследователя и читателя богатый библиографический материал о Дмитрии Кантемире. Сомнительно, чтобы до появления статьи П. Сырку русской критике эти библиографические источники были известны из других публикаций.

Восьмидесятые годы XIX столетия являются началом нового этапа распространения и — что особенно важно — изучения в России молдавской литературы и культуры. Зачинателем этого благородного дела был бессарабец П. Сырку, знаток языка, истории, культуры и литературы молдавского народа. Хотя в указанной статье предметом исследования не являются события, касающиеся жизни Дмитрия Кантемира, а речь идет лишь о необходимости и важности исследования хранящихся в библиотеках и архивах России документов и материалов, относящихся к истории и культуре Дунайских княжеств, П. Сырку отводит значительное место некоторым сообщениям о рукописях Кантемира, которые также находились в русских архивах. Поскольку большинство исторических и других работ Дмитрия Кантемира написано или отредактировано во время его пребывания в России, нет сомнения в том, что рукописи оригиналов хранились именно в архивах культурных центров Российского государства.

Некоторые буржуазные историки замалчивали благотворное влияние прогрессивной русской культуры на формирование социально-политической концепции Дмитрия Кантемира, сознательно пренебрегая исследованиями того периода жизни и деятельности великого ученого. Надолго оставались неизвестными и большинство научных изысканий Д. Кантемира периода его пребывания в России. Но время все более настойчиво требовало издания полного собрания сочинений Дмитрия Кантемира и создания научных монографий, охватывающих всю его писательскую деятельность. Именно в силу этих обстоятельств одной из основных задач, ставших перед историками и литературоведами Румынии, посетившими в конце XIX века культурные центры России в научных целях, являлся сбор и изучение материалов, связанных с жизнью и деятельностью Дмитрия Кантемира.

Исследование П. Сырку подробно знакомит нас с

главными положениями, так сказать, программы-минимум, которую предстояло осуществить ученым, направленным в Россию для исследования оригиналов произведений Катемира. П. Сырку опирается частично и на некоторые сведения из отчета Григоре Точилеску о его поездке в Россию осенью 1877 года[15].

В общих чертах план работы в русских архивах выглядел следующим образом:

а) фотокопирование «Хроники стародавности романо-молдо-влахов»[16], рукопись которой хранилась в центральном архиве Министерства иностранных дел в Москве (ныне ЦГАДА СССР);

б) сопоставление молдавского оригинала «Хроники» с латинской рукописью «Описания Молдавии»[17]. («Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviae»), которая хранилась в Азиатском музее (ныне Институт востоковедения АН СССР, Ленинград);

в) снять копии с рукописного сочинения Д. Кантемира: «Istoria Ieroglificâ» («Иероглифическая история»), сохранившегося в центральном архиве Министерства иностранных дел (ныне находится в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве), а также работы «Vita Constantini Cantemiryii, cognomento senis, Moldaviae principis» («Жизнь Константина Кантемира, прозванного Старым, господаря Молдавии»), рукопись которой хранилась в том же архиве (ныне — в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР);

г) сопоставление академического издания румынско-

---

[15] Отчет Г. Точилеску был опубликован в „Analele Academiei Române". Memoriile secţiunii istorice, ser. I, vol. XI, 1879.

[16] «Хроника» опубликована на латинском языке (1717), а через несколько лет (1719—1722) автор создает и молдавскую версию. Между 1835—1836 гг. эта работа была опубликована в Яссах Г. Саулеску. Однако в тексте было много ошибок и искажений, что отмечалось Г. Точилеску в академическом издании 1901 г.

[17] Этот труд долгое время остается в рукописи. Впервые издается на немецком языке в Гамбурге в 1769 г., затем в 1771 г. в Лейпциге под наблюдением профессора Петербургского университета Ф. И. Мюллера. В России переведен Василием Левшиным в 1789 г. Первое молдавское издание выходит в 1825 г. в переводе Василия Вырнава, а в 1851 г. эта работа переиздается К. Негруци (более подробные сведения о переводах «Описания Молдавии» см. в монографии В. Ермуратского, стр. 43).

го перевода «Истории роста и упадка Оттоманской империи»[18] с итальянской и латинской рукописями;

д) выяснить, находятся ли в каком-либо архиве русских библиотек рукописи работ «Theologo-Physica», или «Monarchiarum physica examinatio» («Исследование природы монархий») и «История семейств Брынковянов и Кантакузиных»[19];

е) проведение тщательной сверки латинского текста «Описания Молдавии», вышедшего в академическом издании, с оригиналом, находящимся в библиотеке Азиатского музея в Петербурге.

Вот основные цели научной командировки историка Григоре Точилеску. Но русские архивы предоставили исследователю исключительно богатый материал, который значительно превосходил его самые смелые ожидания. Только в фондах архива Министерства иностранных дел находилось шесть рукописей[20] работ Дмитрия Кантемира. Здесь же было обнаружено 59 документов, касающихся молдаво-русских отношений, среди которых 42 относились к биографии Д. Кантемира[21]. Речь идет о ряде писем Д. Кантемира, адресованных графу Г. Головкину, князю Шереметеву и, главное, Петру I[22]. Столь же бо-

---

[18] В Румынии вскоре (1876—1878) вышел перевод этой работы, сделанный И. Ходосиу. Он же [годом раньше (1875)] перевел с оригинала «Описание Молдавии».

[19] В настоящее время рукописи находятся в библиотеке АН СССР в Ленинграде. «Исследование природы монархий» оставалось в рукописи более двух столетий и впервые было опубликовано в Румынии только в 1951 г. (См.: журнал „Studii de istorie şi filosofie", № 1, an. IV, ianuarie-martie". В этой работе, написанной в 1714 г., Дмитрий Кантемир выразил свое восхищение величием России и непоколебимую веру в то, что именно России предстоит осуществить священную миссию освобождения народов, порабощенных Оттоманской империей. Основной целью этого труда было привлечь внимание Петра I, утверждает историк В. Ермуратский, к необходимости продолжать борьбу против Турции (см.: В. Ермуратский. «Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира». Кишинев, 1956, стр. 41).

[20] Речь идет о «Хронике стародавности романо-молдо-влахов», «Иероглифической истории», «Compendiolum universale — Logices institutionis", „Curanus", „Historia Moldo-Vlahica" и об итальянском переводе «Истории роста и упадка Оттоманской империи».

[21] См.: П. Сырку, цит. статья, ЖМНП, ч. 211, 1880, стр. 5—8.

[22] Большинство этих документов в разное время опубликовано биографами Дмитрия Кантемира. В румынском переводе они появились и в монографии Штефана Чобану.

гатый материал, касающийся молдаво-русских отношений в XVIII веке, был собран и в других архивах и библиотеках Москвы[23] и Петербурга[24].

В архиве библиотеки Московской духовной академии хранились четыре рукописи трудов Дмитрия Кантемира, а именно:

1. «Loca obscura in Canthechisi...» («Темные места в катехизисе»)[25]; ныне рукопись находится в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

2. «Joannis Baptistae Van-Helmont...» («Хвала Ван-Гельмонту»). В этой рукописи, помимо оригинальных мыслей самого Кантемира, содержатся, как указано в заглавии, отрывки из трактата по физике голландского ученого Ван-Гельмонта (1577—1644).

3. «Sacro-Sanctae scientiae indepingibilis imago» («Священной науки неописуемый образ», или «Метафизика»). В качестве приложения к рукописи находилось и письмо Д. Кантемира, адресованное его учителю Иеремии Какавеле.

4. «Compendiolum universale — Logices institutiones» («Всеобщая краткая логика»). Рукопись на латинском языке хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА СССР)[26]. Второй экземпляр этой рукописи находился в архиве Министерства иностранных дел.

---

[23] Были исследованы фонды библиотеки Синода, архив Румянцевского музея, библиотека графа А. С. Уварова, библиотека Общества истории и древностей Российских при Московском университете, а также фонды библиотеки Московской духовной академии.

[24] В Азиатском музее Академии наук были обнаружены четыре рукописи работ Д. Кантемира на латинском языке, сданных сюда Ф. С. Байером. В Петербурге были также исследованы архивы Министерства иностранных дел, фонды отдела древностей публичной библиотеки и другие архивы различных учреждений и исторических музеев.

[25] „Loca obscura" — критика дидактической работы Феофана Прокоповича «Первое учение отроком». Эта полемика (кстати, Ф. Прокопович не замедлил ответить на критику Кантемира) привлекла в дальнейшем внимание многих историков литературы. См.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; И. Извеков. Один из малоизвестных литературных противников Ф. Прокоповича.— «Памятники новой русской истории». СПб., 1873; П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. ЖМНП. 1880, № 8.

[26] См.: В. Ермуратский. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973, стр. 34.

Для тех, кто интересуется литературным наследием Дмитрия Кантемира, и учитывая, что массовому читателю эти сведения малодоступны, назовем и другие кантемировские рукописи, сохранившиеся в библиотеках и архивах России.

Так, П. Сырку сообщает, что в библиотеке Азиатского музея (Петербург) были обнаружены и четыре другие рукописи работ Дмитрия Кантемира[27]: «Historia incrementarum atque decrementarum Aulae Othomanicae» («История роста и упадка Оттоманской империи»), «Descriptio Moldaviae»; и «Historia Moldaviae», которые являются фактически копиями одного и того же текста, «Vita Constantini Cantemiryii, Cognomento senis, Moldaviae principis» («Жизнь Константина Кантемира, прозванного Старым, господаря Молдавии») и рукопись озаглавленная: «Collectanea Orientalia» («Восточные коллекции»), в которой хранился список работ Д. Кантемира, а также диплом члена Берлинской академии.

В архиве Министерства иностранных дел, в Петербурге, находилась рукопись «История семейств Брынковянов и Кантакузиных», а также ряд писем Дмитрия Кантемира, в то время еще неизвестных.

Помимо рукописей трудов Дмитрия Кантемира и других архивных документов, изучение которых значительно пополнило бы сведения о жизни и деятельности великого молдавского ученого, библиотеки и музеи Москвы и Петербурга предоставляли в распоряжение исследователей и другие интересные материалы, относящиеся к периоду пребывания Д. Кантемира в России. Речь идет о серии портретов Дмитрия Кантемира, его жены Касандры, урожденной Кантакузин, и их детей Антиоха и Смаранды[28].

Только перечисленное здесь дает представление о том, какие сокровища документов и материалов, связанных с историей Молдавии в целом и с жизнью и деятель-

---

[27] Все эти рукописи стали собственностью музея, будучи подарены историком Ф. С. Байером. В свою очередь Байер, который намеревался издать большую часть произведений Д. Кантемира, видимо, получил их от Антиоха Кантемира, своего бывшего ученика.

[28] О портретах Дмитрия Кантемира см. работы: Д. А. Ровинский. Словарь русских гравированных портретов. СПб., 1872; Русские граверы. М., 1871; П. П. Бекетов. Собрание портретов россиян знаменитых. М., 1821—1824.

ностью ее бывшего господаря, в частности, содержали библиотеки и архивы России. Значительная часть этих богатств стала известна благодаря изысканиям русских историков и литературоведов, труды которых заслуживают пристального изучения современными исследователями.

Представляя собой неотъемлемую часть русской литературы и культуры петровской эпохи, творчество Дмитрия Кантемира прежде всего является нашим литературным и научным сокровищем XVIII столетия.

Дмитрий Кантемир поражал современников своими обширными познаниями и острым умом, а те, кто позднее исследовал его жизнь и творчество, отнесли его к самым ученым мужам России времен Петра I[29].

Пламенный поборник укрепления молдаво-русских связей, Дмитрий Кантемир проявил себя и как активный пропагандист культуры и литературы Молдавии в России. «Описание Молдавии», переведенное на русский язык в 1789 году, впервые открыло перед русским обществом наш народ. Оно содержит богатый материал по географии, истории, экономике и культуре Молдавии начала XVIII века. Этот труд Дмитрия Кантемира сыграл важную роль не только во время выхода в свет, но он остается актуальным и поныне. Доказательством является и то, что в 1973 г. в издательстве «Картя Молдовеняскэ» появился новый русский перевод «Описания Молдавии», сделанный с латинского Л. Панкратьевым, с документированной вступительной статьей и под общей редакцией профессора В. Н. Ермуратского. К этому труду Кантемира обращались и обращаются целые поколения исследователей—историков, филологов, литературоведов, юристов, и каждый из них находил здесь ценный материал для своих изысканий. Различные аспекты социальной и культурной жизни Молдавии, рассмотренные Дмитрием Кантемиром с научных позиций, придали этой работе энциклопедический характер, усилили ее значение и обеспечили ей место в числе произведений мирового звучания. Для России она оставалась основным источником научной информации о нашей стране даже после появ-

---

[29] См.: Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. II. М., 1836, стр. 35.

ления других работ, опубликованных в первой половине XIX века русскими историками и литературоведами.

Не менее значительными и известными в России были другие работы Дмитрия Кантемира, написанные на латинском языке, который в то время являлся языком трактатов и научных трудов. «Его работы, — пишет П. Сырку, — будут всегда иметь значение в науке и, вместе с тем, сохранят память об авторе как о человеке, широко образованном..., а его латинские богословско-полемические трактаты... были в свое время довольно известны в России»[30].

Дмитрий Кантемир был известен как лучший востоковед своего времени, а появление труда «Книга систима мухаммеданския религии» (1722), судьбой которой живо интересовался сам Петр I, только подтверждало эту славу. Она явилась причиной того, что Дмитрий Кантемир сопровождал русского царя в Персидском походе не только в качестве переводчика и советчика по восточным вопросам, но и исследователя в области географии, истории, археологии, метеорологии, с большой тщательностью записывавшего результаты своих научных наблюдений.

Наука того времени могла бы обогатиться одной из самых документированных работ по истории и географии Кавказа, если бы смерть не прервала это прекрасное начинание. Великая страсть Дмитрия Кантемира к науке была отмечена и его биографом историком Ф. С. Байером, который писал что «главное его удовольствие всегда составляли науки...»[31], «а лучше для себя удовольствие находил он в изучении истории; был весьма искусен в философии и математике. Он имел великое знание ь архитектуре...»[32].

Высочайшую оценку дали Дмитрию Кантемиру прогрессивные деятели России XIX столетия, в частности В. Г. Белинский[33].

И в наши дни люди чтят память выдающегося человека и восхищаются необыкновенной личностью Дмитрия Кантемира, преодолевшей века и эпохи.

---

[30] П. Сырку. Значение румыноведения для славянской науки. ЖМНП, ч. 234, август, 1884, стр. 244.

[31] Ф. С. Байер. Указ. соч., стр. 281.

[32] Там же, стр. 315.

[33] См.: В. Г. Белинский. Статьи и рецензии, т. VIII. М., 1955, стр. 616.

Содержание

Стр.

Наследие Дмитрия Кантемира и современность

Редактор А. Лисовицкая.
Художник Ю. Пивченко.
Художественный редактор Н. Тарасенко.
Технический редактор Н. Припа.
Корректор О. Рожкова.

Сдано в набор 8/VII 1975 г.
Подписано к печати 9/III 1976 г.
АБ 01193.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип № 1.
Печатных листов 12,18.
Уч.-изд. листов 12,29.
Тираж 5000.
Цена 74 коп. Зак. № 833.
Издательство «Картя Молдовеняскэ».
Кишинев, ул. Жуковского, 44.
Полиграфкомбинат, Госкомиздата МССР,
г. Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.